

ВЕСТНИК

МГГУ им. М.А. Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Москва
2012

УДК 93/94
ISSN 2219-3987

2.2012

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. Шолохова**

Издается с 2010 г.

Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ»

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

**ПИ № ФС 77–19007
от 15.12.2004 г.**

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Интернет-адрес:
www.mgoru.ru

Редакционная коллегия
И.Г. Жиряков (*гл. редактор*),
А.И. Юрьев (*зам. гл. редактора*),
А.А. Орлов (*отв. секретарь*),
В.Д. Нечаев, В.И. Шеремет,
В.В. Панферова, А.В. Миронов

Электронная версия журнала:
www.mgoru.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Мухина Ю.Ю.

Характеристика положения крестьян и холопов в России
во второй половине XVI – XVII вв. 5

Ткалич А.И.

Становление межэтнических отношений
на Крайнем Северо-Востоке Сибири и крещение
коренного населения (XVII – начало XX вв.) 14

Карпович О.В.

Социально-сословный состав участников восстания 1830–1831 гг.
в Минской губернии. 22

Курков К.Н.

Трагическая судьба собраний дворян-предпринимателей
в России в начале XX в.: князя Голицыны и их имения 32

Патрикеева О.А.

Курсистка или вольнослушательница Университета:
выбор россиянок в начале XX столетия 38

Фадеев М.К.

Партийная система России в условиях дестабилизации
и ликвидации третьеиюньского (1907 г.) политического режима
П.А. Столыпина 47

Коваленко Е.П.

Исторические аспекты проблемы мужской смертности в России:
XX век 52

Субханкулов Р.Ф.

Основные аспекты развития отечественной историографии
участия СССР в войнах и военных конфликтах
второй половины 1930-х гг. 57

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИЯ

Го Мэн

Миграция населения из России в Китай:
исторический опыт натурализации и сохранения самобытности
(конец XVII – XX в) 71

Стрелец М.В.

Политический портрет Маттиаса Эрцбергера 78

ПОЛИТОЛОГИЯ

Локина К.Н.

Местное самоуправление в г. Рязани: особенности формирования, современные тенденции и перспективы развития 90

Масалов А.Г.

Теоретические подходы к определению сущности молодежи 102

Родионова Л.М.

Содержание и формы социальной функции государства в современной России 111

НАШИ АВТОРЫ 116

CONTENTS 117

ПАМЯТКА АВТОРУ 118

Ю.Ю. Мухина

Характеристика положения крестьян и холопов в России во второй половине XVI – XVII вв.

В статье дается характеристика положения крестьян и холопов в России во второй половине XVI – начале XVII вв. на основании анализа грамот, писцовых и кабальных книг. В частности, рассматривается вопрос о расслоении крестьян. Прослеживаются также изменения в положении такой категории крестьян, как половники. Значительное внимание уделяется процессам, происходившим в изменении положения различных категорий холопов. Сопоставляются процессы исчезновения полного, докладного холопства, сокращения числа старинных холопов с ростом кабального холопства и добровольной службы.

Ключевые слова: крестьяне, крестьяне-половники, полные холопы, докладные холопы, кабальные холопы, писцовые книги, кабальные книги, порядные грамоты, полные докладные грамоты.

XVI век, как известно, ознаменовался значительными сдвигами и в социально-экономической, и в социально-политической жизни Московского государства. Развитие феодального землевладения и поместной системы, распространение зависимости от светских и духовных феодалов на новые контингенты крестьян, расширение рыночных связей и вовлечение в них крестьян, укрепление власти феодалов, – все это отразилось на характере расслоения крестьянства. Это было главной особенностью в изменении их положения.

О случаях приобретения в XVI в. податного и судебного иммунитетов некоторыми богатыми черносошными крестьянами говорят северодвинские грамоты. Можно утверждать, что эти черносошные крестьяне

не были феодалами, оставались крестьянами, но некоторые из них были промышленниками и купцами Подвинья [16, л. 21, 22, 23].

Такое выделение имело место и ранее, но в результате развития в стране товарно-денежных отношений оно приобрело более широкие масштабы.

От XVI в. до нас дошли документы (прежде всего писцовые книги), свидетельствующие о дальнейшем выделении из сельского населения торгующих крестьян. В писцовых книгах есть сведения о лавках, принадлежащих крестьянам в Новгороде, Пскове и других городах. В документах их называют «лутшими людьми» [15, л. 11]. Как видно из северодвинских грамот, некоторые черносошные крестьяне Поморья, через которое проходил важнейший Двинско-сухонский торговый путь и в котором располагались соляные, морские и рыбные промыслы, становились не только купцами, но и владельцами промыслов [16, л. 21, 22, 23].

Говоря о предпринимательской деятельности крестьян и их имущественном расслоении, нельзя не отметить, что формирование во второй половине XVI в. крепостного права стало тормозить развитие крестьянского предпринимательства. В частности, в северных промыслах церковные феодалы в конце XVI в. энергично теснили крестьян [10, с. 166].

Анализ новгородских писцовых книг XVI в. показал, как сильно различались в те времена крестьянские дворы по размерам тягла и по обеспечению пахотными и сенокосными угодьями. Высший надел превосходил низший в Деревской пятине в 7 раз, а в Водской, Шелонской и Обонежской – в 12–15 раз. Такая высокая степень колебаний характерна как для помещичьих, так и для монастырских и дворцовых крестьян [15, л. 13, 14].

К бедной группе, если брать данные Новгородских писцовых книг, относились крестьяне Шелонской и Водской пятин. В Шелонской пятине на 1 двор приходилось 2 семьи, а во дворах с более значительными посевами – 3 и более семей. Так, в тех помещичьих и оброчных однодворных деревнях, например, Порховского уезда, где на двор приходилось 20 десятин земли пашни, жило в среднем по 2 семьи. Такие многосемейные и многопосевные дворы обладали некоторыми преимуществами: он был более устойчив, для него не была пагубна смерть одного работника и лошади, он эффективно использовал инвентарь. К тому же двор по 20 десятин мог вполне обходиться без наемного труда [Там же].

Что касается Деревской пятины, то здесь дворы были односемейными, а крестьяне жили еще беднее, чем в Шелонской, Водской и Обонежской пятинах. В Заонежских погостах, согласно документам Новгородской приходской избы, ситуация была такова, что около 90% дворов имели запашку, с которой не могло хватить хлеба для прокормления семьи. Сопоставляя Заонежские погосты с Деревской пятиной, заметны их существенные

различия. В Заонежских погостах во много раз больше малоземельных крестьян и во много раз меньше крестьян, имевших сравнительно значительные земельные участки для пашни, чем в Деревской пятине [15, л. 13, 14].

Черносошное крестьянство не обязательно имело высокий достаток, но владело существенным преимуществом перед помещичьим крестьянством: имело право отчуждать свою землю [6, с. 298–299].

Одной из распространенных категорий крестьянства первой половины XVI в. являлись половники. Половниками становились малоземельные крестьяне, а также отпущенные на волю холопы и обедневшие горожане. Они получали земельный участок и ссуду для ведения хозяйства, заключив с помещиком договор. В документах XVII в. половники иногда называются наймитами, поэтому можно рассматривать их как свободных арендаторов, несмотря на то, что данная категория крестьян отбывала оброк и барщину [16, л. 83; 12, л. 78]. В конце XVI в. районом, где проживала данная категория крестьян, было Поморье. В поморских уездах поместное землевладение и крупное землевладение светских вотчинников не получили распространение, но большую роль здесь играло монастырское землевладение. Однако лишь в немногих церковных вотчинах (Соловецком, Антониево-Сийском монастырях, Холмогорском архиепископском дворе) сидели свои крестьяне [11, д. 7; 12, л. 78]. Большинство других монастырей Севера принадлежало к числу черных (тяглых) и не могло иметь своих крестьян. Поэтому они, как и посадские люди этого региона, использовали труд наймитов [9, с. 18–19].

Специфической особенностью Поморья являлось относительно значительная мобилизация крестьянских земель и обезземеливание части крестьян. Таким образом, там появились не только люди, заинтересованные в привлечении половников, но и люди, готовые пойти в половники.

В других районах также было немало людей, оторванных от земли и стремившихся, как показывают документы, вновь на ней работать. В период действия норм судебных о крестьянских переходах люди, ушедшие от прежних владельцев в установленный срок и на законном основании, а также вольноотпущенники, выходцы из-за рубежа и другие, именовавшие себя «вольными», нередко заключали с помещиками и вотчинниками порядные договоры. Содержание этих договоров отражено в порядных грамотах. Это было и после введения в 1581 г. «заповедных лет» [10, с. 175]. В настоящее время имеются немало порядных грамот, подписанных в Новгородских пятинах, на Псковской земле, в центральных и восточных районах страны [5, с. 117], особенно много их в Поморье.

Анализ целого ряда порядных грамот позволяет учесть особенности положения половников. «Вольные» люди, порывшиеся к помещикам

и вотчинникам «во крестьяне», принимали обязательство ставить дворы или «хоромы старые делати и новые ставити», и «живучи пашня пахати и косити и поля городити». Они давали обещание «жити тихо и смирно, никаким воровством не воровати» [1, с. 23]. Подписавший порядную грамоту крестьянин соглашался «государевы подати по окладу платити и помещицкой и монастырский доход давати», чем его землевладелец «изоброчит» и «изделья делати с суседи в ряд» [Там же, с. 24]. При этом иногда на первые годы порядчик получал льготу. В псковских, новгородских и других, не относящихся к Поморью, порядных грамотах обычно не оговаривается срок, на который порядчик идет «во крестьяне». Он обязуется «не сойти и не сбежати» ни на дворцовые, ни на монастырские земли. В порядных грамотах иногда прямо говорилось, что если порядчики сбегут, землевладельцу «вольно их обратно вывезть». Лишь в отдельных случаях порядчик обязуется «жить во крестьянех по живот» землевладельца. «А после живота вольно ему (порядчику. – Ю.М.) итти, куде он захочет» [Там же, с. 25]. Иногда указывается обязательство «ни за кого не выдти», оно остается в силе «до выходных лет» [Там же, с. 26–27].

Стремясь к строгому соблюдению условий порядных грамот, землевладелец добивался надежного поручительства за новоселов. В этой связи порядные грамоты все чаще превращались просто в поручные. Поскольку половники относились к беднейшему слою крестьянства, в XVI – начале XVII вв. для них была характерна хроническая задолженность [Там же, с. 45–46]. Неслучайно монастырские приказные люди, производившие в 1559–1600 гг. описание владений Соловецкого монастыря, писали, что во всем Каргопольском уезде обычай «ведетца в монастырских вотчинах, да и государевых, у которых в деревнях половники живут в пашенное время хлеб в заем им дают, а которому половнику, хто в заем хлеба не даст, и он своим пашни не пашет, да где хочет, там и наймутся» [12, л. 78]. Приказные люди также сообщают, что они дают половникам в заем посевную рожь, жито и овес ежегодно. А «доправить» заемный хлеб на половниках удастся далеко не всегда, и «тот на них хлеб монастырский по вся годы долгу ставитца». Происходило это потому, что половники, как правило, были люди «недостаточные» [Там же].

Из вотчинного описания земель Соловецкого монастыря от 1559–1600 гг. можно узнать об условиях, на которых половники держали землю в Каргопольском уезде. Они пахали пашню, жали и молотили хлеб, косили сено. «А тое их пашни хлеба, да и сена на монастырь идет половина», – сообщают приказные люди. Других натуральных поборов, а также денежных пошлин половники монастырю не платили [Там же].

Значительные изменения произошли во второй половине XVI в. в положении холопов. Ко второй половине XVI в. кризис полного холопства достиг своего апогея. Основным его проявлением было сокращение количества оформленных полных грамот, а затем окончательное их исчезновение. Так, в отрывках Новгородских записных книг старых крепостей декабря 1597 – января 1598 г. из 97 сохранившихся перерегистрированных полных грамот самая поздняя относится к 1554 г., а наибольшее их число падает на конец XV – первую половину XVI вв. (65 грамот) [13, л. 14]. Вместе с тем, за период 1539–1554 г. зарегистрировано всего 9 полных грамот [4, с. 117].

Если учесть, что вероятность сохранности грамот, хронологически близких к моменту перерегистрации, больше, чем вероятность сохранности отдаленных по времени грамот, то факт быстрого исчезновения полных грамот становится более явным. В названных в Уложении 1597 г. о полных холопах грамотах нет уверенности, что речь идет о холопах, зарегистрированных по полной грамоте, а не об их потомках, т.е. холопах по старине [3, с. 348]. Предки этих холопов дали на себя полные грамоты: хотя последние и были перерегистрированы в записных книгах старых крепостей, лица, давшие их на себя, не дожили до 1597 г. [13, л. 14]. Эти грамоты, по всей вероятности, вносились в книги в качестве документального основания зависимости их потомков.

Конечно, отсутствие в Новгородских записных книгах старых крепостей, датированных после 1554 г., не обязательно свидетельствует о том, что их оформление прекратилось именно с 1550-х гг. Можно указать на аналоги, докладные грамоты, последняя из которых в составе записных книг старых крепостей датируется 1567 г. [5, с. 14], в то время как известны докладные грамоты более позднего времени – вплоть до 1600 г. [13, л. 14]. Но все же резкое сокращение полных грамот – факт несомненный, ровно, как и их исчезновение в конце XVI – начале XVII вв.

Процесс изживания старых видов холопства затронул не только полное, но и старинное холопство. Прежде всего, это выразилось в постепенном сужении каналов, по которым вливались в старинное холопство потомки других категорий холопов. Так, исчезновение полных грамот привело к тому, что приток в старинное холопство из данного резерва замедлился. И, наоборот, нарастание процента вольноотпущенников усилило отток людей из старинного холопства. И все же изживание старинного холопства происходило медленнее, чем исчезновение полного холопства. Это различие в темпах вполне естественно. Исчезновение полных грамот означало, что полное холопство прекращает свое существование после смерти лица, давшего на себя полные обязательства. Старинное же холопство, пополняясь за счет их потомков, а также потомков

холопов других категорий, потомков лиц, находившихся в зависимости, близкой к холопью (кабальная неволя, добровольная служба), могло существовать длительное время, даже лишившись всех других источников формирования, кроме естественного прироста [8, с. 56].

Наряду с исчезновением полного и постепенным изживанием старинного холопства эти же процессы затронули и один из относительно новых видов холопства – докладное. Этот вид холопства не мог получить распространение, поскольку охватывал лишь определенную и весьма незначительную в количественном отношении привилегированную группу сельского населения, чье холопье состояние оформлялось специальной докладной грамотой. Период существования докладного холопства определялся следующими крайними данными. Первая из сохранившихся докладных грамот датируется 1485 г., последняя – 1600 г. В духовных документах докладные холопы впервые упоминаются в 1510 г., а последний раз – в 1600 г. Законодательство трактует о докладных грамотах с 1550 по 1609 гг. [7, с. 198–199].

Распределение сохранившихся докладных грамот по годам также свидетельствует об изживании докладного холопства. Из 24 докладных грамот 16 относятся к концу XV – первой половине XVI вв. Эта разновидность холопства по юридическому статусу вряд ли отличалась от полного холопства, хотя как по экономическому, так и по социальному положению докладное и полное холопство холопство неидентичны [2, с. 15].

Значительные изменения происходят также в положении кабального холопства. Во второй половине XVI в. право кабального человека освободиться, возвратив занятую сумму, становится практически невозможным. Так, в кабальных книгах, содержащих огромное количество биографий кабальных людей, зафиксирован всего только один случай выплаты долга. Лишь Уложение 1597 г. изменило право кабального человека выплачивать долг [3, с. 348].

Практика кабальных отношений, основанная на норме обычного холопского права, относящегося к холопству в целом, сочеталась в XVI в. с полным отсутствием до 1550 г. законодательного регулирования непосредственно зависимости по служилой кабале. И хотя, начиная с царского Судебника 1550 г., наметился некоторый перелом, все же законодательные акты, частично или полностью имевшие в виду именно кабальную неволю, указы от 1 сентября 1558 г., указ 1560 г., несохранившийся в подлиннике указ 1586 г., не определяли ее юридического положения. Их смысл сводился только к тому, чтобы либо оградить феодалов от закабаления принадлежащих им холопов старых категорий, либо запретить оформление служилых кабал на отдельные категории свободных людей,

либо укрепить владельческие права феодалов. Все это свидетельствовало, безусловно, о том, что правовые нормы (обычного права или сформулированные законодательством), относящиеся к холопам, удовлетворяли феодалов как основа регулирования кабальной зависимости [1, с. 21–22].

Живучесть добровольной службы и заинтересованность феодального государства в ее ограничении – эти противоречивые тенденции наглядно прослеживаются во второй половине XVI столетия. Статья 11 Уложения 1597 г. не только является их отражением, но и знаменует собой коренное изменение статуса добровольной службы, одновременно намечая путь к ликвидации ее формы, которая существовала в XVI в. [3, с. 341].

Судьба добровольной службы была решена Уложением 1597 г. вполне определенно. Свое отрицательное отношение к добровольной службе московские власти продемонстрировали еще в 1555 г., когда 11 октября был дан указ о том, чтобы даже путем предъявления исков о краже имущества задерживать добровольных холопов. Оставаясь верным своему отрицательному отношению к подобной форме зависимости, московские власти решили принять новые, более действенные меры. С этой целью в Уложение 1597 г. была включена статья 11. По мысли составителя Уложения, в процессе практической его реализации все без исключения добровольные холопы должны были вместе с их господами предстать перед властями для определения длительности службы без крепости. Если при этом оказывалось, что срок такой службы достиг полугода, не желавшие сразу же дать на себя обязательство на служилую кабалу отпускались властями на свободу. Вслед за тем Уложение 1597 г. вводило норму, которой точно предусматривались условия насильственного оформления служилых кабал на добровольных холопов. Для этого господин должен был доказать, что такой холоп прожил на его дворе не менее полугода [Там же, с. 349]. Причем теперь, в 1597 г., власти явно проявляли заинтересованность в развитии именно кабального холопства, а не старых его видов, предписывая оформлять исключительно служилые кабалы. Однако само уложение не определяет способа доклада и регистрации кабал, взятых на добровольных холопов, и вообще не дает возможности судить о намеченных путях практической реализации данного постановления [Там же]. Все же наблюдения над сохранившимися отрывками Новгородских кабальных книг для регистрации служилых кабал на добровольных холопов, прослуживших не менее полугода, и документально оформленных старинных холопов позволяют внести некоторую ясность в этот вопрос [14, л. 30, 32, 33].

До нашего времени дошли два отрывка книг. В первом из них всего только за два неполных и четыре полных дня (15–20 декабря 1597 г., причем за 15 декабря отсутствует начало регистрации, а за 20 декабря –

конец) было записано 110 служилых кабал, из них добровольных холопов – 67 человек. На документально не оформленных старинных холопов приходилось 38 человек, на пленников и свободных людей, поступающих в кабалу, – 4 служилые кабалы [14, л. 30, 32, 33].

На втором отрывке за 5 полных и два неполных (10–16 января 1598 г., причем за 10 января отсутствует начало, а за 16 января – конец регистрации) было записано 276 служилых кабал, из них на добровольных холопов приходилось 146 человек; на документально не оформленных старинных холопов – 114, на пленников и свободных людей, поступающих в кабалу, – 14 служилых кабал [Там же].

Хотя в Уложении ничего не говорится о судьбе старинных холопов, а в кабальные книги указанного типа оказалось внесенным большое количество кабал именно на них, это дает основание связать статью 11 Уложения 1597 г. с судьбой не только добровольных, но и старинных холопов, крепостные документы которых либо были утеряны и не могли быть восстановлены, либо отсутствовали и ранее [3, с. 349; 14, л. 30, 32, 33]. По всей вероятности, дело заключалось в том, что господа очень часто, не имея документов, подтверждающих их владельческие права на старинных холопов, и даже не зная, какие документы подтверждают эти права, оказались в положении, при котором старинные холопы могли расцениваться как зависимые по добровольному холопству. Регистрация в одной книге служилых кабал старинных и кабальных холопов показывает, что в 1597 г. власти встали именно на такую точку зрения. Статья 11 Уложения данного года начала использоваться для документального оформления (причем именно служилыми кабалами) зависимости старинных холопов. Ведь более чем полугодовая служба при отсутствии какой-либо крепости давала основание для взятия служилой кабалы [Там же].

Таким образом, анализ книг старых крепостей отрывками специальных кабальных книг, ведущихся для регистрации новых кабал на документально не оформленных холопов, прослуживших именно полгода, и обычными кабальными книгами специальной текущей регистрации позволяет со всей определенностью утверждать, что Уложение 1597 г. дало годовой срок не только для перерегистрации всех старых крепостей, но и для взятия и регистрации в обязательном порядке служилых кабал на документально не оформленных холопов, проживающих без крепости к 1597–1598 гг. не менее полугода. А книги для такой регистрации велись в Новгороде всего лишь в течение двух месяцев: декабрь 1597 – январь 1598 гг. [14, л. 30, 32, 33].

На основании изученных источников рассматриваемого периода следует сделать вывод о том, что в положении крестьян и холопов разных

категорий происходят значительные изменения по сравнению с предыдущим периодом конца XV – начала XVI вв.

Главным процессом становится постепенное расслоение крестьянства. Этот факт наглядно подтверждают северодвинские грамоты, писцовые книги разных годов. Из среды черносошных крестьян выделяются как мелкие торговцы-лавочники, так и представители купечества. Отдельные крестьяне в соответствии с повышением своего статуса получали податные и судебные иммунитеты. В то же время Новгородские писцовые книги показывают, сколь велика была разница между черносошными и частновладельческими крестьянами, а также между размером земельных наделов последних. Также эти книги говорят о том, что экономическое положение крестьян в разных пятинах было разное, но большинство крестьян жили бедно.

Происходят изменения в положении такой категории крестьян, как половники. Их число заметно сокращается. Если в первой половине XVI в. о них упоминается в источниках разных областей Московского государства, то в конце XVI в. о них сообщается в описаниях владений т.н. черных (тяглых) монастырей или в порядных грамотах.

Значительные изменения происходят в положении холопов различных категорий. На основании сокращения числа полных и докладных грамот можно утверждать, что происходит постепенное изживание этих категорий холопов. Сопоставление процесса исчезновения полного, докладного, сокращение числа старинных холопов с процессом роста кабального холопства (на основе изучения кабальных книг) и добровольной службы позволяет утверждать, что исчезновение старых видов категорий холопов в XVI в. ускорялось вытеснением их кабальным холопством и добровольной службой. Последняя, судя по документам, получает широкое распространение.

Ввиду того, что накануне Смутного времени положение низших слоев, если рассматривать их как национальные силы, было неодинаковым, то опору государственной власти могли составить богатые черносошные крестьяне. Для частновладельческого крестьянства были характерны частые изменения настроений, в частности, надежда на улучшение своего положения при новой власти.

Библиографический список

1. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве / Сост. М.А. Дьяконов. Юрьев, 1895.
2. Валк С.Н. Грамоты полные // Сб. ст., посвященный С.Ф. Платонову. Пг., 1922.

3. Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории права. СПб., 1888.
4. Вотчинная книга Соловецкого монастыря // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 125. Оп. 1. Кн. 10. Д. 6.
5. Вотчинная книга Антониево-Сийского монастыря // РГАДА. Ф. 125 (Монастырские дела). Оп. 1. Кн. 10. Д. 7.
6. Докладные грамоты XV–XVI вв. // Акты Археографической Экспедиции. СПб., 1836. Т. I.
7. Ключевский В.О. История сословий в России. М., 1889. Т. 6.
8. Колычев Е.И. Холопство и крепостничество. М., 1971.
9. Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970.
10. Новгородские записные книги старых крепостей середины XVI в. // РГАДА. Ф. 1209 (Архив прежних вотчинных дел). Оп. 1. Кн. 11. Д. 2.
11. Новгородские кабальные книги второй половины XVI в. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 7. Д. 4.
12. Новгородские писцовые книги второй половины XVI в. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 7. Д. 1.
13. Савич А.А. Монастырское землевладение на русском Севере. М., 1930.
14. Северодвинские грамоты второй половины XVI в. // РГАДА. Ф. 396 (Архив Оружейной палаты). Оп. 1. Д. 5.
15. Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1993.
16. Судебники XV–XVI вв. М., 1952.

А.И. Ткалич

Становление межэтнических отношений на Крайнем Северо-Востоке Сибири и крещение коренного населения (XVII – начало XX вв.)

Статья посвящена вопросу укрепления межэтнических отношений и влияния России на Крайнем Северо-Востоке в период с XVII в. по начало XX в., особенностям продвижения русских казаков-первопроходцев, а также связанным с этим процессом проблемам формирования взаимоотношений с коренными народами.

ми в регионе. Весьма важным является осмысление принятия христианства и влияние христианских идей на коренное население Крайнего Северо-Востока в указанный исторический период. Автор опирается как на устоявшиеся точки зрения, так и на современный взгляд на процессы, способствующие формированию историко-культурного пространства в регионе в период XVII – начала XX вв. **Ключевые слова:** русские землепроходцы, коренные народы Крайнего Северо-Востока, православные миссионеры.

В период появления на территории Крайнего Северо-Востока русских землепроходцев (в 30–40-е гг. XVII в.) коренные народы региона переживали разложение первобытнообщинных отношений и обусловленные этим процессом черты политеизма (многобожия): «А Бога единого не знают, токмо множество богов, коим жертву приносят...», – писал в своих записках исследователь XVIII в. Карл Мерк [10, с. 21].

Анализ отчетов и дневниковых записей разных исследователей, путешественников, дает многообразную палитру самых полярных мнений относительно коренных жителей региона. У одних (Я. Линденау, К. Мерк и др.) – они кровожадны и мстительны; у других (С. Крашенинников, А. Аргентов, Ф.П. Врангель и пр.) – доброжелательны, гостеприимны и доверчивы. Жестокость и коварство чаще всего приписывали жителям побережья Чукотки – морзверобоям-чукчам и эскимосам: «...в отношениях между собой они отличаются коварством и мстительностью, тогда как олениные, напротив, часто патриархального нрава и известны своей неподкупной преданностью в дружбе», – писал А.В. Олсуфьев [13, с. 33]. А.Е. Дьячков, описывая нравы прибрежных чукчей, также отмечал, что «у них в обычае кровавая месть». Олениные чукчи, по его мнению, «по опрятности и по удобству жизни... превосходят других чукчей» [9, с. 195].

С чем связан такой сложный и противоречивый «пакет мнений» о жителях Крайнего Северо-Востока? Скорее всего, он возник в связи с особенностями продвижения русских казаков в регионе, формированием межэтнических связей с аборигенным населением, а также с процессом исторического развития самих коренных народов. Весьма важным в данном случае представляется факт проникновения православного христианства и влияние христианских идей на коренное население Крайнего Северо-Востока. Чтобы понять особенности данного процесса, необходимо знать, в результате чего сформировалась картина освоения региона.

В географическое понятие «Крайний Северо-Восток» входят территория современной Чукотки, Камчатки, Колымы и северной части Охотского побережья. Общая площадь равняется более 1,65 тыс. кв. км. На западе его границы проходят по реке Колыме, на востоке они включают

побережья Охотского и Берингова морей, с севера его омывает Северный Ледовитый океан, с юга ограничивается Становым хребтом.

Издrevле на Крайнем Северо-Востоке проживают немногочисленные коренные народы – чукчи, эскимосы, эвены, юкагиры, чуванцы, коряки и ительмены (камчадалы). Традиционным занятием населения в регионе является оленеводство (чукчи-оленоводы, коряки-оленоводы и эвены), морской зверобойный промысел (эскимосы, чукчи-морзверобой, коряки-морзверобой), охота на дикого оленя и рыболовство (коряки, эвены, ительмены, юкагиры и чуванцы). Хозяйственно-культурные типы народов Крайнего Северо-Востока в период до 1917 г. отличались комплексным характером промыслов [11, с. 92].

Продвижению русских «встречь солнцу» способствовала необычайная связанность сибирских рек – главных путей сообщения в то время. Уже через 30–40 лет после начала движения по территории ватаги казаков достигли крайних пределов – оказались на побережье Тихого океана. В 1644 г. землепроходцы основали Нижнеколымский, в 1648 г. – Анадырский, а в 1649 г. – Охотский остроги. Таким образом, ко второй половине XVII в. на Крайнем Северо-Востоке возникли важнейшие форпосты России на ее крайних рубежах. Затем русские казаки-землепроходцы двинулись в сторону Камчатского полуострова и уже в 1697 г. Владимир Атласов «поклонился Петру Камчаткою» [6, с. 5].

Справедливости ради стоит отметить, что казаки продвигались по территории Крайнего Северо-Востока не сплошным потоком, а отдельными отрядами (ватагами) от десяти до ста пятидесяти человек. В пути многие погибали: «А идучи пешком от великого морозу и от глубоких снегов многие мерзнут, а другие и зъ голоду помирают...» [7]. Коренное население, особенно поначалу, относилось к путникам доброжелательно и с сочувствием [12, с. 3].

Уже с первыми отрядами русских казаков-землепроходцев на Крайний Северо-Восток отправились в XVII в. и православные священники-миссионеры. Многие исследователи советского времени, в частности, Г. Базанов, Н. Казанский, Г. Севильгаев, связывали деятельность православных миссионеров с быстрым продвижением русских землепроходцев [2, с. 40; 3, с. 15; 17, с. 42]. В этот период деятельность миссионеров имела характер пробных попыток Православной Церкви развернуть свое влияние в регионе.

Осложняло положение русских в регионе то, что, несмотря на обилие «скасок» и «челобитных» из далеких сибирских окраин, московское правительство не вполне четко, по-видимому, осознавало, что представляет собой этот приведенный «под высокую государеву руку» «Ковым-

ской» или «Охоцкой» край. Наверное, поэтому ему придавали значение то «государева пушного промысла», то «страны горнозаводской». С накоплением в центральных районах Российской империи разного «опального люда», в целом в Сибирь и на Крайний Северный Восток, в частности, стали ссылать государственных преступников и разного рода неблагонадежных [12, с. 37]. Впрочем, именно из этого «контингента» формировались кадры для органов местной власти. Сосланные в Сибирь, проворовавшиеся или совершившие иные проступки, подобные чиновники продолжали свою преступную деятельность на новом месте. Анализ челобитных, которые посылали (знавшие, разумеется, русскую грамоту) инородцы в Москву, показывает, насколько возмутительны были порой действия сибирских воевод и «прикащиков». Нетрудно предположить, что именно это было одной из главных причин нестабильности русского положения в регионе в XVII – начале XVIII вв. В результате коренное население региона время от времени поднимало восстания, или, как тогда писали, «ударялось в шатость». Для их усмирения правительство посылало специальные комиссии для расследования причин нестабильности и фактов злоупотреблений, совершаемых сибирскими воеводами и «прикащиками». В 1733 г. Императрица Анна Иоанновна повелела объявить «князцам и прочим ясачникам Якутского ведомства и на Камчатке свою Высочайшую милость» и сообщить, что в Сибирь отправляются «нарочные особливые люди – сыщики», которым «повелено в (инородческих)... разорениях и обидах не токмо жестоко разыскивать, но пущих разорителей смертию казнить» (15, т. IX, № 6407).

Через тридцать лет уже Екатерина II в именном указе от 6 февраля 1763 г. также заявила, что ей известно, как сборщики ясака «бессовестным образом инородцев грабят и до конца разоряют». Поэтому, по примеру прошлых лет, в Сибирь «посылается комиссия секунд-майора Щербачева» для расследования злоупотреблений и установления наилучших способов взимания ясака (15, т. XVI, № 11749).

Тем не менее, местные сибирские власти не только не соглашались с направлением политики центральных правительственных органов в отношении коренного населения, но и явно действовали вопреки их указаниям и «предначертаниям». Зарвавшиеся воеводы и «прикащики» своими действиями наносили в результате стране такой ущерб, которого она не могла изжить потом долгие годы, особенно если это случалось в пограничных районах, где взаимоотношения между русскими и инородцами были всегда несколько натянутыми. При таких условиях достаточно было, писал В.И. Огородников, малейшей неосторожности со стороны местных воевод и прикащиков, и отношения с местными племенами пор-

тились на долгое время. Только крайняя бестактность одного из подчиненных Василия Пояркова привела в 1644 г. к тому, что амурские народы – дауры и дучеры, первоначально встретившие русских весьма радушно и предупредительно, вынуждены были изменить к ним свое отношение. Начавшиеся после этого военные столкновения между ними и русскими скоро превратились в длительную и упорную войну, которая закончилась для России потерей богатейшего Амурского края [12, с. 24]. То же самое началось со времени освоения Анадырско-Камчатской окраины, когда представители русских властей стали обращаться с местным населением так же вызывающе недальновидно, как и в других областях Сибири. Последствия таких действий не замедлили сказаться в виде сильных инородческих волнений, которые закончились лишь во второй четверти XVIII в. и едва не стоили России самой этой окраины [14, с. 45].

Ко всем перечисленным неурядицам добавлялось незначительное количество самих служилых русских людей в Сибири. В 1767 г. по всем острогам и зимовьям Якутского уезда было приписано 10 687 ясачных людей – якутов, тунгусов, ламутов и юкагиров. В это же время всех служилых людей там насчитывалось всего 670 человек, причем из них по острогам и зимовьям находилось не более 300 чел. Одних заложников на те же остроги и зимовья приходилось 214 чел. Неудивительно, что при таких условиях служилым людям становилось иногда «отъ иноземцовъ жить за малолюдствомъ страшно» [8].

Вторым по важности, после ясачной подати, осложнением в отношениях между русскими и коренным населением в регионе, как и в целом в Сибири, было холопство. Московское правительство, стремившееся утвердить свою власть в далекой сибирской окраине, на первых порах вынуждено было обратить внимание на инородческое холопство и принять меры к его уничтожению. Уже в 1599 г. оно предписывает освободить из холопства всех полоняников-татар, остяков и вогуличей; причем некрещеных следовало отпустить на их родину, а крещеных возвращать в их прежнее состояние не разрешалось, дабы они не стали прежними язычниками и идолопоклонниками. Женщин предписывалось выдать замуж за русских служилых людей, а инородцев-подростков «верстать» в стрельцы и казаки. Ни тех, ни других при этом не разрешалось вывозить в европейскую часть России. Неосторожное требование этого указа о невозвращении на родину крещеных инородцев было использовано многими русскими людьми в свою пользу. Они стали прибегать к крещению инородцев как средству закрепления их за собой. Узнав об этом, правительство царя Алексея Михайловича указами 1624 и 1625 гг. строго воспретило как покупать и дарить инородцев, так и насильно крестить их с целью обраще-

ния в холопство (15, т. I, гл. XX, стлб.17,1). Позже правительство Петра I подтвердило эти указы. В своем наказе якутским воеводам от 1694 г. оно решительно требует от сибирских властей «неволею никаких иноземцов, и жен их, и детей... не крестить... и служилым и всяким людям крестить их не велеть же, чтоб Сибирская Ленская земля пространилась, а не пустела. Если же кто из инородцев захочет принять христианство добровольно, тех крестить, но предварительно сыскать про них допряма, не вынужденно ли кем-либо их обращение» [цит. по: 12, с. 18].

В то же время и в те же годы царь Петр высказывает свой особый взгляд на Церковь, на ее значение в жизни государства. В своем указе от 1701 г. об учреждении в Тобольске первого епархиального училища он выразил надежду, что открываемое учебное заведение сумеет подготовить таких священников, которые бы «сибирских инородцев приводить в познание истинной веры могли, и потом ко Святому Крещению искать расширения до самого государства Китайского» [цит. по: 4, с. 51]. Следовательно, признавая за инородцами свободу обращения в православие, Петр смотрел на христианство как на орудие своей государственной политики. В Петре уже начинал проявляться будущий строитель жесткой модели государства, в котором Церкви предписывается роль проводника государственной политики. В то же время, хотя российские власти и в дальнейшем придерживались политики добровольного принятия христианства инородцами, при тогдашних условиях трудно было ожидать от сибирских аборигенов сознательного отношения к вопросам веры. В связи с этим, правительством был выработан ряд мер, которые должны были способствовать решению проблемы. Так, Тобольско-Сибирскому архиепископу, в подчинении которого находились в то время все церковные приходы Сибири, в случае обращения инородцев с какой-либо нуждой, предписывалось «кормить и поить их как мочно». Для этой цели сибирским архиереям вменялось «быть печальником и защитником» инородческого населения перед законом и светскими властями. В силу этого он мог принимать под свою защиту и покровительство даже тех инородцев, которые были виновны в делах «кровавых и убийственных». Таковых архиепископ принимал, «держал у себя бережно и... воеводам и дьякам до указа (из Москвы)... не отдавал» [15, т. I, № 1344, т. III, № 1599].

Интересен анализ мотивов первых случаев обращения инородцев в христианство. Основными мотивами были: а) по искреннему убеждению и стремлению к новым, более прогрессивным взглядам и образу жизни; б) по соображениям материально-практическим, для «приискания» материальных выгод и расчетов; в) по соображениям политическим, для

сохранения своего социального статуса и дальнейшего укрепления авторитета среди сородичей. Два последних мотива чаще всего относились к представителям социальной верхушки коренных народов – эрэмам, тойонам. В своих сообщениях русские именовали их «князцами». Обращение в христианство местной знати определяющим образом влияло на распространение православия на Крайнем Северо-Востоке. Есть немало примеров, когда после принятия христианства двумя-тремя влиятельными князцами целая округа становилась крещеной. Благодаря тойону-князцу Ятыргину, а затем и другим главам чукотских семейств, к концу XIX в. вся западная часть Чукотки приняла крещение [5, с. 92; 13, с. 33].

Определяющим условием формирования новых мировоззренческих понятий среди коренных этносов было наблюдаемое в XVIII в. разложение первобытнообщинного строя и активное формирование родовой верхушки – местной знати. При этом шаманизм, будучи носителем традиционного мировоззрения, также претерпевал изменения, перейдя в свою последнюю фазу, названную Е.А. Окладниковой «культурным застоєм» [16, с. 44]. Решение о принятии христианства – ведущей религии могущественного соседа – русского государства, в этот период зависело от главы рода или семейства – тойона-князца, а не от шамана.

Еще один немаловажный фактор, повлиявший на развитие событий, по мнению многих исследователей, кроется в традиционных нормах языческой морали: стремление избегать конфликта, миролюбие и конформизм считались необходимым условием для сохранения социального равновесия и баланса сил и настроений в обществе. Конфликт, разлад являются, по представлениям людей, придерживающихся этих норм жизни, благоприятной почвой для возникновения всяческих несчастий, бед и способны вызвать коварные действия злых духов, враждебных людям [Там же, с. 45]. В конечном итоге, встречи православных миссионеров с шаманами заканчивались практически всегда принятием крещения жителями стойбища. Впрочем, это обстоятельство не мешало инородцам, особенно в случае долгого отсутствия духовного окормления через священников, возвращаться к прежним языческим обрядам.

Поиск более эффективных путей распространения православного вероисповедания привел деятелей Церкви к необходимости открытия при церквях и часовнях школ русской грамоты. Начавшись уже в конце XVIII в., этот процесс стимулировал просветительскую деятельность Православной Церкви и вывел ее в XIX в. на новый уровень развития, а межэтнические отношения все чаще стали строиться на взаимной выгоде и мире. Практическим воплощением такого положения дел стало развитие торговых обменных ярмарок, строительство миссионерских станций и,

что особенно важно, беспрепятственное проникновение русских исследовательских экспедиций на территорию Крайнего Северо-Востока в XVIII, XIX и начале XX вв.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что процесс взаимных межэтнических «притирок», наблюдаемый на Крайнем Северо-Востоке на протяжении почти двухсот пятидесяти лет, закончился вполне благополучно к взаимной пользе как русских, так и коренных народов, чему в немалой степени способствовала деятельность православных миссионеров в регионе. Это послужило хорошим заделом для строительства взаимоотношений в последующие периоды взаимной истории, – советский и постсоветский.

Библиографический список

1. Аргентов А.И. Путевые записки священника-миссионера в приполярной местности // Забайкальское отделение Русского географического общества. Кн. 10. СПб, 1857.
2. Базанов А.Г., Казанский Н.Ф. Школа на Крайнем Севере. Л., 1939.
3. Базанов А.Г. Школы на Камчатке в сер. XVIII в. // Советский Север. 1939. № 2.
4. Буцинский П.Н. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков, 1893.
5. Вдовин И.С. Влияние христианства на религиозные верования чукчей и коряков // Ламаизм и христианство в Сибири. Л., 1979.
6. Громов П., прот. Историко-статистическое описание Камчатских церквей // Труды Киевской Духовной академии. Киев, 1861.
7. Докладная записка. Фрагмент // Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Кн. 690. Л. 245 об.
8. Донесение Якутского воеводы А. Барнешлева от 1675 г. // Дополнения к Актам Историческим. Т. VI. СПб., 1853. № 136.
9. Дьячков А.Е. Анадырский край. Магадан, 1992 (репринт).
10. Мерк К. Рукопись FIV // Российская национальная библиотека им. М. Салтыкова-Щедрина. № 273.
11. Народы Дальнего Востока СССР в XVII–XX вв.: Историко-этнографические очерки / Отв. ред. И.С. Гурвич. М., 1985.
12. Огородников В.И. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. Иркутск, 1920.
13. Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического положения и быта населения // Забайкальское отделение Русского географического общества. Т. 2. Вып. 4. СПб., 1896.
14. Памятники Сибирской истории XVIII в.: В 2-х ч. / Под ред. А.И. Тимофеева. Ч. 2. СПб., 1882.
15. Полный свод законов Российской империи. СПб., 1930. Т. IX. № 6407.
16. Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев (иеромонах Гедеон,

- К.Т. Хлебников, И. Вениаминов, миссионеры Феофил, Николай, Илларион, моряк В.С. Завойко и др.) / Сост. Р.Г. Ляпунова и др.; Отв. ред. А.Д. Дридзо, Р.В. Кинжалов. М., 1994.
17. Севильгаев Г.Ф. Развитие просвещения малых народов Советского Дальнего Востока (дооктябрьский и послеоктябрьский периоды): Автореф. дис... д-ра пед. наук. Л., 1973.

О.В. Карпович

Социально-сословный состав участников восстания 1830–1831 гг. в Минской губернии

В данной статье на основе материалов Национального исторического архива Беларуси в Минске проводится попытка комплексного исследования структуры участников восстания на территории Минской губернии.

Ключевые слова: крестьянское восстание 1830–31 гг., социальный состав участников польского восстания 1830–1831 гг., повстанческие отрядов в Минской губернии, польское восстание 1831 г., уездные повстанческие комитеты, Минская губерния.

События восстания 1830–1831 гг. на землях Беларуси в современной российской и белорусской историографии освящены довольно скупо. Еще меньше сведений по социально-сословному составу участников уже того довольно далекого от нас восстания. Из комплексных исследований по данной проблематике можно выделить лишь труды советских историков, изданных в 60–70-х гг. XX в. (В.А. Дьяков, В.М. Зайцев, Л.А. Обушенкова) и труды современного белорусского историка О.В. Горбачевой.

К сожалению, при исследовании сословного характера восстания 1830–1831 гг. советские ученые использовали материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и практически не принимались в расчет материалы белорусских архивов в Гродно и Минске. Между тем, содержащиеся в них сведения позволяют более точно

составить картину по участию тех или иных социальных групп в восстании. В последние годы появились исследования по участию населения ряда белорусских регионов в восстании 1830–1831 гг., проведенные на базе Национальных исторических архивов Беларуси (НИАБ) в Гродно и в Минске. К таковым следует отнести работы гродненских ученых В. Шведа, С. Донских и доцента Полесского университета А. Ильина, где рассматривалось положение в западном регионе Беларуси и ряд публикаций О. Горбачевой, сделавшей упор на ситуации в Минской губернии. Тем не менее, комплексного анализа участия общего числа жителей белорусских губерний в восстании сделано не было.

В данной статье на основе материалов Национального исторического архива Беларуси (г. Минск) и публикаций польских историков С. Дангеля и В. Сливовской мы исследуем социально-сословный состав участников восстания 1830–1831 гг. на территории Минской губернии в ее границах по состоянию на 1831 г.

Крестьяне. Как известно, наиболее активно восстание 1831 г. охватило северные и южные уезды Минской губернии – Вилейский, Дисненский (где действовали отряды крупных помещиков Валентина Брохоцкого, Станислава Радзишевского и Ромуальда Подбипенты), Пинский, Мозырский и Речицкий (отряды Титуса Пусловского, Феликса Кеневича и Александра Барановского). В центральной части региона были лишь отголоски восстания и существенного влияния на общественно-политическую жизнь этой территории они не оказали.

Повстанческое руководство прилагало активные усилия для увеличения численности своих отрядов. Наряду с обычными призывами и агитацией к крестьянам следовали и приказы к помещикам поставить одного пешего от 5 «душ» и конного от 20 (в Вилейском уезде); одного кантониста с 7 «душ» (в Дисненском уезде) [3, с. 77–79]. На этот призыв одними из первых откликнулись помещики Дисненского уезда Даниил Рудомино и Юлиан Розенфельд, поставившие около 70 кантонистов из крестьян. Помещик Вилейского уезда Крукович поставил 11 крестьян [1, д. 5, л. 18; 14, л. 193]. Нередко помещики поставляли крестьян в отряды, выдавая потом это за бегство [3, с. 87]. На юге Минской губернии отряд из крестьян собственного родового имения Дорошевичи сформировал помещик Мозырского уезда Феликс Кеневич. Позднее Кеневич приказал набрать из соседних имений помещика Александра Горвата до 60 крестьян, попутно обещая крестьянам своего отряда землю и отмену барщины [9, с. 65; 18, с. 53–55].

Власти признавали безвыходное положение крепостных крестьян, вынужденных вступать в повстанческие отряды. Вот что отмечал в своем

донесении полоцкий комендант полковник Данилов после разгрома одного из отрядов в Дисненском уезде: «Но как крестьяне, часто обманутые и не знавшие истинного намерения насильственного сгона их в Лужки, состоят под неограниченной властью своих помещиков... , то вообще дворовые люди и крестьяне виновны менее шляхтичей. Крестьяне из своих деревень, будучи под строгим присмотром поставлены в Лужки, приведены к присяге и подведены к двум устроенным виселицам с тем, что всякая отлучка из стана мятежников накажется виселицей» [10, с. 352].

Согласно имеющимся в Национальном историческом архиве Беларуси архивным материалам и опубликованным источникам, в Минской губернии приняло участие в восстании 120 крестьян [1; 20]. По данным VIII ревизии (1834 г.), на территории Минской губернии проживало 353 282 крестьянина мужского пола [12, с. 213]. Таким образом, можно подсчитать, что в большинстве своем крестьянство осталось довольно равнодушным по отношению к восстанию (1 повстанец на 3019 коллег по сословию), хотя не стоит игнорировать и тот факт, что власти лояльно относились к крестьянам-повстанцам и зачастую отпускали их по домам, не внося в списки.

Также власти довольно активно привлекали крестьян для борьбы с повстанцами, обещая им солидное вознаграждение. Так, в Минском уезде крестьяне поймали 8 беглых пленных польских солдат, за что каждый крестьянин получил по 25 рублей ассигнациями [7, л. 20].

Дворяне. Дворянская часть населения этого региона проявила внушительную активность в восстании. Главным образом это произошло за счет двух северных уездов Минской губернии – Вилейского и Дисненского, где происходили серьезные сражения с правительственными войсками.

Уездные повстанческие комитеты в этих регионах возглавили влиятельные и авторитетные помещики: предводитель дворянства Вилейского уезда Ипполит Гецевич и бывший дисненский предводитель дворянства Ромуальд Подбиента, которые стали активно склонять на свою сторону окрестных помещиков. Так, ополчение Вилейского уезда возглавил бывший предводитель дворянства Станислав Радзишевский, в Дисненском уезде эти функции принял на себя крупный помещик Валентин Брохоцкий. Членами Дисненского комитета кроме прочих стали сплошь представители титулованных родов: граф Август Бржостовский, граф Антоний Ширин, кавалерию возглавил граф Михаил Храповицкий [1, д. 1, л. 16–23]. Позднее к ним добавились в числе 18 юнкеров Динабургской школы прапорщиков графы Фердинанд и Люциан Плятеры. Немалую помощь в организации повстанческого комитета Дисненского уезда

в начальном периоде восстания оказали владельцы имения Лужки граф Цезарь Плятер с женой Эмилией. Как затем показывал на следствии один из инициаторов создания комитета, ксендз пиарского монастыря в Лужках Адам Татур, деньги на восстание собирались от помещиков по 30 коп. серебром. В общей сложности удалось собрать около 2 000 рублей серебром, затем добавилось еще 300 рублей серебром. «Более всех пожертвовали Валентин Брохоцкий, Иероним Косов, Самуило Подбицепта, Антоний Корсак. Граф Тизенгаузен ... дал оружие и людей вилейскому повстанью» [10, с. 490–494]. Упомянутый граф Константин Тизенгауз был назначен военным начальником Поставского ключа Дисненского уезда [1, д. 1, л. 43].

Помимо названных лиц активную помощь финансовыми средствами повстанцам оказывали представители таких магнатских родов, как крупный помещик князь Михаил Радзивилл, владелец ряда имений в Минской и Волынской губерниях князь Гавриил Огинский, помещик Могилевской, Минской и Волынской губерний князь Генрих Любомирский [Там же, д. 3]. Владелец имений в Пинском уезде князь Грациан Друцкий-Любецкий служил в польской армии рядовым (!) 4-го егерского полка и был убит в одном из сражений против русских войск [5, с. 134]. Бывший губернский предводитель дворянства граф Храповицкий «возмущал окрестных помещиков, шляхту и крестьян», распространяя слухи, что «шведы идут на Петербург, турки готовы вступить в пределы России, а сама русская армия переходит на сторону поляков» [14, л. 114 об].

Стоит отметить, что столь потрясающая активная позиция значительного числа крупных помещиков, в том числе и представителей титулованной знати, обусловлена, очевидно, и чисто экономическими соображениями. Дело в том, что к 1825 г. значительная часть имений была заложена в российских банках. Самая привилегированная часть общества жила в кредит. Как писал маркиз де Кюстен, император России является «не только первым дворянином своего государства, но и первым кредитором своего дворянства». Очевидно, что к 1831 г. число заложённых имений увеличилось. Так, помещик Дисненского уезда Иосиф Лопатинский, активный участник восстания, имел долгов в общей сложности на 264 607 рублей серебром; князь Михаил Радзивилл задолжал банку и другим кредиторам 610 983 рубля серебром. При этом годовой доход с их имений не превышал 10–15 тыс. рублей (в зависимости от числа крепостных крестьян) [8, л. 13–14].

Проанализировав ряд архивных материалов и опубликованных источников, нами были установлены 116 представителей дворянства (без указания рода их занятий) и 193 помещика, принявших участие в восстании.

По данным VIII ревизии, по состоянию на 1834 г. в Минской губернии проживало 28 531 дворян мужского пола (вместе с чиновниками, отставными офицерами и т.д.). Таким образом, можно определить, что I повстанец-дворянин приходился на 92,3 «пассивных» коллег по сословию. Исходя из таких данных, логично предположить, что в целом дворянские слои губернии активно участвовали в восстании. Наши выводы совпадают и с мнением могилевского, а затем и гродненского губернатора М.Н. Муравьева, активного участника подавления восстания: «В главном же составе бунта все сии сословия руководимы были тайно и явно лучшими коренными дворянскими фамилиями и теми из владельцев, которые, служившие в разных случаях против России, сохранили тогдашние свои названия, мундиры и знаки отличия. Владельцы же, имеющие достаточную оседлость, способствовали мятежу лишь разными пожертвованиями, опасаясь принимать более деятельное участие» [Цит. по: 2, с. 355].

По итогам восстания в Минской губернии было конфисковано 28 помещичьих и монастырских имений, лидером среди которых стал князь Михаил Радзивилл, потерявший владения в Слуцком и Борисовском уездах с 8 172 крестьянами мужского пола [16, с. 76]. Следует отметить, что руководящие слои восстания в Минской губернии сумели благополучно избежать личного наказания, скрывшись за границей. Так, в эмиграции оказались организаторы восстания помещики братья Клот, Александр Лопатинский, графы Люциан и Фердинанд Плятеры, Станислав Радзишевский, Феликс Кеневич и т.д. В общей сложности сумело эмигрировать 19 дворян и 40 помещиков [13, с. 176]. Феликс Кеневич неоднократно предпринимал попытки нелегально вернуться в Россию (последняя состоялась в 1844 г.) и окончательно вернулся по амнистии только в 1857 г. [15, с. 110].

Разночинцы. В данную категорию мы условно включили не сословия, а социальные группы: чиновников, учителей, преподавателей и учащихся учебных заведений (гимназисты, студенты), военнслужащих (отставные и действующие офицеры и нижние чины армии), врачей и фельдшеров, адвокатов, служащих дворянских имений (экономы, приказчики, писари и т.д.).

Губернское чиновничество и интеллигенция весьма активно откликнулось на события восстания, организуя как подписание населением различных актов повстанческой администрации, так и прямо агитируя жителей губернии за вступление в ополчение. Как писал М.Н. Муравьев, повстанцы, руководимые «называющимися дворянами, как то: экономами, комиссарами, писарями-официалистами, адвокатами, пленипотентами и прочими составляли злобные мятежные скопища... Адвокаты, регенты, пленипотенты и прочие были разносителями мятежных ново-

стей и приглашений, и вообще с разоренными владельцами, приготавливая всех к бунту, сами входили в состав упорных мятежных скопищ» [Цит. по: 2, с. 355]. Так, заседатель Докшицкого участка «передал мятежникам оружие, отобранное крестьянами у своих помещиков» [14, л. 194].

Не отставали от своих старших коллег ученики уездных гимназий и училищ. Практически в полном составе участие в восстании приняли ученики и учителя Молодечненского уездного училища, студенты Виленского университета – уроженцы Минской губернии [1, д. 2–5]. Сам префект Молодечненского училища Иван Дульский передал повстанцам всю кассу училища [Там же, д. 2, л. 111]. Ученик Минской гимназии В. Неворович присоединился к повстанцам и ушел с ними за границу [3, с. 139]. Из Динабургской школы прапорщиков на помощь повстанческому комитету в Лужках прибыло 18 юнкеров. Но если 10 человек из них владели землей и крестьянами, то у 8 юнкеров никакого недвижимого имущества не оказалось [6, л. 7–7 об].

Согласно проанализированным нами источникам, в восстании приняло участие 54 гимназиста и студента, 38 чиновников и адвокатов, 35 служащих имений и 38 отставных и действующих военнослужащих [1, д. 2–5; 5; 18, s. 117–156].

Шляхта. При рассмотрении вопроса об участии шляхты в восстании, прежде всего, необходимо выяснить, что же представляла собой шляхта в первой трети XIX в. Шляхта являлась разновидностью дворянства. Как отмечает в своем исследовании О.В. Горбачева, шляхта могла делиться на 4 категории: долевые владельцы части деревни, владельцы или арендаторы хутором с одним-двумя крестьянскими дымами; владельцы или арендаторы ненаселенных земель; безземельные слуги, работавшие по найму, но являвшиеся шляхтичами по происхождению [3, с. 114]. Проще всего выразился насчет шляхты минский губернатор князь Хованский на дворянском собрании: «В Западных губерниях... было сословие шляхты, которого многочисленность, неопределенность прав и повинностей и смешение под сим именем действительных дворян с лицами, ничем права своего не подтвердившего – обращали на себя долгое внимание правительства». Указом от 1824 г. мелкая и средняя шляхта лишалась права на земельные владения, если не предоставила документы, подтверждающие право на владение землей [17, с. 232]. Стремясь выжить, такая категория вынуждена была идти в приказчики, камердинеры, эконоы, лакеи, стражников лесных угодий, управляющих имениями и т.д. Шляхта, однако «не забывая своего происхождения и желая отличаться от простого народа, живет ... в совершенном невежестве и в своем быту представляет малую разницу от крестьян» [9, с. 50].

Минская шляхта проявила незначительную активность в восстании, чем гродненская и, как правило, участвовала в вооруженной борьбе. Так, значительное количество представителей шляхетского слоя наблюдалось в отрядах Феликса Кеневича (таблица 1). Это связано с тем, что, как уже отмечалось выше, представители этого сословия находились в услужении у помещиков и влиятельного дворянства, выполняя, таким образом, волю своих хозяев по пополнению повстанческих отрядов. Кроме того, для привлечения населения в восстание, повстанческая администрация издавала особые распоряжения с требованием выставить одного-двух кантонистов со шляхетских дворов (от нескольких до 15–20). Нами было выявлено 69 представителей шляхты, принявших участие в восстании [1, д. 2–5; 5; 8, с. 117–156].

Духовенство. В мест. Лужки Дисненского уезда инициатором создания повстанческого комитета и составления Акта восстания стал ксендз местного костела Адам Татур. В мест. Радошковичи Вилейского уезда руководителем вооруженного ополчения стал местный ксендз Симон Войткевич. Монахи Глубокского кармелитского монастыря (Дисненский уезд) во главе с Владиславом Казакевичем обучали собственных крестьян обращению с оружием, а затем около 300 из них отправили в ополчение [5, с. 36]. Вообще, Глубокский кармелитский и Лужковский пиарский монастыри участвовали в восстании практически всем своим составом, включая и ректора пиарского монастыря Винцента Густиневича [1; 5, с. 136]. Некоторое число духовенства участвовало в вооруженной борьбе. Так, в отряде Валентина Брохоцкого (Дисненский уезд) упоминаются 4 монаха Глубокского монастыря. Несколько монахов Лужковского монастыря служили капелланами в повстанческих отрядах [18, с. 38–39]. Ряд священнослужителей присоединились к частям регулярной польской армии и покинули пределы России [3, с. 138; 9, с. 445].

В целом по региону в восстании приняло участие 56 католических и 14 униатских священников [1, д. 2–5; 5; 18, с. 158–164].

В основном, в восстании приняли участие средние и низшие слои католического и униатского духовенства. Высшие круги этих двух конфессий христианства сразу заняли резко отрицательную позицию по отношению к восстанию. В первую очередь, это связано с боязнью потерять свое влияние и авторитет, а главное, немалое личное состояние. Так, высшему католическому духовенству в общей сложности в 1831 г. принадлежало 19319 крестьян мужского пола, 154331 руб. серебром годового дохода. Один из влиятельнейших католических епископов Иосиф Гедройц имел до 20 тыс. рублей серебром ежегодного дохода со своих имений [11, с. 112].

Проанализировав ряд опубликованных источников [1, д. 2–5; 4, с. 288–303; 19, с. 444–452], мы определили примерный состав некоторых повстанческих отрядов (таблица 1).

Таблица 1

**Примерный сословный состав ряда повстанческих отрядов
Минской губернии**

Командиры отрядов	Дворяне	Помещики	Разночинцы	Шляхта	Крестьяне	Духовенство	Служащие имений	Неустановл. сословий	Всего
Барановский	3	1	2	6	10			1	27
Брохоцкий	11	42	24		26	12		8	123
Кеневич	7	6	4	8	27		7	2	61
Итого	21	49	30	14	63	12	7	11	211

На первый взгляд бросается большое число крестьян в отрядах (таблица 1). Однако именно представители привилегированного слоя (помещики, дворяне, шляхта) вместе с разночинцами играли здесь преобладающую роль и были основной «руководящей и направляющей» силой в отрядах.

Общую картину участия населения Минской губернии в восстании можно увидеть в составленной на основе анализа опубликованных источников [1, д. 2–5; 4, с. 288–303; 19, с. 444–452; 20] таблице 2.

Таблица 2

**Социально-сословный состав участников восстания
по Минской губернии**

Губерния	Крестьяне	Дворяне	Помещики	Шляхта	Разночинцы	Духовенство		Всего
						католики /	униаты	
Минская	120 / 16,4%*	116 / 15,8	193 / 26,3%	69 / 9,4%	165 / 22,5%	56 / 7,6%	14 / 1,9%	733

* Указаны проценты от общего количества участников восстания

Наши данные несколько отличаются от сведений, полученных советскими историками в 1960-е гг., использовавшими материалы Централь-

ного государственного военно-исторического архива СССР (ЦГВИА СССР) (в настоящее время – Российский государственный военно-исторический архив) (таблица 3).

Таблица 3

**Участие населения Беларуси в восстании 1830–1831 гг.
(по материалам ЦГВИА СССР)**

Губерния	Крестьяне	Дворяне	Помещики	Шляхта	Разночинцы	Духовенство		Всего
						Католики	Унияты	
Минская	152	89	178	55	186	35	5	700

Как видно из таблиц 2 и 3, данные Национального исторического архива Беларуси и Российского государственного военно-исторического архива расходятся. На наш взгляд, такое расхождение можно объяснить следующим: некоторые лица не имели постоянного места жительства и скитались по разным уездам губернии, либо переходили из одной губернии в другую в поисках работы. Особенно это касается шляхты. Исходя из этого, военно-следственные комиссии нередко записывали таких лиц как жителей того уезда, на территории которого они были арестованы. Нередки были случаи повторного внесения в списки арестованных одного и того же человека. Наконец, часто списки участников восстания составлялись на основе просто устных показаний очевидцев, которые просто не могли указать не только социально-сословную принадлежность, но и фамилии своих коллег по восстанию по причине недостаточного знакомства с ними.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

1. Решающую роль в восстании 1830–1831 гг. на территории Минской губернии играли, в первую очередь, наиболее обеспеченные и авторитетные слои дворянства – помещики. Это были лица, способные силой власти, авторитета, связями, деньгами увлечь за собой население. Многие из них действовали из патриотических соображений, надеясь восстановить независимость Речи Посполитой. Но, несомненно, среди повстанцев были и те, кто наряду с патриотическими порывами, проявлял и экономическую заинтересованность своим участием в восстании, надеясь (в случае его успеха) выбраться из финансового разорения.

2. Не меньшую активность в восстании проявили группа, условно названная нами «разночинцами» – гимназисты, студенты, представители чиновничества, т.е. молодая и социально активная часть населения.

3. Наконец, стоит сказать о самом многочисленном и обездоленном слое Минской губернии – крестьянстве. Для привлечения большего количества населения в отряды, крестьянам обещалось со стороны своих помещиков уменьшение повинностей, вплоть до предоставления вольной. Однако для реального облегчения участи крестьян повстанцы не сделали ничего, чего не скажешь о властях, привлекавших крестьян в сельские караулы и активно награждавших отличившихся. Именно нежелание решить крестьянский вопрос со стороны привилегированных слоев, а также откровенные угрозы, описанные выше, оттолкнуло крестьянство от активного участия в восстании.

Библиографический список

1. Алфавитный список участников восстания 1831 г. (1831–1832 гг.) // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 561 (Минская губернская следственная комиссия по делам восстания 1831 г.). Оп. 1. Д. 1–5.
2. Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. документов и материалов: В 4 т. Т. 4. Минск, 1979.
3. Гарбачова В.В. Паўстанне 1830–1831 гг. на Беларусі. Мінск, 2001.
4. Гарбачова В. Рэчыцкі павет ў паўстанні 1830–1831 гг. і далейшы лес яго удзельнікаў // Трэція Міжнародныя Доўнараўскія чытанні, Рэчыца, 14–15 верасня 2001 г. Мінск, 2002. С. 288–303.
5. Гарбачова В.В. Удзельнікі паўстання 1830–1831 гг. на Беларусі: Біябібліягр. слоўнік. Мінск, 2006.
6. Дело о конфискации имений, принадлежащих участникам польского восстания 1831 г. // НИАБ. Ф. 295 (Канцелярия Минского гражданского губернатора). Оп. 1. Д. 369.
7. Дело по рапорту Минского уездного земского исправника о пойманных в Минском уезде беглых польских солдатах (1831 г.) // НИАБ. Ф. 295 (Канцелярия Минского гражданского губернатора). Оп. 1. Д. 386.
8. Дело о 84 мятежниках, имений которых не оказалось (1833 г.) // НИАБ. Ф. 54 (Минская губернская люстрационная комиссия). Оп. 1. Д. 3.
9. Дьяков В.А., Зайцев В.М., Обушенкова Л.А. Социальный состав участников польского восстания 1830–1831 гг. (по материалам западных губерний Российской империи) // Историко-социологические исследования. М, 1970.
10. Кропотов Д.А. Жизнь графа М.Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. СПб., 1874.
11. Лыкошина Л.С. Католическое и униатское духовенство Королевства Польского и Западных губерний России и польское восстание 1830–1831 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.

12. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1864.
13. Митина Н.П. Социальный состав участников польского восстания 1830–1831 гг. (по спискам эмигрировавших и скрывшихся от репрессий) // Историко-социологические исследования. М, 1970.
14. О доставлении сведений о действиях повстанческих отрядов в белорусских губерниях (1831 г.) // НИАБ. Ф. 1297 (Канцелярия генерал-губернатора Витебского, Могилевского и Смоленского. Оп. 1. Д. 5240.
15. Польская эмиграция до и во время последнего польского мятежа 1831–1863 гг. Вильно, 1866.
16. Радзюк А.Р. Канфіскацыя прыватнай уласнасці на Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст.: Дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2006.
17. Смяховіч М. Арганізацыі і асобы // Польшча. 1996. № 4. С. 218–233.
18. Dangel S. Rok 1863 w Minszczyźnie. T. 2. Warszawa, 1925.
19. Hedemann O. Historija powiatu Braslawskiego. Wilno, 1930.
20. Sliwowska W. Zeslancy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej polowie XIX wieku: Sownik biograficzny. Warszawa, 1998.

К.Н. Курков

Трагическая судьба собраний дворян-предпринимателей в России в начале XX в.: князя Голицыны и их имения

Представленная статья посвящена роли дворянского предпринимательства, и конкретно представителей одной из ветвей рода князей Голицыных (Голицыных-Прозоровских), в отечественной культуре в начале XX вв. Предпринимательская деятельность князей Прозоровских-Голицыных способствовала не только их покровительству развитию классической русской культуры и коллекционированию произведений искусства, но и широкой филантропической деятельности, по отношению, прежде всего, к бывшим крепостным крестьянам, что, однако, не спасло от гибели их имения и сосредоточенные в них уникальные памятники.

Ключевые слова: Голицыны, Прозоровские-Голицыны, имение Зубриловка Балашовского уезда Саратовской губернии, дворяне-предприниматели, меценатство, благотворительность, памятники истории и культуры, культурный и благотворительный центр, революционный вандализм.

Русская дворянская усадьба второй половины XVIII – начала XX вв. представляла собой «уникальный культурный мир, украшение блестящего периода отечественной истории – русского Просвещения. Существование этих “родовых гнёзд” имело огромное значение для зарождения и развития особого духовного импульса русской культуры, для ее самобытных этических, эстетических, гражданских основ, для ее универсальных гуманистических традиций» [4, с. 144]. Усадьбы стали за два столетия одним из наиболее зримых, «вещественных» показателей материального и, что еще важнее, культурного уровня благородного сословия. Многие из них перешли в чужие руки, были перекуплены представителями разбогатевшей буржуазии у обедневших владельцев и друг у друга; многое погибло в 1905–1907 гг.; но к 1917 г. именно в дворянских руках осталось еще немалое число родовых имений, а сохранившиеся до наших дней, особенно знаменитые «подмосковные» русской знати, до сих пор поражают воображение.

К началу XX в. многие дворянские имения, особенно наиболее значительные по своим художественным и историческим достоинствам, в числе которых находилось большинство прославленных жемчужин отечественной усадебной культуры, содержались, конечно, не за счет труда населявших их крепостных, как в далеком прошлом, а на доходы от иных, более прибыльных, чем сельскохозяйственное производство, «занятий» их хозяев. Одной из таких статей стало дворянское предпринимательство; прибыль от торгово-промышленных заведений и шла в большинстве случаев на поддержание родовых усадеб, спасение и даже пополнение их богатых, разнообразных и многочисленных коллекций. Именно дворянские усадьбы, обычно содержавшиеся уже на доходы от предпринимательской и иной деятельности, стали средоточием культурной жизни, хранилищами драгоценной исторической памяти. «Возникает ощущение... что у наиболее интеллектуальных и притом состоятельных владельцев дворянских поместий в этот период времени разработалось специфическое музейное “видение”, то есть способность распознавания исторического, эстетического и мемориального значения предметов материальной и художественной культуры не только далекого прошлого, но и настоящего, и восприятия их в качестве составной части будущей коллекции» [3, с. 95–96].

Мы располагаем сведениями о предприятиях, принадлежавших одной из самых известных ветвей многочисленного рода князей Голицыных – семье Прозоровских-Голицыных. Младшим представителям семьи, не унаследовавшим титула и имени князей Прозоровских, принадлежали: князю Ф.С. Голицыну – маслобойный завод на хуторе Агиновка Гриневской вол. Стародубского у. Черниговской губ., вырабатывавший по заказам конопляное масло на 500 руб. в год, на котором работали 11 чел. [6, с. 702]; наследникам кн. Д.Ф. Голицына – винокуренный завод в с. Должик Должанской вол. Харьковского у. Харьковской губ., с годовой производительностью в 74 000 руб., с 12 рабочими. К 1914 г. объем производства остался прежним, а количество работавших на нем незначительно возросло [6, с. 689; 7, гр. Д, № 6109].

Теперь посмотрим, на что тратились доходы с княжеских промышленных предприятий. Конечно, обращает на себя внимание бережное отношение к памятникам отечественной истории и культуры, накапливавшимся и сохранявшимся в недрах знаменитого рода на протяжении многих столетий.

Вот описание имения князя Прозоровского-Голицына – Зубриловки в Поволжье, относящееся к моменту гибели поместья в октябре 1905 г. Одно время оно принадлежало известной собирательнице и меценату кн. Н.С. Голицыной, урожд. гр. Апраксиной. «Особенно славилось... имение Зубриловка в Саратовской губернии, так много впоследствии значившее для творчества В.Э. Борисова-Мусатова и ставшее одной из первых утрат во время недоброй памяти событий 1905 года... Зубриловку называли “русским Версалем”. Усадьбу Гринево в Черниговской губернии, где в доме-дворце были библиотека и музей с картинами, гобеленами, коллекцией вывезенных из Италии этрусских ваз, современники называли “сколком с Царскосельского дворца”... Портрет самой Наталии Степановны работы французского художника Герсана... погиб в Зубриловке» [1].

Имение Зубриловка находилось в Балашовском у. Саратовской губ., в 10 верстах от железнодорожной станции Вертуновка, на нагорной стороне р. Хопра, запруженной и образывавшей много заливов и островов.

Усадьба лежала в версте от реки, на высоком месте, была окружена парком в 75 дес. Через парк проходил глубокий овраг с бьющими ключами, которые образуют пруд перед домом. Парк состоял из дубов и лип, насчитывавших по несколько сот лет, попадались и очень старые сосны. Парк украшали развалины фермы и сторожевой башни, которые поддерживались в виде развалин. В поместье имелось около 800 десятин леса. В ближайшей к усадьбе части его были проведены дороги для «тройных»

экипажей. В расположенных вокруг усадьбы обширных дубовых и липовых лесах били множество родников, один из которых снабжал водой расположенный возле конюшни бассейн с фонтаном и прачечную.

Имение было приобретено в 1790-х гг. кн. Сергеем Федоровичем Голицыным, женатым на Варваре Васильевне Энгельгардт¹. Тогда же построен дом, где семья прожила все царствование Павла I. Здесь долгое время жил известный баснописец И.А. Крылов, служивший письмоводителем у кн. С.Ф. Голицына. Много басен им было написано именно в Зубриловке, там же игралась его комедия «Трумер»; занимаемые им комнаты во флигеле дома были уничтожены погромщиками в 1905 г.

Главный усадебный дом-дворец состоял из среднего корпуса, «совершенно схожего с Елагинским дворцом», к которому по бокам примыкали две большие оранжереи, соединявшие дом с флигелями. В среднем корпусе было 30 высоких и больших комнат, зала около 10 аршин в высоту, длиной 22 аршина. Трехэтажные флигеля имели по 7–8 комнат каждый. С одной стороны находилась церковь с фамильным склепом, с другой – колокольня.

Усадьба содержалась в самом безукоризненном порядке. Сын и наследник первого из владельцев, кн. Ф.С. Голицын – знаток и любитель художественных вещей – собрал в Зубриловке большую коллекцию бронзы, фарфора, эмалей, мраморной скульптуры и т.п. При нем в парке выстроен был т.н. китайский дом, где все до мельчайших деталей обстановки привезено из Японии и Китая. Многие вещи из «китайского дома», разрушенного за много лет до того, сохранялись в имении.

Из предметов искусства, хранившихся в усадьбе, знатоки самым ценным считали «бронзовую вазу работы *Jean de Bolagne*»; аналогичная ваза, но «меньшего размера и менее красивая», имелась лишь в галерее Корсини во Флоренции. Заметное место в картинной галерее занимали, как и в большинстве дворянских усадеб, портреты предков, из которых некоторые принадлежали кисти Левицкого, Боровиковского, Фогеля. Во дворце имелось собрание прекрасной художественной бронзы эпохи

¹ Княгиня Варвара Васильевна Голицына, урожденная Энгельгардт (12.III.1761–2.V.1815), дочь Василия Андреевича Энгельгардта и Марфы Александровны Потемкиной (1725–1775), племянница и фаворитка знаменитого кн. Г.А. Потемкина, фрейлина имп. Екатерины II (1777 г.), дама ордена св. Екатерины II ст. (1801 г.); в 1779 г. вышла за генерала от инфантерии кн. Сергея Федоровича Голицына (1749–1810). Неоднократно бывала в Зубриловке, куда окончательно переселилась в 1804 г.; погребена там же в Преображенской церкви. Значительную роль супруги Голицыны сыграли в судьбе великого русского поэта и государственного деятеля Г.Р. Державина.

Директории – люстры, канделябры и т.п.; множество «старинного фарфора *Sevre, pâte tendre, Saxe, Vieux Vienne, Vieuel Berliu*, китайского и японского, а также фарфора конца XIX – начала XX вв., наполнявшего кладовые; эмали, мраморные и бронзовые статуи и вазы; старинное оружие, старинные материи и вышивки; наконец, целая коллекция старинных экипажей, начиная с золоченой кареты 1700-х гг.

Часть мебели в главном доме была старинной, в стиле *empire*, часть – мастерской Гамбса 1840-х гг.» [2]. Все это, разумеется, также погибло вместе с усадьбой в 1905 г.

К усадьбе принадлежали еще шесть каменных флигелей, большие каменные конюшни, сараи, прачечная, фруктовый сад с каменными оранжереями, в которых росли персики, абрикосы, ананасы и гранаты, много старых апельсиновых и лимонных деревьев, пальм и других фруктовых деревьев. Все здания были соединены телефоном.

К 1905 г. имение состояло из 9 000 дес. земли. Из них 1 000 дес. сдавались в аренду бывшим крепостным крестьянам Голицыных – по 12 руб. за один посев (в местности такая аренда платится более 20 руб.). Сдавалась земля исключительно как помощь крестьянам; вся земля могла бы обрабатываться экономией. На 8 000 дес. располагались 5 хуторов (кроме усадьбы) с большими постройками и скотом, насчитывавшим 6 тыс. овец, 400 голов рогатого скота, 200 рабочих лошадей. Во всем имении культура была улучшена многопольем с травосеянием. Лес охранялся, и песчаная часть имения, за Хопром, засажена хвойным лесом. При имении, в селе Зубриловке, имелась большая водяная мельница.

Судебных дел с крестьянами и рабочими у княжеской администрации практически никогда не было.

Во времена крепостного права к имению принадлежали 9 деревень. Все проживавшие в них крестьяне в 1861 г. вышли на «полный» надел. После открытия Крестьянского банка все деревни купили земли по 130 руб. за десятину с рассрочкою на 5 и 10 лет без процентов суммы, возложенной банком на самих крестьян. Суммы эти крестьяне могли вернуть по желанию или деньгами, или летними работами; бывшие голицынские крепостные жили не бедно и располагали землей не менее 3 десятин на наличную душу. Поскольку зимой на работы в имении никого не нанимали, то в случае нужды контора выдавала нуждающимся по 95 руб., которые никого не заставляли отрабатывать летом.

Село Зубриловка состояло из 250 домов; из них 50 были деревянными, остальные – каменные, 50–60 из них крыты железом. Сами жители Зубриловки свою землю не обрабатывали, а по большей части сдавали ее в аренду чужим крестьянам, предпочитая работать в усадьбе и на

мельнице, зарабатывая от 8 до 9 тыс. руб. в год. Очень многие поступали в имение прислугой или на год, или на зимние месяцы, получая от 8 до 20 руб. в месяц.

При усадьбе были столярная мастерская и кузница, где сельские мальчики могли учиться ремеслам; многие из них учились у садовника и аптекаря. Крупных промышленных предприятий поблизости не имелось.

Еще при первом владельце Зубриловки была открыта бесплатная больница, а в двух двухэтажных домах на слободке открыты пансионы для детей соседних дворян-помещиков – мужской и женский. Один из домов в слободке был занят постоянно действовавшей больницей, на 20 коек. «Бывшие свои» (т. е. бывшие голицынские крепостные) крестьяне пользовались больницей и лекарствами бесплатно. Раз в неделю был еще амбулаторный прием на одном из хуторов, в 18 верстах от усадьбы. Жалование и помещение доктору, фельдшеру и акушерке выплачивал владелец имения. В поместье был и бесплатный родильный приют на 5 коек.

Каменное здание школы с квартирой для двух учителей, которая стоила Голицыным 7 тыс. руб., долго содержалось на средства владельцев. Когда же семья перестала проводить в Зубриловке лето, школа была подарена земству. Владельцем содержалась и богадельня для старух и неизлечимо больных на 8 мест. Много лет существовали в имении детские ясли, но к 1905 г. их пришлось закрыть, т.к. в отсутствие помещика наблюдать за ними стало некому.

После начала Первой мировой войны все солдатики в имении получали от хозяев 2 руб. в месяц, а самые бедные – также топливо и хлеб.

Все старые служащие получали от владельцев пенсию. Их детям давали возможность получить образование, и даже доктор в Императорском Ливадийском дворце в Крыму был сыном кучера из Зубриловки.

Этот уникальный культурный и благотворительный центр в конце 1905 г. был уничтожен ордой пьяных погромщиков из соседней местности. Убытки от погрома были неисчислимы. Не говоря о старинных паркетах, расписных и лепных потолках, погибло большое количество художественных вещей. В качестве логического продолжения погромов и грабежей 1905 г. победившие маргиналы окончательно разделились с Голицыными, экспроприировав все принадлежавшие им ценности. Уже «осенью 1920 г. в московском дворце кн. Голицыных на Ново-Басманной ул. чекисты обнаружили в замурованной кладовке 208 кг серебряной и 160 кг золотой посуды, в том числе – редкие предметы прикладного искусства XVII в.» [5]. Их последующий путь остается до конца не проясненным...

О дальнейшей судьбе самих Голицыных-Прозоровских дает некоторые сведения знаменитый «Готский альманах», точнее, его главная, «княжеская» часть. Все они благополучно, если это определение применимо к вынужденной эмиграции, перебрались за рубеж, главным образом во Францию [8]. Находившиеся в их руках коллекции, представлявшие собой, как мы уже убедились, уникальные памятники отечественной истории и культуры, стали жертвами «революционного» вандализма. Жалкие крохи уцелевших богатств, вероятно, осели в советских архивных и музейных фондах.

Библиографический список

1. Внучка «Пиковой дамы» // Пульс. 2003. № 11–12 (140). С. 2–3.
2. Государственный литературный музей. Отдел рукописных фондов. Ф. 230 (Н.П. Чулкова). Оп. 1. Д. 418. Л. 1–6 об.
3. Каждан Т.П. Художественный мир русской усадьбы. М., 1997.
4. Пирумова Н. Дворянское гнездо // Наше наследие. 1990. Вып. III (15).
5. Смирнов В. Тайны старых особняков // Труд. 1997. 2 окт. № 182. С. 6.
6. Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903. С. 702.
7. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Пг., 1914.
8. Almanach de Gotha. 1935.

О.А. Патрикеева

Курсистка или вольнослушательница Университета: выбор россиянок в начале XX столетия

Рассматриваются причины и условия возникновения в Российской империи высших женских курсов, специальных женских институтов и т.п. Подробно анализируются причины стремления россиянок к университетскому образованию, несмотря на наличие в стране высших женских курсов и женских институтов.

Ключевые слова: «женский вопрос» в России, высшее женское образование в Российской империи, высшие женские курсы, вольнослушательницы университетов, курсистки, совместное обучение.

Проблемы высшего женского образования в России начала XX в. неизменно привлекают внимание исследователей. К настоящему времени достаточно подробно изучена общественно-политическая ситуация в российском обществе на рубеже веков и ее влияние на состояние университетской жизни того времени, государственная политика в отношении высшего женского образования, деятельность высших женских курсов, общие причины, побуждавшие женщин получать высшее образование, биографии активисток, стоявших у истоков женского высшего образования у нас в стране [2, с. 292–324; 6, с. 117–129; 22, с. 52–54; 23; 25, с. 46–64]. Однако остаются вопросы, требующие более детального рассмотрения. В частности, причины стремления россиянок к университетскому образованию, несмотря на наличие в стране высших женских курсов и женских институтов.

Как известно, Уставы Императорских Российских университетов 1863 и 1884 гг. воспрещали обучение женщин в университетах. Чтобы как-то удовлетворить потребность женщин в более качественном образовании, по инициативе передовой общественности стали создаваться специальные женские курсы и институты. Первое российское высшее учебное заведение для женщин (курсы профессора Герье) появилось в Москве в 1872 г. В 1876 г. высшие женские курсы открылись в Казани, в 1878 г. – в Петербурге и Киеве. В 1903 г. в столице был открыт первый женский педагогический институт. К началу XX в. в Российской империи действовало 25 подобных учебных заведений. По мнению современников, «... высшее женское образование было сбито таким образом с естественного пути развития на ложную дорогу и пошло к учреждению специальных женских высших учебных заведений» [28, с. 8].

В 1901 г. министр народного просвещения П.С. Ванновский заявил о намерении пересмотреть действовавший университетский устав 1884 г. Декларация министра породила в рядах сторонников высшего женского образования надежды на то, что наряду с прочими назревшими вопросами переустройства университетской жизни будет решена и проблема женского университетского образования. В либеральной печати стали регулярно публиковаться обращения к правительству с просьбой допустить женщин в университеты. Одновременно активизировались и противники женского равноправия. Так, много шума наделала статья известного консервативного публициста и издателя

В.П. Мещерского, категорически возражавшего против приема «баб» в университеты [4].

В начале XX в. поворотным событием в истории высшего женского образования в России явилась революция 1905–1907 гг. В это время «женский вопрос» ставился либерально-демократической общественностью в один ряд с насущными политическими требованиями. Более того, сторонники женского равноправия полагали, что именно в области просвещения оно достижимо в первую очередь. «Есть такие стороны женского вопроса, которые и теперь уже настолько выяснены, что никаких затруднений в практической реформе быть не может. Сюда относятся, например, вопрос о женском образовании», – писал профессор Московского университета В.М. Хвостов [27, с. 20].

Уже осенью 1905 г. российские университеты наряду со студентами-мужчинами стали принимать и женщин-вольнослушательниц. 10 октября 1905 г. на заседании Совета Санкт-Петербургского университета было принято положение о возможности приема женщин вольнослушательницами при условии достаточного образовательного ценза. В 1905 г. для женщин, желавших посещать занятия в государственных высших учебных заведениях, вводились дополнительные экзамены. Так, для поступления на любой факультет Санкт-Петербургского университета требовалось сдать экзамены по математике и латинскому языку, при приеме в Санкт-Петербургский политехнический институт – по физике и математике.

В начале 1906–1907 учебного года женщины приступили к занятиям во всех российских университетах, кроме бездействовавшего Варшавского. Учебных мест для женщин выделялось недостаточно: обычно конкурс на одно место в университете среди них был в 3–4 раза выше, чем у мужчин.

Почему же россиянки предпочитали Университет высшим женским курсам и институтам? Каковы были условия обучения девушек-курсисток? Что вызывало их особенное недовольство? Ответить на все эти вопросы помогают воспоминания, письма, дневники бывших курсисток и вольнослушательниц университетов, а также данные статистических исследований, проводившихся среди российской учащейся молодежи в начале XX в.

Многие курсистки отмечали неустойчивость существования высших женских курсов. Популярная в те годы писательница и журналистка А.В. Тыркова вспоминала о своей «курсовой жизни»: «...Что-то в ней было недоделанное, отрывистое, ненадежное. Вот придет сердитый сторож с метлой и выметен всех нас вон» [24, с. 203]. О том же писала и бывшая «бестужевка» П. Н. Ариян: «Высшие женские курсы напомина-

ли настоящего “ваньку-встаньку”. Они то падали, то поднимались, опять падали, опять поднимались...» [20]. Так, в 1886 г. в условиях политической реакции прием курсисток во все женские высшие учебные заведения Российской империи был приостановлен и возобновился лишь в 1889 г.

Крайней нестабильностью отличалось и материальное положение высших женских курсов. «Женские высшие учебные заведения сильны морально, но по обеспеченности преподавательскими силами и в особенности по обилию учебно-вспомогательных пособий они в сильной мере уступают университетам», – отмечали современники [30, с. 5]. Высшее женское образование существовало на средства и по инициативе самого общества. К примеру, знаменитые Бестужевские курсы были обязаны своим благополучием прежде всего «массе дарового труда и неизменно горячего отношения к делу профессоров, готовых на всякие жертвы ради преуспевания дела» [1, с. 128]. Когда в связи с событиями первой русской революции все высшие учебные заведения Российской империи почти на год прекратили свою работу (октябрь 1905 г. – сентябрь 1906 г.), это обстоятельство тяжело отразилось на финансовом положении курсов. Если государственным учебным заведениям понесенные убытки были возмещены из казны, то высшим женским курсам приходилось самим изыскивать недостающие средства. Плата за обучение на женских курсах нередко превышала стоимость обучения в университетах. Так, самым дорогостоящим было обучение в столичных университетах – Санкт-Петербургском и Московском – 75 руб. в полугодие, в других университетах – 50 руб. Обычная же плата за обучение на высших женских курсах составляла от 40 до 70 руб. за полугодие.

Между тем, большинство российских курсисток постоянно испытывало крайнюю нужду в средствах. По данным статистических исследований, более 40% курсисток «питалось исключительно 5-ти копеечным супом и кашей» [16, с. 75]. А 12,7% учащихя девушек вообще не имели ежедневного обеда [10, с. 74].

Курсистки часто указывали на «неудобство и разбросанность» помещений курсов [29, с. 12]. Вот как описывает одна из девушек условия, в которых проходили занятия на посещаемых ею женских курсах. За неимением собственного помещения это учебное заведение было вынуждено арендовать днем здание ночного клуба, и слушательницы, являясь утром для занятий, «находили там страшный беспорядок: раскрытые карточные столы, бутылки от вина, атмосферу, пропитанную табаком и спиртом, сонных служителей». Подходящей мебели для занятий не хватало, и курсисткам приходилось «записывать за профессорами, стоя перед стульями на коленях...» [14, с. 172].

Критиковали девушки программу и организацию учебного процесса на женских курсах и в женских институтах. Неслучайно среди вольнослушательниц университетов было немало тех, кто уже окончил высшие женские курсы [6, с. 95]. «Год на историко-филологическом не удовлетворил, – высказывала типичное мнение одна из “бестужевок”, – создалось впечатление, будто ходишь на лекции, как на развлечение: не было серьезной работы» [10, с. 78].

Многие из опрошенных указывали на отсутствие на курсах научных школ и традиций. По их глубокому убеждению, ученый, профессор, преподававший на высших женских курсах, как правило, не имел «тесных духовных связей с учащимися», среди которых не было его преемников. «...Преемственность научной работы, творчества мысли – все, что так мощно-влиятельно в университете – слабо или вовсе не представлено на курсах, где только учатся», – указывали девушки [9, с. 2]. Огромный недостаток всех женских курсов – «отсутствие систематичности в занятиях при постоянно меняющемся составе слушателей» [11, с. 8]. С этими выводами соглашались сами профессора и преподаватели. «В университете и на высших курсах иногда преподавателями являются одни и те же лица, но последние в силу известных причин смотрят на свои занятия на курсах как на дело побочное», – отмечал приват-доцент Петербургского университета А.Н. Щербина [30, с. 6].

Удостоверения, выдаваемые женскими курсами, не давали их обладательницам никаких прав, поскольку не были признаны официально. В 1902 г. петербургский градоначальник постановил выселить из столицы еврейку по национальности Д. Рафайлович, окончившую Бестужевские курсы, утверждая, что данное обстоятельство не дает ей право проживать вне черты еврейской оседлости. Решение столичного градоначальника поддержали министр просвещения Г.Э. Зенгер и министр внутренних дел В.К. Плеве, заявившие, что высшие женские курсы – «частное учебное заведение, не принадлежащее к числу высших учебных заведений» и что «наименование “высшие” указывает лишь на их более высокий уровень по сравнению с женскими гимназиями» [8, с. 163]. Лишь восемь лет спустя, 30 мая 1910 г., Бестужевские курсы, наконец, были признаны высшим учебным заведением.

Таким образом, все усилия, все лишения и затраты, понесенные женщинами для получения высшего образования, были потрачены впустую: женщины оставались бесправными. «Подобное положение было нетерпимо не только по отношению к самим женщинам, так как лишало их возможности воспользоваться плодами трудов своих, но и для государства, ибо без всякой нужды ограничивало для него выбор людей, которые

по своему умственному развитию могли принести ему пользу во всевозможных отраслях деятельности», – констатировали представители передовой общественности [19, с. 25]. «Все, что до сих пор называлось “высшим женским образованием”, оказывается недостаточным, тусклым, бесцельным почином, напоминающим спитый чай с обильным подслащиванием, особенно в сравнении с высшим образованием юношей», – с горечью отмечали современницы [26, с. 149].

Итак, несмотря на наличие специальных женских высших учебных заведений, россиянки мечтали учиться в университетах. Прежде всего Университет привлекал их возможностью совместного обучения с мужчинами. В начале XX в. эта проблема живо обсуждалась в российском обществе, в Государственной думе, на страницах газет и журналов. «... Совместное обучение в высших учебных заведениях должно разрушить столь возмутительный взгляд учащейся молодежи на женщин, – настаивали активистки женского движения. – Юноши будут постоянно убеждаться, что женщины не уступают им по уму, знаниям, талантам, не ниже их в нравственном отношении» [15, с. 34].

Между тем эта идея вызывала сильнейшее противодействие со стороны правительства и консервативной части российского общества. Так, С.Ю. Витте, премьер-министр России в 1905–1906 гг., считал, что совместное обучение молодежи – лучший способ «вконец революционизировать» высшую школу, поскольку, по его мнению, женщины – «главные носительницы и вдохновительницы разрушительных идей» [22, с. 100]. А по уверениям правой прессы, присутствие женщин в университетах неминуемо вело к разврату и порче нравов в студенческой среде. («Университет становится ...выставкой декольтированных фей, но не храмом науки» [17, с. 37]).

Выдвигались и традиционные возражения против приема женщин в университеты. В начале XX в. многие российские обыватели по-прежнему считали, что женщина не должна стремиться к высшему образованию, поскольку такое образование отвлекает ее от прямых и естественных обязанностей жены, матери и хозяйки дома. Кое-кто продолжал уверять, что женщина обладает иными свойствами ума, и высшее образование ей попросту недоступно. «Над девушкой, читающей серьезную книгу, посещающей лекции, ищущей занятий, насмеялись, против нее восставали близкие, родная семья», – с грустью вспоминала П.Н. Ариян [20].

Противники высшего женского образования также утверждали, что в российских университетах нет свободных мест и их якобы не хватает даже студентам-мужчинам. По уверениям представителей консервативных кругов, прием женщин-вольнослушательниц приводил к «крайнему

переполнению» студенческих аудиторий и был выгоден, в первую очередь, профессорам этих университетов, поскольку «увеличивал их гонорар и доставлял дешевую популярность» [12]. А по данным журнала «Женский вестник», в 1910 г. в российских университетах насчитывалось 2 258 свободных мест: из них более 700 – в Петербургском университете [8, с. 162]. Сами же представители университетских кругов считали, что «иной малоспособный, интересующийся лишь получением диплома и небрежно относящийся к делу студент занимает место талантливой, беззаветно преданной научной работе слушательницы» [30, с. 5].

Обучение девушек в российских университетах продлилось недолго. 1 января 1908 г. министерство народного просвещения возглавил «человек стойких консервативных убеждений» А.Н. Шварц. Уже 16 мая 1908 г. вышел его циркуляр «Об условиях приема в студенты и вольнослушатели университетов и других высших учебных заведений», который воспретил прием в университеты «лиц женского пола». Это распоряжение широко обсуждалось в российской печати, на заседаниях Государственной думы. В защиту женщин-вольнослушательниц выступали видные общественные и государственные деятели. «Всякому, кто состоит не в штатах министерства просвещения, – писал в заметке с красноречивым названием «Непоправимо затхлое ведомство» знаменитый нововременский публицист В.В. Розанов, – а кто непосредственно живет в обществе и осознательно видит занятия молодых людей, несомненно, что студентки занимаются куда старательнее студентов, что пропуски лекций, проделки на экзаменах здесь не встречаются или составляют редкое исключение» [13]. Своего сотрудника горячо поддержал редактор и владелец газеты «Новое время» А.С. Суворин: «Я бы стал восставать против Высших женских курсов, совершенно бессельных, где ничему не учатся, но не против допущения студенток» [18, с. 33].

В защиту своих учениц выступили и выдающиеся ученые, профессора и преподаватели высшей школы. По инициативе известного правоведа, преподавателя юридического факультета Санкт-Петербургского университета В.М. Гессена, редакция журнала «Союз женщин» разослала профессорам ведущих российских университетов анкету с просьбой ответить на следующие вопросы: «1) Достаточно ли научная подготовка вольнослушательниц к усвоению университетских лекций? 2) Проявили ли вольнослушательницы в период обучения необходимую работоспособность? 3) Каковы результаты их проверочных испытаний и практических работ? 4) Считаете ли Вы требование женщин о допущении их в Университет целесообразным и законным?» [3, с. 4].

Заполненные опросные листы вернули 198 человек. Все без исключения профессора очень лестно отзывались о вольнослушательницах. Отмечались аккуратность девушек в посещении занятий, их «поразительная добросовестность», «благое отношение к науке», «более интенсивное стремление к работе, чем у студентов» [28, с. 8]. Мнение большинства профессоров российских университетов было единодушным: стремление женщин в университеты вполне законно и обоснованно. Высшие женские курсы не могут заменить университет: «они понижают общий уровень высшего образования в стране» [Там же, с. 9].

Под давлением общественности, социально-экономической конъюнктуры правительство с явной неохотой время от времени все же шло на некоторые уступки в области высшего женского образования. В январе 1910 г. были опубликованы «Временные правила о допущении к экзаменам в испытательных комиссиях при университетах посторонних слушательниц университетов, коим по Высочайшему повелению 29 октября 1908 года разрешено закончить начатое образование». А 19 декабря 1911 г. вышел закон, согласно которому выпускницам тех негосударственных женских курсов, чьи программы официально признавались равнозначными университетским, разрешалось проходить «окончательные испытания» в государственных комиссиях при университетах наравне с выпускниками-мужчинами. Выдержавшие экзамен вчерашние курсистки получали диплом и звание и могли пользоваться «всеми правами и преимуществами, предоставляемыми дипломами соответствующих мужских учебных заведений, кроме прав служебных и сословных». Закон от 19 декабря 1911 г. стал значительным шагом вперед в деле разрешения женского вопроса в России. Однако он так и не позволил женщинам стать полноправными студентками, не предоставил им и равных с мужчинами гражданских и политических прав.

Библиографический список

1. Ариян П.Н. История возникновения высших женских курсов // Первый женский календарь на 1899 год. СПб., 1899.
2. Вахромеева О.Б. Высшее женское образование в России и Санкт-Петербургский университет во второй половине XVIII – начале XX столетия // Празднование 275-ой годовщины основания Санкт-Петербургского университета: документы и материалы. СПб., 2003.
3. Гессен В. М. О вольнослушательницах высшей школы // Союз женщин. 1908. № 5–6.
4. Гражданин. 1901. 11 октября.
5. Гусельщиков М. Из студенческой анкеты // Русское богатство. 1910. Кн. 6.
6. Ершова В.М. О.А. Добиаш-Рождественская. Л., 1988.

7. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999.
8. Иванова З. С. Жизнь и министерство народного просвещения // Женский вестник. 1910. № 9.
9. Кальманович А. Все то же... // Союз женщин. 1909. № 7–8.
10. Кауфман А.А. Русская курсистка в цифрах: по данным переписи, произведенной на Санкт-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсах 15 ноября 1909 г. // Русская мысль. 1912. Кн. 6.
11. Мерхелевич Е. Идея совместного обучения в истории нашей школы и ее политическое значение // Союз женщин. № 3.
12. Новое время. 1908. 17 декабря.
13. Новое время. 1908. 19 мая.
14. Покровская М.И. Женщины в русских университетах // Женский вестник. 1908. № 7–8.
15. Покровская М.И. О допущении женщин в русский университет // Женский вестник. 1911. № 2.
16. Покровская М.И. Современная русская женщина // Женский вестник. 1910. № 3.
17. Пуришкевич В.М. Материалы по вопросу о разложении современного русского университета. СПб., 1914.
18. Розанов В.В. Из припоминаний и мыслей об А.С. Суворине // Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову. СПб., 1913.
19. Ропп А.Н. Что сделала Третья Государственная Дума для народного образования? СПб., 1912.
20. Рукописный отдел Института русской литературы и искусства Российской академии наук. Ф. 117. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
21. Тишкин Г.А. Петербургские профессора и женское образование // Русская культура и высшая школа: тезисы межвузовской научной конференции, посвященной 75-летию Санкт-Петербургской государственной академии культуры, 20–23 дек. 1993 г. СПб., 1993.
22. Толстой И.И. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. – 24 апреля 1906 г. М., 1997.
23. Тыркова А.В. Анна Павловна Философова и ее время. Пг., 1915.
24. Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет: Воспоминания. М., 1998.
25. Фортунатов А.Ф. Зачем люди идут в высшую школу // Вестник воспитания. 1910. № 7.
26. Фукс Е.В. Совместное воспитание обоих полов // Женский вестник. 1907. № 5–6.
27. Хвостов В.М. Женщина накануне новой эпохи. М., 1906.
28. Чехов Н.В. Женщины в университете // Союз женщин. 1907. № 5.
29. Щепкина Е.Н. Из жизни Высших женских курсов // Союз женщин. 1907. № 4.
30. Щербина А.Н. О допущении женщин в университет // Женское дело. 1910. № 41–42.

М.К. Фадеев

Партийная система России в условиях дестабилизации и ликвидации третьеиюньского (1907 г.) политического режима П.А. Столыпина

В статье рассматриваются взаимоотношения власти и общества в лице политических сил, представленных в Государственной Думе последних лет существования императорской России. Автор попытался проанализировать основные проблемы этих взаимоотношений и тенденции развития партийной системы в условиях роста общественной оппозиционности, связанной с неэффективной политикой царской администрации и затягиванием решения основных социально-экономических и политических проблем.

Ключевые слова: третьеиюньской политической система, III Государственная Дума Российской империи, Прогрессивный блок IV Государственной Думы, правительство Столыпина.

Сегодня, как и много лет назад, первостепенное значение приобретают вопросы взаимодействия общества и власти в условиях социально-экономических и политических кризисов. Механизмы сдержек и противовесов, обеспечивающие необходимый баланс интересов общества и государства, нуждаются в постоянном регулировании с целью своевременного выявления и устранения деструктивных факторов, дестабилизирующих общественно-политическую систему. В этой связи особое значение приобретает исторический опыт функционирования партийной системы России в кризисных условиях начала XX в. Анализ взаимоотношений правительства и политических сил, формировавших Государственную Думу в последний период существования монархии в России, представляется сегодня весьма актуальным, т.к. именно эти отношения, вернее, их конфронтационный характер, обусловили радикальный сценарий дальнейшего развития политической ситуации в стране.

Избирательный закон от 3 июня 1907 г. [4], изменивший соотношение сил в партийной системе в пользу правительства и консервативных партий, позволил стабилизировать политическую ситуацию в стране. Налаживание конструктивного взаимодействия и прагматичной работы с умеренно оппозиционными силами III Государственной Думы позволило правительству П.А. Столыпина вплоть до 1911 гг. достаточно активно

проводить умеренно реформаторский курс [14; 16]. Под воздействием успешного сочетания реформаторской и репрессивной политики, а также снижения общего уровня общественной оппозиционности наметилась серьезная тенденция к ослаблению радикальной части партийного спектра. Выделяются принимающие условия существующего режима правые и левые. Внесистемная деятельность крайних партий практически сворачивается [20]. Таким образом, происходит интеграция определенной части партийного спектра через институт представительства в политическую систему Российской империи, чем на некоторое время обеспечивается эффективность взаимодействия определенной части общества и власти.

Однако произошла эта стабилизация вследствие снижения уровня представительности партийной системы, вывода за ее рамки целого сегмента партийного спектра, сокращения возможностей влиять на государственную политику со стороны политических сил, формировавших Государственную Думу, и, соответственно, их претензий на власть. Заложенный реформами 1905–1906 гг. дисбаланс представительной и исполнительной власти так и не был устранен. Власть по-прежнему оставалась неподконтрольна общественности в лице системных политических партий и представительных органов. Даже существующие механизмы парламентского контроля, такие, как депутатский запрос, III Государственной Думой практически не использовались [3, с. 18].

Поэтому ряд ученых не склонны преувеличивать значение «третьеиюньской политической системы» и вообще ставят под сомнение применение подобного термина. Изменилась не политическая система как совокупность основных политических учреждений, а лишь политический режим как способ осуществления власти. «Важнейшие “государственные” и “общественные” элементы политической системы... возникли в 1905–1906 гг. Именно тогда произошел качественный скачок в развитии политических структур...» [12, с. 38].

Данное обстоятельство сдерживало развитие партийной системы, ее потенциальные возможности, не стимулировало легальную политическую активность тех социальных групп, которые могли бы стать опорой консервативных политических сил, провоцировало состояние тлеющего конфликта между представительной и исполнительной властью. Поэтому, несмотря на достаточно активную законодательную деятельность, латентное сопротивление правительству со стороны III Государственной Думы сохранялось. В условиях сохраняющейся поляризации политических сил правительству было все труднее выдерживать центристскую линию и заниматься умеренным реформаторством. Наиболее важные реформаторские проекты, направленные на решение основных

общественных проблем, в значительной мере тормозились [3], что в условиях возникновения очередного политического кризиса вело к их неизбежной эскалации.

«Министерский» и «парламентский» [2] кризисы 1911 г. возродили противостояние власти и общественности. А после убийства в сентябре 1911 г. П.А. Столыпина стало ясно, что предшествовавшие успехи не стали глубокими и долговременными, т.к. в основном были обусловлены личным авторитетом и тактикой П.А. Столыпина. Именно эта тактика, основанная на понимании уязвимости исполнительной власти в кризисной ситуации и опасности ее политической изоляции, позволила правительству пойти на прямое взаимодействие с политическими силами, от которых ожидалась поддержка его курса, – умеренными традиционалистами и умеренными либералами (октябристами) [12, с. 39; 19]. Но из-за слабости этих политических сил политика правительства не получила необходимой общественной поддержки. Октябристы и умеренные традиционалисты, которые только начали движение к консерватизму, сами зависели от поддержки власти и не могли самостоятельно противостоять левым и правым радикалам. Поэтому, отказавшись от поддержки консервативных партий и сотрудничества с ними [8; 10], правительство В.Н. Коковцева способствовало подрыву третьеиюньского политического режима, опирающегося на выгодный для правительства баланс двойного большинства в Государственной Думе, основу которого как раз и составляли консервативные партии [1].

Несмотря на определенную стабилизацию политической ситуации в стране в период патриотического подъема начала мировой войны, нарастание политического и социально-экономического кризиса быстро разрушило любые попытки консолидации партийной системы. Некоторые шаги, сделанные властью в сторону оппозиции, такие как практика назначения высших правительственных чиновников из числа членов Государственной Думы и Государственного Совета, введение их представителей в состав Особого совещания по обороне и др. [7], не носили системного характера и не могли способствовать значительному снижению градуса общественной оппозиционности. Вновь возникший дефицит легитимности власти, а также постепенное усиление экономической мощи буржуазии, связанное с увеличением государственных оборонных заказов, ее страх перед новой угрозой революции приводят к росту властных амбиций IV Государственной Думы и провоцируют новый виток политического противостояния общества и власти [3, с. 17].

Летом 1915 г. возникает оппозиционный Прогрессивный блок, в состав которого вошли почти все умеренно-правые и либеральные фрак-

ции IV Государственной думы и Государственного совета. Несмотря на достаточно компромиссный характер программы Прогрессивного блока, которая предполагала замену требования «ответственного министерства» требованием «министерства доверия», обновление состава органов управления, частичную политическую амнистию, введение волостного земства, восстановление профсоюзов, прекращение преследования больничных касс и др., власть ее не приняла [11]. Поэтому в отсутствие перспектив эффективного сотрудничества с правительством главной целью политики Прогрессивного блока IV Государственной Думы становится борьба за доминирующее положение в политической системе и реальную власть. А переход в открытую оппозицию правительству многих руководителей объединенного дворянства и других правых сил [Там же], свидетельствует о начале формирования общенациональной оппозиции самодержавию.

Тем не менее, либералы все еще считали возможным добиться реальных властных полномочий путем мирной «политической революции» в рамках существующей политической системы [15]. Как позднее заметил один из лидеров Прогрессивного блока В.В. Шульгин, «в осенние дни 1916 г. ...еще были альтернативные пути предотвращения катастрофы, состоявшие, прежде всего, в возможности позвать Прогрессивный блок...» [22]. Данное обстоятельство свидетельствует о недооценке либералами опасности надвигавшегося социального взрыва, обусловленного затягиванием решения основных общественных проблем, а также тяготами войны. Значительно возросший уровень радикальных настроений простого народа, отвергавшего как традиционные, так и буржуазные ценности, ставил под вопрос перспективность существующей партийной системы, основу которой как раз и составляли правые и либеральные партии.

На фоне противостояния IV Государственной Думы и власти, спровоцировавшего острейший социально-политический кризис, инициатива переходит в руки радикальных политических сил, которые, несмотря на участие в Государственных Думах, «ликвидаторство» и «оборончество» [5; 6; 13; 17; 18; 21], так и не были интегрированы в партийную систему и в условиях общественно-политического кризиса усилили антисистемную деятельность. Политический процесс приобретает революционный характер и выходит за рамки существующей политической системы. В этих условиях думская оппозиция также была вынуждена радикализироваться и принять участие в формировании новой политической системы. Таким образом, следует согласиться с мнением А.П. Корелина, что «...события февраля 1917 г. стали не естественным итогом эволюции

политического строя, основы которого были заложены в 1905–1907 гг., а достаточно радикальным (хотя и вполне предсказуемым) разрывом с эволюционным путем» [9].

Библиографический список

1. Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 63.
2. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 189–210.
3. Вильданов Р.Р. Парламент в дореволюционной и постсоветской России: сравнительно-политологический анализ: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.
4. Высочайше утвержденное Положение о выборах в Государственную думу от 3 июня 1907 г. // Полн. собр. законов Российской империи. Собр. III. Т. XXVII. Отд. 1-е. СПб., 1910. Ст. 29242. С. 321–335.
5. Егоренкова О.В. Эсеры и война (к вопросу об изменении взглядов В.М. Чернова на войну) // Политические партии России: прошлое и настоящее: Сб. ст. СПб., 2005. С. 65.
6. Ерофеев Н.Д. Социалисты-революционеры (середина 90-х гг. XIX в. – октябрь 1917 года) // Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 196.
7. Кириянов И.С. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2009. С. 27.
8. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Кн. 2. М., 1992. С. 68, 90–94.
9. Корелин А.П. Первая революция в России: Взгляд через столетие. М., 2005. С. 413.
10. Крыжановский С.Е. Воспоминания. Берлин, б. г. С. 98–106.
11. Куликов С.В. Правительственный либерализм и образование прогрессивного блока // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. Материалы конференции памяти В.С. Дякина. СПб; Киченев, 2001. С. 287–288.
12. Леонов С.В. Партийная система России (конец XIX в. – 1917 год) // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 29–48.
13. Манифест социал-демократов и социалистов-революционеров // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2: июнь 1907 – февраль 1917 гг. М., 2001. С. 495–502.
14. Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. Ч. 2. Законодательная деятельность / Сост. Канцелярией Думы. СПб., 1912.
15. О политической ситуации в стране. Анализ департамента полиции // Октябрь 1917 г. и судьбы политическом оппозиции. Приложения. №. 1. Гомель, 1993. С. 137–138.
16. П.А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы: В 2-х тт. М., 2003.
17. Резолюция, принятая на первом народническом совещании в июле 1915 г. // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2: июнь 1907 – февраль 1917 гг. М., 2001. С. 491.

18. Розенталь И.С. РСДРП: «использование парламентаризма» // Полис. 1993. № 6. С. 152.
19. Санькова С.М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006.
20. Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 162–214.
21. Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. М., 2002. С. 218.
22. Шульгин В. Дни. 1920. М., 1989.

Е.П. Коваленко

Исторические аспекты проблемы мужской смертности в России: XX век

Статья посвящена анализу демографических тенденций в России XX в. Особое внимание уделено проблемам острого демографического кризиса 1990-х гг., который характеризовался ростом естественной убыли населения, низкой продолжительностью жизни и значительным разрывом длительности жизни мужчин и женщин, а также сверхсмертностью мужчин, особенно трудоспособного возраста.

Ключевые слова: демографические тенденции XX в., демографические кризисы XX в., смертность мужчин, естественная убыль населения, продолжительность жизни.

В первой половине 1990-х годов Россия вступила в стадию демографической катастрофы. Один из факторов этой катастрофы – беспрецедентно низкая продолжительность жизни мужского населения [2].

Реформирование всех сфер жизни российского общества вызвало шоковый эффект, во многом обусловивший рост социальных стрессов, депрессий, а также различных заболеваний населения. Общая смертность на 1 тыс. населения в 1989 г. составляла 10,7 человек, до 1994 г. этот показатель постепенно возрастал. К началу XXI в. Россия имела один из самых высоких в мире темпов естественной убыли населения, вследствие

которого число россиян за последнее десятилетие XX в. уменьшилось почти на 9 млн. человек.

Уровень здоровья населения России последние десятилетия (примерно с середины 1960-х гг.) был значительно ниже, чем в развитых странах, а динамика смертности и заболеваемости россиян носили неблагоприятный характер. С 1990-х гг. страна вступила в полосу острого демографического кризиса, который характеризовался ростом естественной убыли населения, низкой продолжительностью жизни и значительным разрывом длительности жизни мужчин и женщин, высокими показателями общей смертности, сверхсмертностью мужчин, особенно трудоспособного возраста. Уровень смертности мужчин был значительно выше уровня смертности женщин, в результате сформировался разрыв в средней продолжительности жизни между мужчинами и женщинами более чем в 10 лет [6].

Данная тенденция сохранилась и до наших дней, т.к. одна из главных проблем РФ – это чрезвычайно большие масштабы преждевременной смертности трудоспособного мужского населения, ведь 80% смертей в рабочих возрастах приходится именно на мужчин, между тем именно здоровье женщин в первую очередь стало предметом заботы государства: разработан целый ряд законов и нормативных актов, защищающих интересы женщин в области охраны здоровья.

С XVII в. глобальных миграционных подвижек в ядре Российского государства не происходило. Даже наоборот – избыточное население из этих мест активно выселялось в Сибирь, на юг и в Среднюю Азию. Сегодня все области центра России – лидеры по мужской убыли.

Данные переписи населения 1959 г. показывают, что по РСФСР соотношение мужчин и женщин 1922 г. рождения таково: число мужчин составляет 60% от числа женщин [8]. Для других близких годов немного лучше, лишь для 1914 г. рождения мужчины составляют 59% от числа женщин. Следует отметить, что «провал» в численности мужчин в результате военных потерь был менее глубоким, хотя и более растянутым по возрастам, чем «провал» от спада рождаемости в военное время. Среднее время удвоения численности населения для всех трех периодов равномерного роста численности населения на территории в границах нынешней РФ после 1913 г. (1923–1931, 1935–1941, 1951–1963 гг.) составляет примерно 40–50 лет, т.е. практически такое же, как за период с отмены крепостного права до 1913 г. Далее, с начала 60-х гг. XX в. наблюдается значительное снижение темпов роста населения и других, связанных с воспроизводством населения, показателей. Связано это с урбанизацией, ростом доли городского населения и падением доли сельского.

До 1992–1993 гг. численность населения России (в границах нынешней РФ) росла, за исключением трех следующих периодов.

1. 1917–1922 гг.: гражданская война и сопутствующее ей расстройство всех сторон жизни. Демографические потери можно оценить в 10–14 млн человек, включая сюда и потери от первой мировой войны 1914–1917 гг. В это время спада населения не наблюдалось, но его рост резко замедлился – сказались и военные потери, и снижение рождаемости, т.к. в это время основная часть мужского населения находилась на фронте. Во время гражданской войны, начиная с 1918 г., рождаемость стала выше, чем в 1917 г. 10–14 млн. – это суммарные потери, и от избыточной смертности, и от падения рождаемости, а также от миграционного баланса.

2. 1930–1934 гг. С 1930 г. наблюдается замедление роста, в 1934 г. – резкое падение рождаемости в сравнении с 1933 г. Причина – коллективизация и связанное с ней сильное изменение всех сторон жизни сельского населения. По данным переписи 1939 г., в РСФСР 5-летних (минимум) было в 1,45 раз меньше, чем 8-летних (предшествующий максимум). Для сравнения – в 1917 г. было аналогичное падение в 1,82 раза. Демографические потери 1930–1934 гг. – около 6 млн. человек. Период репрессий 1937–1938 гг. практически не отразился на демографических показателях. Контингент 1938 г. рождения – самый многочисленный из всех по данным переписи населения 1959 г.

3. 1941–1945 гг.: Великая Отечественная война. Демографические потери – около 24 млн человек (данные в границах нынешней РФ, для всего СССР – гораздо больше). Значительная часть из них – от недобора рождаемости. Смертность увеличилась для всех половозрастных групп, хотя больше всего – для мужчин самых трудоспособных возрастов (погибали на фронте), это очень тяжело повлияло и впоследствии на народное хозяйство – ведь именно мужчины, молодые и среднего возраста, главная рабочая сила. «Демографическое эхо войны» проявляется до сих пор. Именно ему мы обязаны малым количеством родившихся в 1965–1975 гг. (1960 г. – 2,8 млн чел., 1968 г., минимум родившихся – 1,82 млн чел., 1976 – 2,15 млн чел.). «Второе эхо» уже близко к нашему времени [1].

Можно отметить, что естественный прирост населения наблюдался ранее, а так же в настоящее время в богатых сибирских регионах (Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ) и в некоторых республиках Северного Кавказа (Ингушетия, Дагестан). Необходимо отметить, что высокий уровень смертности характерен не только для русского населения, но и для многих коренных народов России,

особенно для части народов Поволжья (мордва, марийцы) и народов Севера (карелы) [3].

В настоящий момент нередко приходится встречаться с утверждениями экспертов о том, что беспрецедентно высокая смертность российского населения в последнее десятилетие XX в. – это лишь продолжение тенденций, которые начали проявляться еще в 1960-е гг., что рост смертности обусловлен старением населения, его неблагоприятной демографической структурой, «эхом войн и репрессий» и «исторических катаклизмов» [4], но можно ли принять такие объяснения исчерпывающими?

К середине 1960-х гг. по уровню смертности и продолжительности жизни Россия имела показатели, аналогичные среднеевропейским. Затем и в Европе, и у нас началось очень незначительное увеличение показателей смертности. Тогда в развитых западноевропейских странах правительства быстро отреагировали на новое явление: была пересмотрена вся стратегия здравоохранения и медицинского обслуживания населения, увеличены инвестиции в медико-биологические исследования, в охрану окружающей среды. Огромную роль сыграла широкая пропаганда здорового образа жизни, которая нашла отклик у населения. Все это дало ощутимые результаты, и на Западе намечавшаяся тенденция к росту смертности была преодолена.

В России и бывшем СССР с середины 1960-х гг. ситуация складывалась иначе. После очевидных огромных успехов, достигнутых в борьбе с инфекционными заболеваниями (путем массовых вакцинаций и других профилактических мер), советская система здравоохранения уже не могла столь же эффективно противостоять преобладанию заболеваний эндогенного характера, т.е. болезней системы кровообращения, эндокринной системы, новообразований. Одно лишь расширение охвата населения медицинской помощью без принципиального улучшения ее качества, без внедрения в практику новейших медицинских технологий, без вложения значительных средств в медицинскую науку – не могло и дальше обеспечивать низкий уровень смертности. Вследствие чего показатели смертности начали медленно расти [7].

Наибольший «вклад» в негативную динамику показателей населения делают именно мужчины. Мужская смертность в рабочих возрастах была в 4 раза выше женской. При сохранении в дальнейшем современного по возрасту уровня смертности из нынешних юношей, достигших 16 лет, 40% не доживет до 60 лет. Уровень преждевременной смертности российских мужчин в конце 1990-х гг. сравнивался с показателем вековой давности. Высокая смертность мужчин приходится на самые

активные рабочие возраста 25–44 лет. Своего максимума во второй половине 1990-х гг. прирост мужской смертности в России достиг в возрастной группе 30–44 лет: в 1,7–1,8 раза по сравнению со второй половиной 1980-х гг. В более молодых группах (от 16 до 29 лет) существует прирост в 1,5 раза. В группе 45–54 лет – в 1,6 раза [5].

Таким образом, чтобы разобраться в причинах столь беспрецедентного прироста смертности российских мужчин самого активного трудового возраста, необходимо также рассматривать причины смертности.

Библиографический список

1. Демография и статистика населения: Учебник / И.И. Елисеева, Э.К. Васильева, М.А. Клупт и др.; Под ред. И.И. Елисеевой. М., 2006.
2. Демография: Учебное пособие / Под ред. В.Г. Глушковой. 2-е изд. М., 2006..
3. Кожухарь Л.И. Основы общей теории статистики. М., 2005.
4. Медков В.М. Демография: Учебник. М., 2005.
5. Население России к 2050 году увеличится до 160 млн. // Деловая газета «Взгляд». 14.11.2007.
6. Попов А.Д. Иностранная рабочая сила в экономике России // Международная научно-практическая конференция «Миграция населения и перспективы демографического развития России». 22 ноября 2004 года (Доклады и тезисы докладов.). М., 2004.
7. Шкаратан О.И. Социальное расслоение в современной России: драма раскола того общества // Мир России. 2004. № 1. С. 3–48.
8. Явлинский Г. Перспективы России: Экономический и политический взгляд. М., 2008.

Р.Ф. Субханкулов

Основные аспекты развития отечественной историографии участия СССР в войнах и военных конфликтах второй половины 1930-х гг.

В статье рассмотрен процесс развития научных представлений и произведен анализ отечественной исторической литературы, освещающей участие СССР и его Вооруженных сил в войнах и военных конфликтах в 1936–1940 гг. Выделены основные тенденции в освещении темы и проблемы, остающиеся наиболее дискуссионными в современной историографии.

Ключевые слова: отечественная историография, Советско-финляндская война 1939–1940 гг., Гражданская война в Испании, вооруженный конфликт у оз. Хасан, военный конфликт на р. Халхин-Гол.

Участие Советского Союза и его Вооруженных Сил в войнах и военных конфликтах в 1936–1940 гг. является одной из тех страниц в истории нашего Отечества, освещение которой всегда происходило под влиянием идеологических установок, продиктованных официальными взглядами государственного руководства страны. В советской историографии относительно этого периода существовало значительное число так называемых белых пятен. Проведение исследований сдерживалось недоступностью для отечественных ученых многих важнейших документов, относящихся к этому периоду, что заставляло историков опираться в основном на мемуарную литературу. Кроме того, изложение доступной исследователям информации часто находилось в определенных идеологических и даже пропагандистских рамках. Эти рамки, а также узость источниковой базы, с одной стороны, и политическая актуальность темы, значительный интерес к ней со стороны широкой общественности – с другой, привели в конце 1980-х – начале 1990-х гг. к тому, что разоблачаемые старые мифы зачастую заменялись новыми.

С 1990-х гг. в отечественной историографии начался новый этап, характеризующийся созданием условий для дальнейшего углубления знаний о войне, возможностью критического осмысления достижений предшествующего периода. Разнообразие подходов при изучении важнейших проблем и изложении взглядов, освоение российскими историками новых пластов зарубежной литературы в целом положительно сказались

на объективном освещении малоизученных страниц советской истории. Наряду с методологическим и идеологическим плюрализмом важнейшей предпосылкой совершенствования представлений стала существенно возросшая источниковая база исследований. Подготовка и публикация целого ряда сборников архивных материалов [11, кн. 2; 43 и др.] значительно облегчили историкам работу над всеми без исключения проблемами предыстории и истории Второй мировой войны, предоставив возможность детального изучения многих ранее практически не рассматривавшихся сюжетов. К числу таких проблем относится история участия СССР в войнах и военных конфликтах второй половины 1930-х гг.

Анализ исторической литературы свидетельствует, что изучение участия СССР в войнах и военных конфликтах 1936–1940 гг. осуществлялось в контексте общего развития историографии предыстории Великой Отечественной войны. Автор считает возможным выделить два историографических периода в освещении рассматриваемой темы.

Первый историографический период охватывает время от появления первых публикаций, отражающих участие Советского Союза и его Вооруженных сил в военных конфликтах второй половины 1930-х гг., до начала пересмотра сложившихся в советской исторической науке концепций и взглядов в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Этот период развития историографии в соответствии с характером господствовавших представлений можно назвать «советским периодом».

Становление и развитие историографии событий у оз. Хасан и р. Халхин-гол, Гражданской войны в Испании, советско-финляндской войны 1939–1940 гг. проходило в условиях кануна и начала Второй мировой войны, когда освещение этих страниц истории не могло не быть фрагментарным в силу цензурных ограничений и закрытости источников. Особую политическую значимость проблемы, так или иначе связанные с предысторией Второй мировой войны, внешней политикой СССР в 1939–1941 гг., сохраняли и в 1950–1980-х гг. Поэтому их освещение в советской историографии вплоть до распада СССР в значительной степени было увязано с задачами партийно-государственной пропаганды и являлось инструментом идеологической борьбы.

В то же время в советский период развития историографии был накоплен огромный и в своем большинстве добротный фактический материал, основательно и объективно разработаны многие конкретные сюжеты. Однако присущее советской литературе замалчивание отдельных тем и сюжетов, апологетический подход к оценке деятельности советского политического и военного руководства, ограничения на контакты с зарубежными учеными и работу с архивными материалами оборачивались

определенным снижением уровня исторических исследований. С течением времени все сильнее ощущалась необходимость преодоления зависимости исторических сочинений от объяснений и оценок, заимствованных из официальных партийно-государственных документов.

Изучением участия советских военнослужащих в конфликте у оз. Хасан и р. Халхин-Гол, гражданской войне в Испании и советско-финляндской войне занимались прежде всего военные специалисты, стремившиеся извлечь опыт для совершенствования Красной Армии и подготовки офицерских кадров. Положительной чертой данных исследований можно назвать четкое и подробное изложение военных операций и существующих тогда взглядов на боевое применение военной техники, в первую очередь – авиационной и бронетанковой, а также военно-морского флота. При этом авторы подчеркивали самоотверженность и героизм советских военных, их высокую профессиональную и боевую выучку [36; 38; 49 и др.].

Что касается политических аспектов участия Советского Союза в войнах и военных конфликтах 1936–1940 гг., то до конца 1980-х гг. в работах отечественных историков доминировали представления, сформированные под влиянием непосредственных участников событий, и прежде всего – официальной позиции советского руководства. При этом в работах, написанных в советское время, внешнеполитический курс Советского Союза в 1930-е гг. было принято рассматривать как безошибочный и последовательный, направленный на достижение мира. Соответственно, политика других держав изображалась как попустительство агрессивным фашистским силам [23; 26; 34 и др.].

В частности, в рамках сформировавшейся концепции СССР выступал как последовательный защитник интересов Испанской республики, сдлавший все от него зависящее для противостояния фашизму. Политика «невмешательства», ответственность за проведение которой возлагалась на Великобританию, США и Францию, сыграла в поражении Республики едва ли не большую роль, чем иностранная интервенция [13; 41; 30 и др.]. Рассмотрение событий у оз. Хасан и р. Халхин-Гол велось в контексте подготовки и реализации широкомасштабных экспансионистских замыслов японских милитаристов в отношении СССР и МНР [16; 22 и др.]. Советские историки развивали аргументацию в пользу агрессивности Японии, особым образом уделяя внимание плану нападения на Советский Союз. Постепенно, по мере обострения «холодной войны», особую актуальность приобрели усилия советских исследователей обосновать с помощью исторической аргументации правомерность владения Советским Союзом Курильскими островами [10; 20; 22 и др.]. Кроме

того, в советской историографии уделялось внимание изучению роли ведущих мировых держав в разжигании агрессивных намерений Японии и Финляндии в отношении Советского Союза [15–18 и др.]. Собственно история «зимней войны» излагалась в советской научной литературе недостаточно подробно – соответствующий раздел, как правило, включался в коллективные монографии, посвященные Великой Отечественной войне в качестве ее предыстории. При этом описывался прежде всего второй этап «зимней войны», успешный для советских войск (с 11 февраля 1940 г.), завершившийся прорывом линии Маннергейма и взятием г. Выборг. Начальный период боевых действий (декабрь 1939 – январь 1940 г.) практически не освещался [14, с. 266–270; 16, т. 3. с. 362–363; 19, с. 152–155 и др.].

Почти на протяжении полувека в советской историографии господствовало представление, согласно которому советско-финляндская война 1939–1940 гг. была спровоцирована финской стороной. Во время войны и сразу после ее окончания при описании причин ее возникновения указывалось в первую очередь на враждебную политику финляндских правящих кругов в отношении СССР, зависимость Финляндии от стран Запада (обоих противоборствующих блоков), навязавших ей роль «военного плацдарма империалистических государств». Ответственность за возникновение войны возлагалась, таким образом, на державы Запада, «спровоцировавшие» Финляндию на военное выступление против СССР, а также «реакционные круги» самой Финляндии [1; 45 и др.].

При оценке итогов столкновений в первую очередь отмечалось, что победы Красной Армии в столкновениях с Японией у оз. Хасан и р. Халхин-Гол, в Зимней войне 1939–1940 гг. с Финляндией имели широкий международный резонанс, продемонстрировав всему миру мощь Советского Союза. Негативные последствия Советско-финляндской войны для международного положения Советского Союза замалчивались и обсуждению не подвергались [14, с. 236–245; 16, т. 3. с. 220; 37, с. 152 и др.].

Начиная с 1960-х гг. изучение событий второй половины 1930-х гг. базировалось на все более массивном привлечении иностранных источников, включая архивные материалы и обширную коллекцию прессы. В советской историографии проявилось стремление, насколько это было возможно, преодолеть некоторые стереотипы, включить в рассмотрение международный, военный, пропагандистский, гуманитарный и многие другие аспекты. Однако, в целом, советская историография выработала однозначные оценки в том, что касается причин и итогов военных конфликтов конца 1930-х гг. Проблема участия СССР и его Вооруженных сил в этих событиях изучалась недостаточно, многие проб-

лемы замалчивались или освещались недостаточно объективно. Позднее, в постсоветский период развития историографии, многие казавшиеся незыблемыми положения были подвергнуты пересмотру (ревизии) вплоть до полного их отрицания.

Второй историографический период, начало которого связано с изменением общественно-политической ситуации в стране, хронологически охватывает время с начала 1990-х гг. до сегодняшних дней. Его отличительной особенностью является формирование и развитие современной российской историографии на основе критического подхода к достижениям советских историков. Открытие многих архивов и фондов, введение в научный оборот комплекса архивных материалов породили ряд новых для отечественной историографии возможностей, использованных историками с конца 1980-х гг. и до настоящего времени.

Результатом произошедших изменений стало также постепенное избавление от господствовавших долгое время ограничений при освещении непростых событий этого периода советской истории. Характерной чертой для многих работ в начале постсоветского периода явилось стремление оценить рассматриваемые события под иными, нежели в предшествующие годы, ракурсами, зачастую переменяя оценки с плюсов на минусы.

При анализе работ историков, опубликованных в постсоветский период, можно выделить два подхода.

С одной стороны, большинство ученых развивают реалистичный взгляд на достижения и просчеты советской внешней политики.

В частности, при освещении военных конфликтов с Японией в 1938–1939 гг. считается общепризнанным, что события на оз. Хасан и р. Халхин-Гол явились логическим следствием оккупации Японией Маньчжурии и создания марионеточного государства Маньчжоу-Го. Анализируя агрессивные действия Японии, историки подчеркивают, что их необходимо рассматривать в общем контексте международной обстановки 1930-х гг. и дипломатической игры ведущих мировых держав, прежде всего «мюнхенского сговора», сыгравшего роль своего рода катализатора японских устремлений в сторону Советского Союза [12; 20 и др.].

В рамках данной концепции вооруженные провокации у оз. Хасан и на Халхин-Голе преследовала цель не только испытать мощь Квантунской армией и проверить степень боеготовности Красной Армии. Япония преследовала и политические цели: попытаться силовым воздействием принудить Советский Союз отказаться от помощи Китаю и успокоить западные державы, продемонстрировав им свою враждебность СССР. В рамках этой концепции необъявленная война против МНР и СССР рас-

считается как важный фактор поощрения западных держав на продолжение и активизацию политики умиротворения Японии. Обращается внимание и на связь Халхин-гольских событий с обострением в 1939 г. японо-американских отношений [28].

Что касается политики нашей страны, то историками данного направления подчеркивается, что советское руководство не стремилось к конфронтации с Японией. Говоря о политических итогах конфликтов на оз. Хасан и р. Халхин-Гол, сторонники традиционной точки зрения делают акцент на том, что демонстрация советского военного превосходства в боях на Хасане и Халхин-Голе сыграла ключевую роль в изменении направления экспансии Японии, временный отказ Японии от агрессии против СССР [12; 33 и др.].

Попытки нового, более объективного осмысления темы участия СССР в гражданской войне в Испании, связаны в первую очередь с признанием переплетения в советской политике искренней солидарности и идеологических пристрастий, верности данным обязательствам и колебаний, вызванным конъюнктурными обстоятельствами. Кроме того, историки постсоветского периода нередко обращают внимание на те стороны советской политики в отношении Испании, которые можно интерпретировать как попытки уложить развитие событий в жесткие рамки чисто советского опыта, сделать акцент на недоверии советского руководства к тем антифашистским силам, которые не разделяли коммунистические «идеалы» и советское видение международных проблем, а также подчеркнуть факты откровенного вмешательства Кремля во внутренние дела испанской республики, неумение найти общий язык с теми, кто стремился оказать республике помощь, не связывая себя с коммунистами и прокоммунистическими организациями [9; 24; 35 и др.].

Современные российские историки, разумеется, далеки от того, чтобы рассматривать республиканскую Испанию как первое звено в системе социалистических государств, созданной благодаря СССР. В конце 1930-х гг. Советский Союз еще не имел на международной арене такого авторитета, какой приобрел после Второй мировой войны. Кроме того, Испания была слишком удалена от СССР, чтобы представлять непосредственный интерес для Сталина. Можно достаточно обоснованно предполагать, что победа республиканцев для Сталина была желательней, чем победа националистов, однако добиваться ее любой ценой по примеру Гитлера и Муссолини, поддерживавших Франко, он не собирался. Об этом свидетельствуют и отсутствие в Испании регулярных советских войск, и требование от республиканцев оплаты всех военных поставок СССР, чем и было вызвано депортирование золотого запаса страны

в Москву, а также отказ в дополнительных кредитах к началу 1939 г. Также невозможно отрицать, что СССР делал немало уступок под давлением западных стран в лондонском Комитете по невмешательству, которые, в конечном счете, оказывались на руку только Франко (данный факт говорит о гораздо большем значении для СССР отношений с Англией и Францией, нежели с республиканской Испанией).

Что касается советско-финляндской войны 1939–1940 гг. (так называемой «зимней войны»), то можно выделить следующие основные положения, выработанные и обоснованные на современном этапе развития историографии. Во-первых, в настоящее время является общепризнанным, что советско-финляндская война была начата Советским Союзом. Так называемые пограничные провокации финской стороны, в том числе выстрелы в Майнила 26 ноября 1939 г., не могут рассматриваться как причина войны, поскольку решение о начале войны принималось в Москве под влиянием срыва советско-финляндских переговоров осени 1939 г. Пограничные же инциденты использовались советским руководством для усиления дипломатического давления на Финляндию и – как в случае с происшествием в Майнила – стали поводом для развязывания конфликта [11; 32].

Так называемое «народное правительство Финляндии» («правительство Куусинена») являлось марионеточным образованием, решение о создании которого было принято в Москве [7, с. 30–57, 242]. В то же время вопрос о целях советского руководства в войне с Финляндией остается дискуссионным. С одной стороны, цели СССР традиционно излагаются как ограниченные – отодвинуть границу от Ленинграда [3; 32; 50 и др.]. С другой стороны, имеющиеся факты и документы дают основания для интерпретации, согласно которой в намерение Сталина входило занятие территории всей Финляндии. Предполагалось ли лишить Финляндию независимости? Представляется, что до осени 1939 г. советское руководство не предполагало нападать на Финляндию, и тем более не имело в виду ее оккупацию. Только срыв переговоров осени 1939 г. подтолкнул Сталина к решению начать в войну. В этот момент в Кремле могли прорабатывать вариант, при котором Красная Армия сумеет в короткий срок решить поставленную задачу разгрома финской армии и, возможно, занять Хельсинки. Тем не менее, окончательное решение относительно судьбы Финляндии вряд ли могло быть принято до успешного окончания военных действий. Во всяком случае, материалов, на основе которых можно судить о наличии в Кремле совершенно определенных планов относительно будущего Финляндии, недостаточно, чтобы сделать окончательный вывод по этому вопросу [11; 32 и др.].

Начало войны между Германией и англо-французской коалицией, а также советско-германский договор о ненападении 1939 г. можно рассматривать, прежде всего, как непосредственные *предпосылки* возникновения «зимней войны». В результате нападения Германии на Польшу, объявления Англией и Францией войны Германии, а также достигнутого урегулирования советско-германских отношений создалась ситуация, в которой стало возможным принятие решения в Кремле о применении военной силы для решения вопроса о переносе границы. Наличие этих предпосылок не означало, однако, неизбежности возникновения советско-финляндской войны – ее непосредственные причины связаны, с одной стороны, с интенцией советского руководства добиться улучшения геостратегических позиций в Балтийском регионе в целях укрепления собственной безопасности, имея в виду угрожающую перспективу вовлечения на том или ином этапе во Вторую мировую войну, а с другой – с позицией правительства Финляндии, избравшей вариант жесткого противостояния и отвержения советских требований.

Для современных историков очевидно также, что причины «зимней войны» не сводимы только к советско-финляндским двусторонним отношениям. Эти отношения строились в непосредственной связи с общим развитием международной ситуации, характеризовавшейся постепенным обострением обстановки в Европе. Конфликт интересов великих держав вовлекал в свою орбиту все большее число малых стран, судьба которых начинала зависеть от хода глобального противоборства. Агрессия Германии в Европе на фоне проводимой Англией и Францией политики «умиротворения» подвели Европу к новой мировой войне. Что касается Советского Союза, то он не мог всерьез рассчитывать остаться в стороне от конфликта, потенциально несшего угрозу его государственной независимости и существованию населявших его народов [6; 47; 50 и др.].

Подводя итог историографического осмысления вопроса об итогах войны, следует отметить, что надежные данные о том, какой была бы позиция Финляндии при условии, если бы советско-финляндская война не состоялась, в сущности, отсутствуют. Авторы, критиковавшие решение Сталина начать войну с Финляндией, основывали свою оценку в первую очередь на допущении, что Финляндия при ином развитии событий осталась бы нейтральной, а также на оценке результатов войны как неудачных для СССР. Очевидно, однако, что, несмотря на констатацию связи между «зимней войной» и усилением в Хельсинки реваншистских политических сил в 1940–1941 гг., нет достаточных оснований утверждать, что Финляндия не стала бы сателлитом Германии и в том случае, если бы «зимняя война» вообще не состоялась. Этот вопрос является,

по меньшей мере, спорным, и осознание этого факта заставляет большинство историков избегать категоричных суждений [4; 5].

Таким образом, изучение современной историографии приводит к выводу, что многие открывшиеся в последнее время факты и ставшие доступными документы и архивы не всегда укладываются в сложившуюся в советской историографии концепцию данной проблемы. К достоинствам современной отечественной историографии можно отнести большую накопленную документальную базу, а также хорошую проработанность различных концепций и подходов к анализу и оценке советского участия в рассматриваемых событиях. Однако споры историков относительно каждого из аспектов проблемы продолжаются до сих пор.

Во многих работах, написанных в постсоветский период, предлагается, по существу, пересмотр ключевых положений советской историографии относительно причин возникновения военных конфликтов, целей Советского Союза в отношении Испании и Финляндии, характера действий советских Вооруженных сил и т.д. Поэтому, на наш взгляд, можно говорить о происшедшем в 1990-х гг. становлении нового, *ревизионистского направления* в отечественной историографии, предлагающем иное прочтение ключевых событий конца 1930-х гг. и переосмысление участия СССР в войнах и военных конфликтах 1936–1940 гг.

Так, конфликты на оз. Хасан и р. Халхин-Гол рассматриваются историками этого направления как приграничные споры, вызванные слабой демаркацией границы или вовсе ее отсутствием [29, с. 115; 31]. Декларируемый в данном случае отказ от следования «советским мифам» подразумевает, в сущности, переход на позиции японской стороны, которая уже в период конфликтов настаивала на своем миролюбии, и свои военные мероприятия в Маньчжурии и Китае представляла как оборону против «мирового коммунизма» [8; 27]. В послевоенное время такой подход был усвоен официальной японской историографией. С точки зрения задач нашего исследования важно учесть, что подобный пересмотр предполагает, так или иначе, ревизию решений Токийского процесса 1946 г., который объявляется «судом победителей», а показания свидетелей обвинения – не заслуживающими доверия, и, тем самым, делигитимизируются.

Некоторые авторы ставят под сомнение не только природу конфликтов на Хасане и Халхин-Голе, но и сам характер действий Японии в отношении Советского Союза. «Меморандум Танаки» объявляется фальшивкой, якобы придуманной для мобилизации советских масс на противостояние японской угрозе, а также для оправдания постепенно усиливавшихся сталинских репрессий. Утверждается также, что всю ответственность

за военные столкновения с Советским Союзом несла японская армия, а вовсе не политическое руководство [27, с. 248; 46, с. 47].

Кроме того, ответственность за Хасанские события возлагается на советское руководство, якобы не использовавшее возможность разрешить конфликт мирным путем. Возможность мирного исхода связывается с выводами комиссии, направленной в район конфликта маршалом Блюхером. В Кремле, однако, не меньше японцев были заинтересованы в «пробе сил», поэтому Блюхер был обвинен в пораженчестве и расстрелян.

Что касается итогов войны, то историки-ревизионисты связывают переориентацию внешнеполитического курса Японии прежде всего не с военной победой советских войск на Хасане и Халхин-Голе, а с изменением политического климата и новым дипломатическим раскладом в Европе летом-осенью 1939 г. Заключительный этап операции разворачивался на фоне германо-советских переговоров и заключения пакта Молотова–Риббентропа. В связи с этим утверждается, что именно этим фактом в большей степени, чем успехами советской армии, обусловлены итоги конфликта на Халхин-Голе [48].

Ревизионистская тенденция в историографии Испанской войны в первую очередь проявилась в «переосмыслении» истории советского участия, и выразилась в принятии тех версий и оценок, которые высказывались ранее в зарубежной литературе. Общим для них является стремление так или иначе возложить ответственность за трагедию Испанской войны на СССР. Представители данного направления полагают, что СССР сыграл негативную роль в международной политике конца 1930-х гг., в том числе и в испанском вопросе [44].

На наш взгляд, подобная критика в адрес СССР носит слабо аргументированный характер, поскольку в большинстве случаев сводится к списыванию всех смертных грехов международной политики 1930-х гг. на Сталина, Коминтерн и НКВД. Отрицать совсем влияние советских политиков и спецслужб на международную ситуацию того времени не следует, однако абсолютизировать их негативную роль, как и роль любого единичного фактора в истории, несправедливо.

Что касается советско-финляндской войны, то ревизионистская тенденция проявляется прежде всего в констатации связи ее возникновения с «экспансионистским внешнеполитическим курсом» СССР в целях «разжигания мировой революции». Данная точка зрения, таким образом, отвергает мотивировку, связанную с обеспокоенностью советского правительства безопасностью Ленинграда и нежеланием допустить превращение Финляндии в плацдарм для нападения на СССР. Еще один тезис,

характерный для работ ревизионистов, – утверждение о том, что Финляндия, не будь «зимней войны», осталась бы нейтральной в будущем советско-германском конфликте [2; 25; 39; 40].

По мнению автора, ревизионистская тенденция не является определяющей для современной российской литературы, где продолжается серьезное изучение фактологической канвы событий, а оценки носят сбалансированный характер.

В то же время, в современной историографии по обсуждаемой теме складываются различные, во многом спорящие друг с другом, концепции. В связи с этим следует предположить, что вопрос участия СССР и его Вооруженных Сил в войнах и военных конфликтах 1936–1940 гг. получит дальнейшее отражение в работах отечественных специалистов и тогда, возможно, многие «белые пятна» будут заполнены, а споры – разрешены.

В результате проведенных в последние двадцать лет исследований многие аспекты истории участия СССР в войнах и военных конфликтах второй половины 1930-х гг. уже перестали быть «тайной» или «загадкой». Достаточно подробно изучены и описаны боевые действия Красной Армии и Военно-морского флота, ход переговоров между СССР и Японией, СССР и Финляндией, опубликовано большое количество ранее неизвестных документов.

В то же время продолжается дискуссия о целях СССР, причинах появления «терийокского правительства», невыяснены обстоятельства «майнильского инцидента» и т.д. Одним из малоизученных вопросов остается реакция на события войны современного ей советского общества. Наряду с позитивной характеристикой советского военного искусства, обращается внимание и на недостатки, проявившиеся в боях. Правдиво рассматриваются как героические, так и трагические страницы войны. Современная отечественная историография создает своеобразное «объемное» изображение событий.

Другим признаком, характерным для современных научных работ, является широкое привлечение источников с противоположной стороны линии фронта. Появилась возможность объективно рассматривать сильные и слабые стороны противника. Используются более достоверные цифры численного состава, количества боевой техники, потерь и т.д. То, что в современных изданиях более пристально изучается не только советская армия, но и армия противника, без сомнения ведет к всестороннему пониманию и изучению событий рассматриваемых войн и конфликтов.

В целом, оценивая степень изученности в отечественной историографии проблем участия СССР и его Вооруженных сил в войнах и военных

конфликтах 1936–1940 гг., можно сделать вывод, что здесь уже достигнуты весьма существенные результаты. За последние годы в России была создана довольно обширная литература, в научный оборот введено значительное число документов, позволивших вывести их изучение на качественно новый уровень. Характерной особенностью современной ситуации в историографии наличие разных концептуальных подходов. Получила дальнейшее развитие тенденция расширения и углубления исследовательской проблематики. Однако это еще не означает полного раскрытия всего комплекса экономических, военных, социально-политических аспектов изучаемой темы.

Библиографический список

1. Амбарцумов Е.А. Советско-финляндские отношения. М., 1956.
2. Аптекарь П. Советско-финские войны. М., 2004.
3. Барышников В.Н. Безопасность Ленинграда: к вопросу о времени принятия в Москве решения о начале войны против Финляндии // Университетские Петербургские чтения. СПб., 2003. С. 275–285.
4. Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., 2005.
5. Барышников В.Н. От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е гг. СПб., 1997.
6. Барышников В.Н. СССР и Финляндия в 1920–1930-е годы: к проблеме начала «зимней войны» // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг.: Сб. ст. СПб., 2006. С. 11–12.
7. Барышников Н.И., Барышников В.Н. Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940). СПб.–Хельсинки, 2003.
8. Бушуева Т.С. Очаг военной опасности на Дальнем Востоке. Боевые действия в районе реки Халхин-Гол // К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии / Отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. М., 2009. С. 83–117.
9. Война и общество в XX веке. М., 2008. Кн. 2.
10. Горбунов Е.А. Крах планов «Оцу», 10 августа 1938, 20 августа 1939. Владивосток, 1988.
11. Зимняя война 1939–1940. В 2-х кн. М., 1998.
12. Зимонин В.П. Последний очаг Второй мировой. М., 2002.
13. Испания 1918–1972. Исторический очерк / Отв. ред. И.М. Майский. М, 1975.
14. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг. / Под ред. Н.П. Поспелова. М., 1963. Т. 1.
15. История внешней политики СССР. 1917–1985: В 2 т. Т. 1 / Под ред. А.А. Громько, Б.Н. Пономарева. М., 1986.
16. История второй мировой войны 1939–1945 / Гл. ред. комиссия: А.А. Гречко (предс.) и др. М., 1973–1982. Т. 1–3.
17. История дипломатии. М., 1965. Т. 3. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы / Под ред. А.А. Громько и др.

18. История международных отношений и внешней политики СССР: В 3 т. Т. 1. 1917–1945 гг. / Под ред. Н.А. Кириллина. М., 1986.
19. История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974.
20. Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР. 1931–1945. М., 1989.
21. Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962.
22. Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988.
23. Майский И.М. Испанские тетради. М., 1962.
24. Малай В.В. Судьба республики решалась не в Мадриде: из истории англо-советских, дипломатических отношений в канун второй мировой войны. Белгород, 1999.
25. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000.
26. Мещеряков М.Т. Испанская республика и Коминтерн (Национально-революционная война испанского народа и политика Коммунистического Интернационала 1936–1939 гг.). М., 1981.
27. Молодяков В.Э. Битвы империй – Россия и Япония: Меч на весах: Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений 1929–1948 гг.: Историческое исследование. М., 2005.
28. Мясников В.С. Вторая мировая война: трагедия от пролога на Дальнем Востоке до эпилога на Дальнем Востоке // Партитура Второй мировой войны: гроза на Востоке / Авт.-сост. А.А. Кошкин. М., 2010.
29. Неужин В.А. «Если завтра в поход...». М., 2007.
30. Овинников Р.С. За кулисами политики «невмешательства». Испанский вопрос в политике империалистов Англии, Франции и США. М., 1959.
31. Осьмачко С.Г. Красная Армия в локальных войнах и военных конфликтах (1929–1941 гг.): боевой опыт и военная политика. Ярославль, 1999.
32. От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1940 гг.: Сб. ст. СПб., 2006.
33. Петров В.Я. Они пали за Родину (о месте событий в районе озера Хасан в военной истории Отечества) // На границе тучи ходят хмуро... (к 65-летию событий у оз. Хасан) / Под ред. Н.И. Резника. Жуковский; М., 2005.
34. Попов В.И. Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929–1939). М., 1965.
35. Рыбалкин Ю.Е. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000.
36. Сверчевский К.К. Действия 35-й дивизии в Сарагосской наступательной операции республиканцев 1937 г. М., 1940.
37. Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979.
38. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. на море. Ч. 1. Кн. 1–3. Боевые действия Балтийского флота. М.-Л., 1945–1946. Ч. 2. Боевые действия Северного флота. М.-Л., 1946.
39. Советско-финская война 1939–1940 гг.: Хрестоматия / Ред.-сост. А.Е. Тарас. Мн., 1999.
40. Соколов Б.В. Тайны финской войны. М., 2000.
41. Солидарность народов с Испанской республикой. 1936–1939. М., 1972.

42. Субханкулов Р.Ф. Участие СССР в вооруженных конфликтах у озера Хасан и реки Халкин-Гол: историографический аспект // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия «История и политология». 2011. № 1. С. 32–40.
43. Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов / Сост. Н.Л. Волковский. СПб., 2000.
44. Телицын В. «Пиренеи» в огне. Гражданская война в Испании и советские «добровольцы». М., 2003.
45. Федоров В.Г. Финляндия и империалистические державы накануне второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1964. № 6. С. 39–54.
46. Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003.
47. Чубарьян А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г. М., 2008.
48. Широкопад А.Б. Русско-японские войны 1904–1945 гг. Минск, 2003.
49. Шишкин С.Н. Боевые действия Красной Армии у реки Халкин-Гол в 1939 г. М., 1946.
50. Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне: 1929–1941 годы. М., 2004.

Го Мэн

Миграция населения из России в Китай: исторический опыт натурализации и сохранения самобытности (конец XVII – XX веков)

Статья посвящена изучению условий жизни и деятельности русской диаспоры в Китае с конца XVII в. до конца XX веков. Обращается внимание на миграции этой части населения, трудовую деятельность, взаимодействие между пришлым и местным населением. В заключение автор приводит данные о государственной политике Китая в отношении китайских граждан русской национальности.

Ключевые слова: русская диаспора в Китае, русские как нация в Китае, русские эмигранты в Китае, политика национального равенства.

По обе стороны от линии границы протяженностью более 4300 км между двумя странами – Китаем и Россией – проживали русские в нескольких поколениях. Но присутствие в Китае русских как диаспоры насчитывает не более 200 лет. Можно назвать два типа граждан Китая, определяющих свою национальность как русские: первые – чистокровные русские, вторые – метисы, рожденные в браке русского и представителя другой национальности Китая. Среди них основными являются метисы, рожденные в браке русского с ханьцы.

Русские начали переселяться в Китай в период династии Юань (1271–1368). Тогда русские уже проживали в столице государства – Таду (ныне Пекин). В книге по истории династии Юань «元史» об этом есть две записи; китайский иероглиф для обозначения слова «Россия» звучит как «斡罗思». Тем не менее эти русские, переселившиеся в Китай, интегрировались в составе многонациональной Монголии в ханьцы.

Русские, о которых пойдет речь в данной статье, впервые появились в Китае в 1681 г. (20-й год правления императора Канси династии Цин по китайскому счислению). В этом году началась война между Китаем и Россией и произошла Яксатская битва. В этой войне китайская армия в общей сложности захватила 99 пленных из России (за три раза). Большинство из них были отправлены в Пекин и включены в часть армии под названием «Восемь знамен». Они проживали как раз в том месте, где в наше время находится посольство России в Китае – улица Хуцзяюань в районе Дунчжэ-мэнь. В 1727 г. Китай и Россия подписали Кяхтинский договор, после которого открылся так называемый «чайный путь» – торговый путь из Пекина через Калган, Урги (ныне Улан-Батор) в Иркутск. После этого постоянное русское население появилось в окрестностях Калгана как в месте ведения торговли и в районе Ханькоу, где выращивали и сортировали чай.

В 1858 г. был подписан китайско-русский Айгунский договор. Второй пункт этого договора гласит: «Для взаимной дружбы подданных двух государств дозволяется взаимная торговля проживающим по рекам Уссури, Амуру и Сунгари подданным обоих государств, а начальствующие должны взаимно покровительствовать на обоих берегах торгующим людям двух государств». После этого торговля между странами стала быстро развиваться, особенно по течению рек Хэйлунцзян и Уссури на стороне Китая, очень часто русских торговцев можно было увидеть в городе Хэйхэ в провинции Хэйлунцзян.

В 1882 г. охотник из рода Ороchon рыл могильную яму для матери на правом берегу в верховьях реки Хэйлунцзян (эта часть реки называется Мохэ) и случайно обнаружил большое количество рассыпного золота. После этого для добычи золота на приисках русские массово вошли на территорию Китая на правый берег низовьев реки Аргуни и на правый берег верховьев реки Хэйлунцзян. Это было время самых крупных миграций с юга на север в современной истории Китая, которое называется «Найти себе место в Гуандуне». Многие мужчины из соседних провинций Китая были наняты русскими в качестве наемных рабочих для добычи золота. Затем некоторые из них женились на русских женщинах, и впервые появились китайско-русские метисы. Кроме того, некоторые китайцы перешли границу реки между Китаем и Россией на территорию последней. Другие прибыли во Владивосток из Шаньдуня на лодках по морю. Некоторые из китайцев, пересекших границу России, в дальнейшем также женились на русских, и от их браков также рождались дети-метисы.

В 1897 г. начала строиться Китайско-Восточная железная дорога, проходившая через всю северо-восточную часть территории Китая, а в 1903 г. эта железная дорога была построена по всей линии и введена в

эксплуатацию. После этого русские мигрировали по всей длине железной дороги; особенно много русских оказалось в центре этой международной дороги, на большом железнодорожном узле – в городе Харбине.

В 1917 г. в России вспыхнула Октябрьская революция, и в Китай хлынула волна массовой русской эмиграции не только в города на северо-востоке Китая и в Синьцзянь, где русские были уже давно, но и в другие провинции Китая. Прибрежные города – Шанхай, Тяньцзинь и др. – тоже собрали бесчисленное множество российских беженцев. Большинство русских эмигрантов жили за гранью бедности, поэтому некоторые женщины выходили замуж за китайцев, и результате этих браков рождались метисы китайцев и русских «второй волны». После Октябрьской революции некоторые из русских предыдущих волн эмиграции, проживавших в Синьцзяне, также начали вступать в брак с китайцами. Кроме того, некоторые метисы китайцев и русских, рожденные в России, эмигрировали в Китай вместе со своим отцом-китайцем и матерью-русской.

Советский Союз и Япония в течение Второй мировой войны были воюющими сторонами. В результате того, что Япония оккупировала северо-восток Китая, Советское правительство с недоверием относилось к китайцам, проживающим в Дальневосточном регионе в границах России. В этот период в Китай высылалось огромное количество китайцев, имеющих советское гражданство, вместе с женами и детьми от смешанных браков. Советское правительство насильственно перемещало некоторых из них в районы Центральной Азии, среди них некоторые перешли в Синьцзян через два знаменитых центра эмиграции – Инин и Тачан. Сегодня подавляющее большинство русских, живущих в Синьцзяне, являются потомками этих людей.

В соответствии с соглашением, достигнутым между правительствами Китая и Советского Союза в 1954–1955 гг., российские эмигранты, проживающие в границах Китая, в широком масштабе покинули территорию Китая: вернулись в Советский Союз или иммигрировали в западные страны. С тех пор русские эмигранты, которые оставались в Китае, также один за другим покинули территорию Китая. Вплоть до 1964 г. российских эмигрантов, проживающих в сомоне Правой Аргуни во Внутренней Монголии, оставался только один двор из пяти человек (не считая женщин из российских эмигрантов, вступивших в брак с китайцами). Во время миграционных движений в 1950-е гг. большинство русских, проживающих в Синьцзяне, мигрируют в Австралию. После этого люди с российским происхождением, проживающие в Китае, – уже не чистокровные русские (российские эмигранты), а метисы китайцев и русских.

В 1978 г., после начала реализации в Китае политики внешней открытости, некоторые метисы китайцев и русских, проживающие в Китае, примкнули к родным и близким и эмигрировали в Австралию. А вследствие развития китайско-русской торговли много российских бизнесменов стали длительное время пребывать в Китае, и появились российские эмигранты нового поколения.

Истоки родового названия «русские» в Китае: эволюция от «натурализованной расы» до «русские»

Впервые проблема названия и официального статуса русских, проживающих на территории Китая, появилась в 1924 г. 31 мая 1924 г. между Советским правительством и правительством северного Китая было подписано Рамочное соглашение для решения спорных вопросов между Китаем и Россией, таким образом между правительством Китайской Республики и Советским правительством были восстановлены нормальные дипломатические отношения. После этого русские эмигранты, проживающие в Китае и имеющие российское гражданство, должны были поменять свое первоначальное гражданство на гражданство СССР. 15 августа Советский генеральный консул в Харбине Лакитин выступил с объявлением, в котором призывал российских эмигрантов, желающих получить советское гражданство, отправиться в генеральное консульство СССР в Харбине в течение двух дней для регистрации, иначе они не будут признаны советскими гражданами. Таким образом, некоторые из российских эмигрантов получили советское гражданство, другие, не желающие иметь советское гражданство, стали эмигрантами без гражданства. 20 сентября представитель при правительстве местного самоуправления в трех восточных провинциях Китая и Советский полномочный представитель подписали в Мукдене (ныне Шэньян) Мукденское соглашение с целью осуществления совместного советско-китайского управления Китайско-Восточной железной дорогой.

9 апреля 1925 г. начальник управления Китайско-Восточной железной дорогой Иванов издал приказ № 94 с целью прекращения приема на работу железнодорожников не из числа граждан Китая и СССР. Эмигранты без гражданства для работы на Китайско-Восточной железной дороге были вынуждены получить советское гражданство, в то же время некоторые получили китайское гражданство. Книги «风雨浮萍：俄国侨民在中国 (1917–1945)», написанная Ли Сингэнь и др., и «哈尔滨俄侨史», написанная Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин, не содержат статистических данных о том, сколько русских получили китайское гражданство.

В 1935 г. на Втором съезде народных масс Синьцзяня издано постановление для разделения и названия различных национальностей в Синьцзяне, и было принято соответствующее решение о том, что русские, получившие китайское гражданство, получали название «натурализованная раса».

Слово «民族» (нация) впервые появилось в китайском языке в конце XIX в. После образования Нового Китая с начала 1953 г. в целях достижения политического равенства для каждой из наций китайское правительство стало уделять внимание национальным различиям. Вплоть до 1979 г. определялось в общей сложности 55 национальных меньшинств, а вместе с основной национальностью – ханьцы – в Китае насчитывалось 56 национальностей, и слово «民族» получило новый смысл на китайском языке.

В 1953 г. во время проведения первой переписи населения на территории всей страны самоназваний национальностей достигло более 400 видов. На тот момент определено 38 родовых самоназваний, среди них – «русские».

В книге «中国的民族识别» под редакцией известного ученого Хуан Гуансюе написано, что «официальное название русских в Синьцзяне до образования нового Китая – «натурализованная раса» – было оскорбительным...». В той же книге далее говорится, что «“натурализованной расой” истари являются русские, и называть их следует именно русскими». Народное правительство восстановило их первоначальные имена и фамилии для реализации политики национального равенства и ликвидации национальной дискриминации, и национальность была переименована в «русские».

Русские в Китае имеют 200-летнюю историю, и все они являются выходцами из России и Советского Союза. Следует сказать о том, что до этого на территории Китая не было этой нации – русские. До и после лет Шуньчжи в династии Цин (1638–1661) небольшое число российских дипломатов и миссионеров хотя и проживали в пределах Китая, но не образовали национальную колонию, признанную маньчжурским правительством и широкими народными массами.

Родовое название «归化族» (натурализованная нация) было изменено на «俄罗斯族» (русские), и это относилось к русским, имеющим китайское гражданство в Синьцзяне. Понятие «русские» появилось в качестве обозначения одного из национальных меньшинств Китая в 1953 г., и распространялось только на Синьцзян, в других провинциях Китая такого понятия не было. Во время проведения второй переписи населения в 1964 г. русские были признаны как этнос, но количество людей было очень ограничено. В сомоне Правой Аргуни Внутренней Монголии в 1966 г. было трое русских. Впоследствии один из этих трех человек погиб, так что во

время проведения третьей переписи населения в 1982 г. в этом сомоне было всего только двое русских. Во время проведения четвертой переписи населения в 1990 г. число русских в этом сомоне увеличилось с 2 до 2063 человек. В результате естественного воспроизводства всего только за восемь лет число русских не могло так кардинально увеличиться.

Сомон Правой Аргуни Внутренней Монголии является самым многочисленным районом по количеству русских в Китае. По статистике, с начала образования нового Китая в сомоне Правый Аргуни Внутренней Монголии население состоит всего из 2470 дворов и 12350 человек. Среди них советские эмигранты составляют 1613 дворов и 9491 человек, эмигранты без гражданства – 212 дворов и 308 человек. Советские эмигранты и эмигранты без гражданства в общей сложности составляют 1825 дворов и 9799 лиц, т.е. почти 74% от общего числа дворов и более 79% от общего количества населения. Китайцы составляют 645 дворов и 2551 человек, т.е. около 26% от общего числа дворов и 21% от общего количества населения. Китайцы составляют меньше, чем четверть населения, иностранцы и метисы составляют большинство, причем среди метисов подавляющее большинство – метисы китайцев и русских. Однако во время миграционного движения русского населения с начала 1954 г. большинство русских эмигрантов, проживавших в сомоне Правой Аргуни, покинули Китай. Некоторые из них уехали в начале 1954 г., а в период с апреля по июнь 1955 г. 1171 двор и 6553 человек из числа советских эмигрантов покинули Китай. К 1959 г. уже 1363 двора и 8171 человек покинули Китай. К 1964 г. в сомоне Правой Аргуни русских эмигрантов осталось только один двор – пять человек (не считая русских женщин, которые вступали в брак с китайцами или метисами китайцев и русских). После 1956 г. контингент населения, имеющего русские корни, проживавшего в сомоне Правой Аргуни, изменился: на смену чистокровным русским эмигрантам пришли метисы китайцев и русских, имеющие китайское гражданство.

Перед тем, как была проведена третья перепись населения в 1982 г., руководящая группа переписи населения – Госсовет, Министерство общественной безопасности и Государственный комитет по делам национальностей – совместно издали 28 ноября 1981 г. «Оповещение о принципе решения для восстановления или исправления национального состава» («关于恢复或改正民族成分的处理原则的通知») в целях обеспечения равноправия национальных меньшинств, уважения к свободе своих граждан в выражении своей этнической принадлежности и лучшего завершения работы по заполнению и представлению сводки этнического состава. В этом документе говорится: «каждое национальное меньшинство имеет право выразить желание назвать само свой этнический состав, а также

просьбы о восстановлении названия этнического состава должны быть удовлетворены». Для того, чтобы провести эту работу, по соглашению с Министерством общественной безопасности Государственный комитет по делам национальностей еще раз издал 8 февраля 1982 г. «Дополнительное оповещение о принципе решения для восстановления или исправления национального состава» («关于恢复或改正民族成分问题的补充通知»). До проведения четвертой переписи населения в 1990 г. многие изменили свою национальность с ханьцы на русские. К четвертой переписи русское население в области автономного района Внутренняя Монголия увеличилось с 53 человек в 1982 г. до 4388 человек в 1990 г.; в провинции Хэйлунцзян – с 79 человек в 1982 г. до 322 человек в 1990 г. Метисы китайцев и русских в северо-восточном районе Китая продолжали менять название национальности с ханьцы на русские до кануна четвертой переписи населения по всей стране в 1990 г.

В 1989 г. Государственный комитет по делам национальностей, руководящая группа четвертой переписи населения Госсовет и Министерство общественной безопасности совместно издали «Оповещение о работе для перерыва изменения национального состава» («关于暂停更改民族成分工作的通知») и решили приостановить работу по изменению этнического состава. 10 мая 1990 г. Государственный комитет по делам национальностей, руководящая группа четвертой переписи населения Госсовет и Министерство общественной безопасности еще раз совместно издали закон № 217, в котором были даны конкретные положения для «определения этнического состава граждан Китая». Среди них абзацем 3 статьи 8 определено: если один из родителей является китайцем и ребенок зарегистрирован как китаец, то национальность следует регистрировать как «китаец» и отказывать в просьбе изменить национальность. Эта статья относится к метисам китайцев и русских, и послужила важным аргументом для остановки смены национальности с ханьцы (汉族) на русские (俄罗斯族).

Библиографический список

1. 李兴耕 编著 《风雨浮萍：俄国侨民在中国(1917–1945)》 中央编译出版社 1997–2.
2. 李羨林 主編 《中国少数民族古籍集成》 (漢文版) 四川民族出版社 2002.
3. 刘秉章 著 《中国的俄罗斯族》 (四川统一战线) 2007年第三期.
4. 唐戈 著 《中国俄罗斯族的由来》 (西伯利亚研究) 2009年第六期.
5. 新疆文史资料选辑：第三辑[Z]. 乌鲁木齐：新疆人民出版社，1979.
6. 国家统计局：《2000年第五次人口普查数据》.

М.В. Стрелец

Политический портрет Маттиаса Эрцбергера

Рассматриваются ключевые аспекты политического профилирования видного германского государственного деятеля Маттиаса Эрцбергера в интерьере реальных кайзеровского рейха и первой германской республики.

Ключевые слова: Веймарская Германия, кайзеровский рейх, налоговая реформа 1919–1920 гг. в Германии, партия Центра, Маттиас Эрцбергер.

Жизненный путь Маттиаса Эрцбергера начался 20 сентября 1875 г. в Буттенхаузене, который расположен недалеко от Мюнзингена. Отец будущего государственного деятеля, Йозеф Эрцбергер, работал портным, почтальоном. Он, как и его супруга Катерина (в девичестве Флад), принадлежал к католической конфессии. Еврей по происхождению, Маттиас Эрцбергер сразу же был крещен по католическому обряду. Судя по биографии, Эрцбергер занимал уникальное место среди еврейского сегмента правящей политической элиты Веймарской Германии.

Во-первых, он был в этом сегменте единственным политиком, не имевшим высшего образования. Образовательный отрезок биографии Эрцбергера включал школу в Бихисхаузене, учительские курсы в Зауглау, несколько месяцев постижения наук в университете Фрейбурга. Конечно, главным источником образования для будущего государственного деятеля явилось самообразование. Лекции по государственному праву, политической экономии, которые он прослушал в университете, занимали незначительное место в том гигантском массиве политических, правовых и экономических знаний, которыми он овладел [6, с. 7].

Во-вторых, Эрцбергер являлся единственным евреем из правящей политической элиты Веймарской Германии, чья биография некоторое время была отмечена принадлежностью к корпусу школьных учителей.

В 1894–1896 гг. он преподавал в народных школах Марбаха, Гёппингена и Штутгарта.

В-третьих, в еврейском сегменте правящей политической элиты Веймарской Германии он, несомненно, выделялся тем, что всю свою сознательную жизнь убедительно позиционировал себя как субъект политических процессов, ориентировавшийся на моноконфессиональную партию, объединявшую исключительно католиков. Эрцбергер делает первую серьезную заявку в данном направлении в 1896 г., когда пере-

езжает из Фрайбурга в Штутгарт, и бывший студент университета во Фрайбурге становится редактором газеты «Deutsches Volksblatt» (Дойчес фольксблатт). Газета занимала важное место в католической печати. В том же году делается еще одна подобная заявка: обозначается присутствие в католических рабочих объединениях и проявляются первые признаки активности в партии Центра [5, с. 12].

В-четвертых, Эрцбергер был единственным из указанного сегмента, кто стоял у истоков христианских профсоюзов в Германии. В том, что с 1899 г. начался отсчет их истории, есть и его серьезная заслуга.

В-пятых, есть основания говорить о специфике в парламентском интерьере. В 28 лет этот незаурядный человек впервые пополнил депутатский корпус высшего законодательного органа империи. В это время, т.е. в 1903 г., все остальные депутаты рейхстага были старше Эрцбергера. Заметим, что и в кайзеровской Германии, и в первой германской республике не встречаются евреи моложе 28 лет, которые достигали бы такой ступеньки в своей политической карьере. Молодому политику оказали доверие избиратели округа Вюртемберг 16 (Биберах, Лойтkirх, Вальдзее, Ванзен). Парламентская деятельность Эрцбергера свидетельствовала о том, что они не ошиблись в своем выборе.

Эрцбергер представлял в рейхстаге новый тип профессионального политика. Его крестным политическим отцом был депутат рейхстага Рихард Мюллер. Депутат Эрцбергер постигал у него университеты политической мудрости [6, с. 45].

Можно однозначно утверждать, что он выступал за совмещение христианской морали и политики. Так было, например, в связи с реакцией на колониальный скандал 1905 г. Эрцбергер установил чудовищный факт: сотрудник германской колониальной администрации в Того Георг Шмидт изнасиловал тогда нескольких несовершеннолетних африканок. Реакция Эрцбергера была глубоко возмутительной. Он рассматривал этот факт в контексте недопустимой жестокости германских оккупационных властей в Юго-Западной Африке. В этой жестокости Эрцбергер видел одну из ключевых причин восстания и партизанской войны со стороны гереро и готтентотов в 1904–1907 гг. Чтобы получить решающий военный аргумент против последних, канцлеру Бюлову понадобились дополнительные военные ассигнования. Эрцбергер выступил инициатором отрицательной позиции фракции своей партии и нашел поддержку среди коллег по фракции. Единомышленниками Эрцбергера в этом вопросе выступили социал-демократические депутаты рейхстага, что привело к провалу намерения Бюлова. Канцлер решил отомстить своим оппонентам, и реальностью стали досрочные парламентские выборы

1907 г. В новом составе парламента Эрцбергер сохранил жесткое дистанцирование от политики кабинета Бюлова. При его активном участии в 1909 г. германские консерваторы совместно с партией Центра свалили правительство Бюлова, т.к. не было единства в вопросе о запланированном налоге с наследства, который был введен Эрцбергером как министром финансов лишь в 1919 г. [1].

Конечно, многолетнее яркое профилирование Эрцбергера в парламентском интерьере не могло не натолкнуть власть имущих на мысль об использовании его делового потенциала. В начале 1910-х гг. у них была острая потребность в пропаганде рейха за его пределами. Кандидатура видного публичного политика представлялась идеальной. По этому вопросу было достигнуто обоюдное согласие. На долю Эрцбергера выпало большое проблемное поле. Нет, например, нужды объяснять, что Германия хотела иметь как можно меньше противников в мире, который приближался к войне, к той самой войне 1914–1918 гг., которая стала тяжелейшим испытанием для соотечественников посла по особым поручением Маттиаса Эрцбергера. Последний предпринимал неоднократные визиты в европейские столицы. По этому вопросу он находился в постоянном контакте и с имперским министерством иностранных дел, и с имперским правительством. Для Берлина было стратегически важно, прежде всего, полностью исключить возможность союзнических отношений Рима и Бухареста с Антантой. Однако посещение послом по особым поручениям соответствующих столиц не принесло положительных результатов [6, с. 11].

И в период войны 1914–1918 гг. этот политик не забывал о морали. Он навсегда остался в памяти армян, ассирийцев и греков германцем, сохранившим лицо. Известно, что союзники германцев в войне – турки – устроили геноцид в отношении армян, ассирийцев, жестоко преследовали греков. Отважились поднять голос в их защиту только два германских парламентария: Маттиас Эрцбергер и Карл Либкнехт, входивший во фракцию СДПГ/НСДПГ в рейхстаге. Эти два человека считали, что Берлин должен был отреагировать, исходя из принципов гуманизма, и довести именно такую реакцию до турецкой стороны. Первый из них излагал свой взгляд на происходившее в очных встречах младотуркам. Местом таких неоднократных встреч был Константинополь.

Нравственное измерение политики бралось видным публичным политиком в расчет и в его стремлении к тому, чтобы Германия вышла из войны. Это стремление наиболее отчетливо стало проследиваться с первой половины 1917 г. Сначала он выступал за «победный мир», позднее посчитал целесообразным «мир по соглашению». 6 июля 1917 г. он требовал в ходе дебатов в рейхстаге, чтобы Германия отказалась от аннек-

сий. 19 июля 1917 г. большинство депутатов рейхстага поддержало сформулированную им в этом смысле мирную резолюцию [6, с. 19].

Конечно, была своя логика в том, что именно с Маттиасом Эрцбергером связана финальная точка в ведении Антантой и Центральными державами боевых действий. На него сделал ставку в этом плане последний глава высшего органа исполнительной власти кайзеровской Германии Максимилиан Баденский. Баденский прекрасно понимал, что у переживавшей системный кризис страны не могло быть альтернативы заключению перемирия. Октябрь 1918 г. был отмечен появлением в составе имперского правительства статс-секретаря без портфеля, который был всецело сконцентрирован на руководстве соответствующей комиссией. Имя статс-секретаря без портфеля было предсказуемо. Заключительной частью процесса достижения перемирия явилась поездка германской делегации в Компьенский лес. 11 ноября 1918 г. все четыре члена делегации засвидетельствуют там своими автографами факт его достижения. В делегации было три этнических немца и один этнический еврей. Этнический еврей согласно табели о рангах должен был это делать первым. История распорядится так, что германские реваншисты всех мастей забудут о втором, третьем, четвертом подписантах, но никак не о первом.

Статс-секретарь без портфеля в последнем правительстве кайзеровского рейха смог себя еще в большей степени реализовать в первой германской республике, в становлении которой он участвовал, входя с января 1919 года в Веймарское национальное собрание. В первом правительственном кабинете этой республики он занял более высокую должность – министра без портфеля. Министр без портфеля был сконцентрирован на блоке вопросов, который логически продолжал тот участок работы, который имелся у него в бытность нахождения на должности статс-секретаря без портфеля. По логике вещей, после заключения перемирия надо было контролировать прекращение огня. Именно этим и занимался Матиас Эрцбергер. Он также понимал необходимость заключения мирного договора, который бы подвел черту под участием Германии в Первой мировой войне. Было у него, конечно, и понимание того, что Версальский договор невыгоден Германии. С другой стороны, министр без портфеля был уверен, что альтернативы его подписанию не было. Такая уверенность диссонировала с настроениями таких членов кабинета Шейдемана, как рейхсминистр иностранных дел граф Ульрих фон Брокдорф-Ранцау. Кстати, именно разногласия на предмет подписания указанного договора предопределили отставку данного кабинета [5, с. 28].

Будучи сторонником политики исполнения Версальского договора, Эрцбергер, конечно, раздражал многих соотечественников. Понимая это,

он все же не уходил из политики. Более того, с 21 июня по 2 октября 1919 г. этот государственный деятель был вице-канцлером в правительстве Густава Бауэра. С 21 июня 1919 г. до 12 марта 1920 г. он был рейхсминистром финансов в этом правительстве.

Считается, что «Эрцбергер сформировал новую систему налогового управления и своими реформами заложил основы современной налоговой системы Германии» [3]. Поэтому есть смысл подробно остановиться на деятельности данного политика на посту рейхсминистра финансов.

Он прекрасно понимал, что находившийся в состоянии коллапса германский народнохозяйственный комплекс можно реанимировать на принципиально новой ресурсной базе, ключевым сегментом которой являлись финансовые ресурсы. Известно, что последние формируются из разных источников. Для тогдашней Германии базисным финансовым ресурсом являлись поступления в виде налогов и пошлин. Для того, чтобы гарантировать в долгосрочной перспективе соответствующие поступления, объем которых коррелировался бы с национальными интересами первой германской республики, рейхсминистру надо было, прежде всего, ответить на следующие вопросы: 1) сложилась ли в рейхе единая налоговая система? 2) есть ли расстыковка в управлении налогами, которые касаются как рейха, так и входящих в него административно-территориальных единиц (земель, общин)? На первый вопрос мог быть дан только отрицательный ответ, на второй – только утвердительный. Естественно, необходимо было безотлагательно исправить существовавшее положение.

Конечно, Эрцбергеру пришлось брать в расчет все возможные объекты взимания пошлин, налогообложения и, естественно, оптимально определять, кто должен быть субъектом соответствующего взимания и обложения. При этом не раз и не два решались уравнения со многими неизвестными. Ряд административно-территориальных единиц желали постоянно видеть себя в качестве именно таких субъектов, болезненно воспринимая подобную субъектность со стороны рейха. Самым трудным испытанием для рейхсминистра явилось утверждение субъектно-объектных отношений по линии: имперское управление пошлинами – предметы потребления. Южный сегмент германской политической элиты земельного уровня, а также власть имущие в ганзейских городах-государствах считали приемлемыми указанные отношения только по линии: земельное управление пошлинами – предметы потребления. Линия, отстаиваемая оппонентами рейхсминистра финансов, вписывалась в конституцию Германской империи 1871 г., четко и ясно отражалась в статье 36, абзаце 1 настоящего Основного закона. Эрцбергер умело использовал то обстоя-

тельство, что его видение управления пошлинами совпадала с позицией ключевой составляющей первой германской республики – Пруссии. Самыми сильными аргументами рейхсминистра в споре с оппонентами были аргументы исторического характера. Оппоненты не могли не согласиться с тем, что германский пошлинный союз был удачным экспериментом. Точка в данном споре была поставлена Национальным собранием, которое придало позиции Эрцбергера статус закона [4, с. 38].

Задумывая широкомасштабную общегерманскую финансовую реформу, рейхсминистр систематически доводил свой проект до сведения всех значимых игроков на германской политической сцене. Фактически предусматривалась реализация модели материального финансового сообщества в первой германской республике. Базисом для функционирования данного сообщества представлялась общеимперская политика. Именно от этой политики должно было отталкиваться управление пошлинами, налогами. Именно благодаря данной политике гарантированно снимался вопрос о требуемых для всей Германии в целом ресурсах финансового характера. Несомненно, что из всех субъектов материального финансового сообщества главная роль в управлении пошлинами, налогами отводилась рейху. Политик не забывал, естественно, о соблюдении баланса интересов между всеми субъектами данного сообщества и, конечно, учитывал интересы земель, общин. Принципиально важно отметить, что первыми, кто услышал из уст рейхсминистра о планируемой реформе, были представители высших органов исполнительной власти германских земель. Это произошло во время его встречи с этими лицами 13 июля 1919 г.

Эрцбергеру было хорошо известно, что финансовые средства, которыми пополнялась общегерманская казна за счет налогообложения, составляли лишь 20% от реальной потребности. Рейхсминистр был глубоко уверен, что если единый общегерманский подоходный налог станет реальностью, данная потребность будет удовлетворена на 100%. В процессе подготовки реформы необходимо было отвечать на такой вопрос: «Каким быть общегерманскому управлению финансами: централизованным или децентрализованным?». В этой связи член кабинета министров выступил за разумное сочетание централизации и децентрализации с достижением для последней максимума, диктуемого рациональной логикой. Иными словами, если рациональная логика диктовала необходимость усиления децентрализации, то Эрцбергер был не против [6, с. 55].

Трезвый подход видного деятеля партии Центра к соотношению централизации и децентрализации в данном вопросе был сильным ходом в ожидании реакции со стороны такого предполагаемого субъекта мате-

риального финансового сообщества, как земли. Если их градировать по ответу на вопрос: «Имперское финансовое управление: за или против?», то получалась следующая картина. В лагерь принципиальных противников Эрцбергера входили Бавария, Вюртемберг, Ольденбург, Саксония, в лагерь принципиальных сторонников – Баден, Бремен, Мекленбург. В рамках настоящей градации в третьем лагере оказались Пруссия, Гамбург. Позиция субъектов третьего лагеря, несомненно, была ближе к первому лагерю, чем ко второму. Эти субъекты требовали от рейхсминистра финансов внесения в проект реформы изменений, которые никак не отнесешь к кардинальным. Причины такой градации следует искать в региональных особенностях функционирования механизмов управления налогами, пошлинами. В плане наличия весьма устойчивой, permanently дееспособной институциональной базы для осуществления соответствующей функции явными лидерами были Бавария, Вюртемберг. В отличие от них в Пруссии самостоятельная институциональная база в подобной сфере отсутствовала, т.е. в структуре высшей исполнительной власти данной земли не было самостоятельного органа налоговой службы. В ключевой составляющей рейха речь шла о специальном отделе при конкретных правительственных подразделениях.

Рейхсминистр финансов поставил точку в собственном проектировании закона о едином имперском финансовом управлении 19 июля 1919 г. Через 24 дня та часть германской политической элиты, от которой зависела судьба соответствующего проекта, слушала его глубоко аргументированное выступление по данному вопросу. Видному политику пришлось проявить и несомненные дипломатические способности. Именно они помогли ему склонить на свою сторону южный сегмент германской политической элиты. Весомая часть этого сегмента выступила одной из сторон «Веймарского соглашения». Другой стороной настоящего соглашения явился сам рейхсминистр. «Веймарское соглашение» давало ответ на следующие принципиально важные вопросы: 1) каков должен быть предмет ведения земельных министерств финансов? 2) что следует конкретно понимать под округами, местами деятельности этих ведомств? 3) можно ли считать министра финансов конкретной земли высшей инстанцией для субъектов земельной финансовой службы? Четкие и ясные ответы на два первых вопроса, однозначно положительный ответ на третий вопрос предопределили превращение вчерашних оппонентов в сторонники. Самым примечательным для Эрцбергера был позитивный сигнал со стороны активно набравшего политический вес Йозефа Вирта. Этот традиционный баденский лоббист стал позиционировать себя сторонником рейхсминистра финансов без всяких «но» и «если». Эрцбергер и представите-

ли земель нашли разумный компромисс по следующему вопросу. Нет, конечно, нужды доказывать азбучную истину: планируемый имперский подоходный налог – источник доходов. Участникам дискуссий гораздо труднее было определиться с вкладом субъектов материального финансового сообщества в эти доходы. Теоретически напрашивались три варианта ответа: первый вариант – монопольный вклад рейха, второй вариант – паритетный вклад рейха и земель; третий вариант – основной вклад рейха при минимальном вкладе со стороны земель. Первый вариант был неприемлем для земель, второй – для рейха, только третий вариант представлял собой базу для компромисса, что в конечном итоге и сработало. Принципиально важно отметить, что в авангарде выступивших против первого варианта была Пруссия. Через 74 дня после обнародования окончательного проекта закона о едином имперском финансовом управлении соответствующий закон стал реально работать на общегерманском пространстве, что, несомненно, явилось личной победой Эрцбергера [4, с. 99].

В связи с данной реформой вполне резонной представляется постановка следующего вопроса: «К какому лагерю принадлежал Эрцбергер: федералистскому или унитаристскому?» Содержание проведенной реформы свидетельствовало в пользу последнего, но никак не первого. Политиком двигало глубокое понимание того, что не может быть альтернативы жесткому акценту на наращивание общегерманских правовых основ. Альтернативный путь привел бы к крайне опасным центробежным тенденциям, сохранению тупика в финансовой сфере, консервации экономического коллапса, исключил бы реальную возможность выполнения государством социальной функции.

Имперский министр финансов был генератором идей на предмет формирования нормативно-правового комплекса, всесторонне регулировавшего налогообложение ключевых административно-территориальных единиц – земель. Итоговая точка в соответствующих усилиях видного деятеля партии Центра была поставлена 11 марта 1920 г. Наиболее чувствительным для соотечественников моментом в указанном комплексе были принципиально новые тарифы, которые стали появляться к концу третьего квартала 1919 г. Новизна последних заключалась в очевидном росте количественных параметров, который не мог не вызывать цепную реакцию. В условиях экономического коллапса такой рост был связан для его инициатора с хождением по лезвию. Серьезные испытания выпали на долю последнего, когда подобные шаги коснулись товарооборота. Среднестатистический бюргер покупал, например, и без того дорогие продовольственные товары. Именно этот бюргер с момента объявления о грядущем повышении соответствующих тарифов не мог не считать

Эрцбергера «врагом косвенного налогообложения народа». Конечно, тот же бюргер, не принимая никаких иных шагов исполнительной власти, кроме популистских, никак не хотел понимать, что других путей достижения позитивных изменений в национальном бюджете первой германской республики просто не существует. В непростое положение поставила видного деятеля партии Центра солидарность с этим бюргером главы имперского правительства и члена кабинета Бауэра, всецело сконцентрированного на вопросах снабжения. И все-таки Эрцбергер долго стоял на своем, упорно добиваясь принятия соответствующего нормативно-правового акта.

Конечно, товар товару рознь. Есть товары неэксклюзивные и эксклюзивные. Последние связаны, прежде всего, с покупательной способностью состоятельных бюргеров. Естественно, у рейхсминистра оставался только один резерв, связанный с эксклюзивными товарами. Налоги на эти товары имели место еще до назначения Эрцбергера рейхсминистром финансов. Политик счел целесообразным расширить данные налоги. Такой подход свидетельствовал о наличии в концепции рейхсминистра следующей установки: градация по объему доходов детерминирует градацию объектов налогообложения. Все население градировалось на «имущие классы» и «неимущие классы». Первые в отличие от вторых были, образно говоря, с «работоспособными плечами». Именно благодаря первым предусматривалось наполнение реальным содержанием базисного сегмента налогообложения. В концепции видного деятеля партии Центра были детально продуманы механизмы как прямого, так и косвенного налогообложения. Если все налогообложение приносило общие доходы, которые можно принять за 100%, то касательно первого и второго видов налогообложения виделось соотношение 60% на 40%. Проявляя политическое мужество, видный деятель партии Центра решил учредить особые обязанности верхней части «имущих классов», гарантированно сделав их субъектом уплаты «имперской жертвы». Для рейхсминистра это было вопросом его политическое судьбы. Он был не из тех, кто соглашался на карьерный рост без всяких «но» и «если». Давно выдавив из себя раба, Эрцбергер в ответ на предложение Густава Бауэра войти в его кабинет поставил вопрос ребром: или формируемое правительство будет инициировать уплату «имперской жертвы», или в нем будет иной рейхсминистр финансов. В очередной раз обращаясь к нравственному измерению политики, он называл конкретно тот слой бюргеров, который сильно нажился за счет военных доходов. Кроме того, размер «имперской жертвы» был настолько значительным, что ее уплата вела к очевидному уменьшению имуществен-

ной дистанции между верхней частью «имущих классов» и остальным обществом [5, с. 111].

Рейхсминистр постоянно дифференцировано подходил к налогам, считая приоритетным налог на доход. Политику представлялось крайне неудовлетворительным то обстоятельство, что подобный налог не являлся единым общегерманским. Рейх недополучал существенную часть необходимых финансовых ресурсов из-за того, что такие нормативно-правовые акты (целых 26!) были приняты земельными парламентами со всеми вытекающими из этого последствиями. Эрцбергер также понимал, что реалии настоятельно требовали корректировки закона о налогах на доходы с капитала, что необходимо принципиально новое правовое регулирование налога на корпорации. Следуя своей принципиальной политической установке, этот политический деятель видел в высоких доходах потенциальный объект налогообложения, что отражалось в проектах соответствующих законодательных изменений. Обосновывая подобные изменения, Эрцбергер как сторонник единства политики и морали поставил, в частности, острый вопрос о наличии достаточных и запредельных потребностей и, естественно, о налогообложении, связанном с реализацией именно запредельных потребностей. В ответ на постановку подобного вопроса образовался лагерь принципиально не согласных с рейхсминистром, в который вошли субъекты реализации указанных потребностей, лоббисты их интересов в рейхсминистерском корпусе, в институтах гражданского общества, делегировавших своих представителей в кабинет Густава Бауэра.

Главным итогом анализируемых усилий видного политика явилось появление законов, образовавших принципиально новый сегмент в правовом поле. В период реформы были приняты такие законы, которые основательно затронули интересы владельцев имущества, собственников. Так, закон о чрезвычайных военных займах за отчетный 1919 г. предписывал налоги от 10 до 70% с дополнительных доходов, учитывая, что 1919 г. уже являлся мирным годом. Закон от 10 сентября 1919 г. о военных кредитах облагал рост имущества налогами от 10 до 100%. Закон об имперской жертве от 31 декабря 1919 г. начинался предложением: «п. 1. Чрезвычайные нужды рейха требуют жертв через введение налога на имущество от 10 до 65%». Кроме того, *закон о налогах на приобретенную землю, закон от 24.12.1919 г. о налогах на товарооборот, о порядке взимания имперского налога, который и составил ядро финансовой реформы Эрцбергера, сделали рейх сувереном в отношении налогов.* При Эрцбергере были приняты закон о налогах с процентов на капитал, закон о налогах с доходов от 29 марта 1920 г., закон о налогах с земли от 30 марта 1920 г.

По мнению современного отечественного исследователя О.Г. Субботина, «покоившаяся на нормах веймарского конституционного права финансовая и налоговая реформы создали единую финансовую систему, которая дала центру беспорное преимущество над землями, позволила ему сосредоточить все источники прямых налогов и привести объемы налоговых поступлений в соответствии с потребностями и интересами всего государства. Она не уничтожила государственности немецких земель, однако стала важным инструментом социально-экономического и политического влияния центра в стране, явилась серьезным ударом по самостоятельности немецких регионов, лишившихся важного рычага влияния на государственную политику и превратившихся фактически в пансионеров рейха» [2, с. 200].

«Проводимая Эрцбергером политика централизации налоговых сборов и рост налогов с крупного капитала в целях оздоровления финансовой системы страны сделала его мишенью для *правой* пропаганды. В частности, Эрцбергер неоднократно подвергался нападкам со стороны лидера Немецкой национальной народной партии Карла Гельфериха и был вынужден подать на него в суд за оскорбления в свой адрес в одной из изданных Гельферихом брошюр. Суд приговорил Гельфериха к незначительному денежному штрафу и частично согласился с изложением Гельфериха. Этот приговор считается известным примером политической юстиции в Веймарской республике, когда судьи часто были “слепы на правый глаз”. Приговор суда послужил поводом для ухода Эрцбергера в отставку в тот же день» [3].

От правых сил исходило не только желание морально уничтожить видного политика. Систематическое навешивание глубоко оскорбительных ярлыков было прологом к физическому уничтожению. Разумеется, последнее могло быть уделом крайнего сегмента указанной части политического спектра. К этому сегменту относились, например, организация «Консул», фрайкор Оберланд, Орден германцев. Именно данные структуры представляли будущие убийцы экс-вице-канцлера. Кстати, таковым мог стать и находившийся в состоянии националистического угара фенрих с приставкой «экс». Речь идет о Ольтвиге фон Гиршфельде. 26 января 1920 г. прозвучал его выстрел в подписанта Компьенского перемирия и сторонника исполнения Версальского договора. Эрцбергер не был тогда лишен жизни. Однако и легкое ранение, и мягкое наказание преступнику наводили опытного политика на мрачные прогнозы. Эрцбергер был уверен, что обязательно будет вторая попытка покушения, что и произошло через год и семь месяцев после первой попытки. Между этими попытками прослеживалась разница не только во времени.

Во-первых, если первая попытка предпринималась у здания одного из берлинских судов против действующего рейхсминистра, то вторая попытка, совершенная в Бад-Грисбахе в Шварцвальде, имела своим объектом человека, не входившего во властные структуры.

Во-вторых, стреляли двое: Генрих Тиллессен и Генрих Шульц.

В-третьих, и это главное, в результате выстрелов политик был лишен жизни.

В связи с убийством Эрцбергера закономерно возникает вечный вопрос, впервые поставленный одним из классиков русской литературы: «А судьи кто?» Сначала Тиллессена амнистируют нацисты (1933 г.), затем это сделают демократы (1946 г.). В 1947 г. демократы дезавуируют самих себя, решив посадить преступника на пятнадцать лет. Через три года предстанет перед судом Генрих Шульц. И здесь все заканчивается схожим решением, с той лишь разницей, что речь шла о двенадцатилетнем сроке. Однако никто из убийц видного политика столько не сидел в тюрьме. 1952 г. был отмечен в биографии и первого, и второго выходом на свободу [6, с. 231]. Лица, принявшие подобное решение, бросили вызов морали, совести, праву.

Библиографический список

1. «Готтентотский блок» и выборы в германский рейхстаг // Сайт «Академия». URL : dic.academic.ru/dic.nsf/sie/4678/ (дата обращения: 16.04. 2012).
2. Евдокимова Т.В. Трансформация правящей политической элиты Веймарской Германии (на примере рейхсканцлеров и состава их кабинетов): Дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2012.
3. Эрцбергер Маттиас // Википедия. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Эрцбергер,_Маттиас (дата обращения: 16.04.2012).
4. Epstein K. Matthias Erzberger und das Dilemma der deutschen Demokratie. Frankfurt a. M., Berlin, 1962.
5. Eschenburg T. Matthias Erzberger. Der große Mann des Parlamentarismus und der Finanzreform. München, 1973.
6. Ruge W. Matthias Erzberger: Eine politische Biographie. Berlin, 1976.

К.Н. Локшина

Местное самоуправление в г. Рязани: особенности формирования, современные тенденции и перспективы развития

Автор проводит исторический обзор становления местного самоуправления в Рязани, особое внимание обращено на процессы, происходившие в 1990-х – начале 2000-х гг. Также в статье подробно рассматриваются структура и полномочия органов местного самоуправления в Рязани. Именно от организации системы органов местного самоуправления непосредственно зависит эффективность функционирования местных органов власти. Автор считает, что самостоятельное определение структуры органов местного самоуправления населением как единственным источником власти является одной из концептуальных составляющих института местного самоуправления в России.

Ключевые слова: современная история местного самоуправления в Рязани, муниципальная реформа, городское управление, структура органов местного самоуправления.

Местное самоуправление в современной России находится пока еще в переходном состоянии. За последние 15 лет трижды предпринимались масштабные реформы этого института, но все они остаются незавершенными, что снижает эффективность местной власти и порождает недоверие к ней граждан.

В Рязанской области сложилась территориальная модель организации местного самоуправления, и в настоящее время территории области существует 29 муниципальных образований: 4 городских муниципальных образования (города Касимов, Рязань, Сасово, Скопин), 25 районных муниципальных образований (Ермишинский, Захаровский, Кадомский, Касимовский, Клепиковский, Кораблинский, Милославский,

Михайловский, Новодеревенский, Пителинский, Пронский, Путятинский, Рыбновский, Ряжский, Рязанский, Сапожковский, Сараевский, Сасовский, Скопинский, Спасский, Старожиловский, Ухоловский, Чучковский, Шацкий, Шиловский районы). В процессе муниципальной реформы городские муниципальные образования были наделены статусом городских округов, районные муниципальные образования – статусом муниципальных районов, в составе которых образованы новые городские и сельские поселения [16, с. 24].

Изучая историю развития местного самоуправления в Рязани, прежде всего, следует отметить период с 1964 по 1987 гг., когда городской Совет и, одновременно, исполком Совета возглавляла Надежда Николаевна Чумакова. За годы ее руководства была выполнена широкая программа развития города и превращения его в один из прекраснейших областных центров России. За 20 лет, в связи с ростом промышленности, население Рязани выросло почти вдвое: с 280 до 530 тыс. жителей. Была создана сеть школ и больниц, дошкольных учреждений и магазинов, сооружено несколько мостов и путепроводов, подземных переходов и десятки километров сетей разного назначения: газ, вода, тепло, телефон [9, с. 76–79].

С конца 1980-х гг. развитие местного самоуправления в Рязани происходило в период перемен политического и социально-экономического характера, которые изменили развитие региона в целом. Во многом это было связано с переменами, которые произошли в самой стране. В целом, данный обзорный период характеризовался сложностью и неоднозначность происходивших процессов, повышенной неустойчивостью в сфере власти и управления. Об этом говорит уже тот факт, что в сфере городского управления первый руководитель менялся шесть раз, менялись также заместители, руководители подразделений, главы представительных органов на областном и городском уровнях.

Переходя к анализу становления современного городского управления в г. Рязани, стоит в первую очередь отметить, что значимым этапом политической реформы «перестройки» стали выборы народных депутатов 1989–1990 гг. На территории Рязани и пригородов выборы были альтернативными и избирательная борьба могла принять конкурентный характер. Но накануне выборов оппозиционные кандидаты были отстранены от голосования через механизм окружных избирательных собраний, предусмотренных тогда в законе о выборах. Этот факт вызвал широкий общественный резонанс и недовольство избирателей. Необходимо заметить, что в новой для себя атмосфере конкурентной избирательной борьбы областное руководство не смогло устойчиво контролировать ситуацию политическими средствами [2, с. 44].

Еще более решающими стали выборы народных депутатов Советов всех уровней (народных депутатов РСФСР, областного, городских и районных Советов) в марте 1990 г. Накануне этих выборов положение оппозиционных областным властям сил заметно укрепилось. Почти во всех городских округах обеспечивалась альтернативность. Предвыборная борьба в городе впервые носила характер открытого политического столкновения власти и оппозиционных ей сил. Проходили уличные митинги, шумные многочисленные собрания на предприятиях и в учреждениях. Состоявшиеся 4 и 18 марта 1990 г. (в два тура) выборы дали противоречивые результаты, оказавшие важное влияние на дальнейший ход политического процесса в регионе. Кандидаты, связанные с действующей властью, в основном потерпели поражение. В трех городских округах по выборам народных депутатов РСФСР после двух туров голосования были избраны два оппозиционных кандидата: А.А. Гаврилов и В.В. Рюмин. В результате выборов в органах власти сложилась непростая ситуация. В городском Совете Рязани большинство составляли оппозиционные областному руководству депутаты. С их помощью председателем городского Совета был избран В.В. Рюмин. Новое руководство городского совета сразу стало стремиться к контролю над административным контролем городского управления. В соответствии с принципами происходившей реформы органов власти Советов горсовет имел возможность оказывать директивное влияние на городской исполком, менять его структуру и кадровый состав. В городе предполагалось ликвидировать районное деление, упразднив райсоветы и райисполкомы. Вместо них предполагалось расширить городской совет (за счет части депутатов районных советов), а вместо городского исполкома создать мэрию с делением города на административные округа, управляемые префектами. Полномочия мэрии и мэра по этой схеме значительно расширились, а горсовета – суживались, ограничиваясь вопросами городского законодательства и бюджета [6, с. 11].

Первые президентские выборы в июне 1991 г. привели к конфронтационным процессам и перевороту в стране. В первые же дни после «путча» в Рязани началась активная ликвидация организационных структур КПСС. Под руководством Н.В. Молоткова, В.В. Рюмина и близких к ним депутатов городского и областного Советов осуществлялись преобразования в структурах управления. В начале октября 1991 г. начались преобразования структуры исполнительной власти. В этот же период в Рязани произошли преобразования и структур городского управления. В городском Совете был упразднен президиум, вместо которого был избран малый Совет из 15 человек, председателем которого стал С.В. Вобленко.

В.В. Рюмин становится главой мэрии города, в которую были преобразованы структуры городской исполнительной власти. Оба руководителя начинают уделять большое внимание вопросам реформы органов власти местного самоуправления. С.В. Вобленко с 1993 г. являлся экспертом Совета Федерации, членом Совета Общественной палаты при президенте РФ, где занимался вопросами реформы местного самоуправления. Впоследствии он стал автором проекта «Нооград», в котором предлагалось реорганизация городского управления Рязани по модели французских и японских технокополисов [9, с. 34].

Анализ рассмотренных событий свидетельствует о том, что все предпринятые в этот период преобразования вели к ослаблению институтов представительной власти, и происходило значительное усиление исполнительной власти на областном и городском уровнях.

Вместе с тем, осенью 1993 г. проявились конфликты, которые оказали влияние на дальнейший ход политического процесса. С началом осеннего кризиса областной Совет занял в отношении действий президента конфронтационную позицию. Он осудил указ Президента РФ от 21 сентября 1993 г. (о роспуске Советов) и поддержал действия Верховного Совета РФ. Глава администрации Рязанской области Лев Башмаков только 19 октября принял постановление о прекращении полномочий областного Совета. Городской Совет активного участия в осенних событиях не принимал. Его председатель С.В. Вобленко выступил с предложением о самороспуске, и деятельность горсовета прекратилась ввиду отсутствия кворума. В этот, столь беспокойный в городе период, мэрии в основном удалось обеспечить избрание лояльных Президенту депутатов в Государственную Думу (К. Лайкам) и Совет Федерации (Е. Строев). Результаты выборов и референдума в области вызвали явное недовольство президентской администрации, что обострило конфликт Л.П. Башмакова и В.В. Рюмина. Башмаков попытался ограничить влияние Рюмина в городе. Однако в январе 1994 г. указом Президента, по рекомендации В.В. Рюмина, главой администрацией области был назначен Геннадий Константинович Меркулов, бывший председатель горисполкома Рязани в 1986–1988 гг. [3, с. 98].

После данных событий уже в марте 1994 г. были назначены выборы областной Думы, городской Думы Рязани, референдум по Уставу Рязани, выборы муниципальных комитетов в районах. Порог явки для признания выборов состоявшимися был установлен в 35%. Выборы мэра Рязани были заменены референдумом по Уставу города, который требовал 50% явки. В итоге этого вместо положенных 19 избраны были лишь 12 депутатов областной Думы в сельских районах, из которых 7 были главами

районных администраций. Выборы в областную Думу в городских округах, референдум и выборы представительного органа в городе из-за низкой явки избирателей не состоялись. Таким образом, вместо устойчивой легитимации областной власти произошло формирование слабой, зависимой от администрации и фактически нелегитимной областной Думы (не имела в своем составе положенных по норме 2/3 состава), которая смогла приступить к работе лишь по специальному указу президента [4, с. 28].

В апреле 1994 г. новым мэром Рязани назначается вице-мэр Владимир Марков. Назначение осуществляется по представлению администрации Президента РФ главой администрации области. Важно заметить, что в этот период система органов власти в городе не претерпела принципиальных изменений. Город продолжал управляться исключительно мэрией.

Выборы представительных органов местного самоуправления прошли 7 апреля 1996 г. во всех 29 административно-территориальных образованиях области, которые впоследствии приобрели статус «муниципальных образований». Одновременно с выборами в 25 территориях проводились муниципальные референдумы по основным положениям Уставов муниципальных образований. В ряде районов проходили выборы населением глав муниципальных образований [Там же, с. 29.] Принятые законы и проведенные выборы позволили сформировать в области систему органов местного самоуправления. Они усилили самостоятельность органов власти районного уровня. Укрепилась вся система представительных органов власти в регионе, повышался и самостоятельный статус избранных глав районов. Существенными были и политические итоги выборов. В ряде муниципальных образований они привели к фактической победе оппозиции – из 23% избранных депутатов, заявивших о своей партийной принадлежности, 16% составляли члены КПРФ. Председателем Городского Совета был избран представитель КПРФ Павел Маматов. Качественный состав депутатского корпуса стал отражением протестного состояния населения города, недовольного ухудшающимся экономическим положением [3, с. 97].

Депутаты Городского Совета сразу же приступили к разработке Устава города. Необходимо отметить, что была попытка мэрии провести свой вариант Устава города на референдуме, который проходил так же, как и выборы 7 апреля, но референдум не состоялся из-за низкой явки избирателей. Несмотря на противодействие мэрии и областной администрации, уже в начале июня 1996 г. на заседании городского Совета был принят Устав города, содержащий ряд крайне невыгодных для исполнительной власти статей. Например, ст. 54 Устава резко ограничивала полномочия мэра города, предусматривала его выборы из состава депутатов городско-

го Совета, ставила деятельность мэрии под жесткий контроль депутатов [15]. Борьба вокруг Устава города привела к тому, что в городе оказалось два мэра. В августе 1996 г. мэр города В.К. Марков ушел с занимаемой должности, а исполняющим обязанности мэра был назначен заместитель мэра Ю. Ромашкин. В это же время Городской совет, в соответствии с Уставом города, избрал мэром П.Д. Маматова. Но приступить к работе П.Д. Маматову не дали, ссылаясь на то, что Устав города не зарегистрирован в Управлении юстиции, вследствие чего «уставной» конфликт еще более обострился. Помимо формально-правового, конфликт приобрел и публично-политический аспект. Стороны проводили массовые акции, вели пропагандистскую кампанию в СМИ, инициировали активность общественно-политических организаций, а также известных в городе людей. 8 декабря 1996 г. Маматов одержал победу на первых в истории города выборах мэра Рязани, набрав 45,6% голосов [6, с. 99]. После выборов был изменен не только персональный состав руководства мэрии, но и ее формально-правовой статус. Была ликвидирована и сама мэрия. Вместо нее, согласно Уставу города, создавалась городская администрация, которая в важнейших вопросах (кадровых, финансовых, правовых и т.д.) значительно больше зависела от городского Совета.

Итак, несмотря на имеющуюся напряженность, конфликты политических групп города важной заслугой городского Совета 1-го созыва было принятие основного нормативного документа – Устава города, который регламентировал различные сферы городской жизни, а также произвел разделение двух ветвей власти – представительной и исполнительной, с наделением каждой определенными полномочиями. Положительным является и тот факт, что реформа местного самоуправления началась в регионе с проведения выборов городского представительного органа местного самоуправления в Рязани и референдума по Уставу города

Через четыре года в 2000 г. состоялись выборы в городской Совет 2-го созыва. Было избрано с учетом дополнительных выборов 28 депутатов. Председателями Совета были избраны сначала А.И. Мухин, а затем А.А. Чайка. Этот Совет объявил о приоритетности образования и здравоохранения в деятельности городского самоуправления. Бюджетные ассигнования на эти важнейшие отрасли были доведены сначала до 50%, а затем были превышены.

В 2004 г. был избран городской Совет 3-го созыва. Количество депутатских мест в нем было увеличено до 35 человек. Председателем Совета был избран В.М. Варгин. Количество комитетов было сокращено до четырех. Важным направлением этого Совета было претворение в жизнь Федерального закона № 131, который разделял полномочия властей всех

уровней. Были внесены изменения в большое количество нормативных актов, была принята новая редакция Устава города. Из состава городского Совета был избран глава муниципального образования, которым стал С. В. Сазонов, он возглавил также и городской совет [13, с. 23].

В результате этого этап реформы местного самоуправления, начавшийся в Рязани в 2004–2005 гг., предполагал введение так называемого «двухуровневого местного самоуправления». Создание большого числа муниципалитетов на уровне поселений должно было сделать местное самоуправление более демократичным, близким к гражданам и их нуждам, повысить его эффективность [12, с. 12].

После принятия в 2003 г. Федерального закона № 131 законодательная власть была вынуждена принять большое количество изменений и дополнений в этот закон либо законов, которые требовали изменений в нем. В связи с данным фактом, 30 августа 2006 г. Рязанская областная Дума приняла Закон Рязанской области «О признании утратившими силу законов Рязанской области о местном самоуправлении в Рязанской области» [8]. Существенно был обновлен закон Рязанской области от 29.11.2004 г. № 129-ОЗ «О некоторых вопросах организации местного самоуправления в Рязанской области» [7]. Наконец, решением Рязанского городского Совета от 30 июня 2006 г. № был принят новый Устав муниципального образования – городской округ город Рязань Рязанской области [16, с. 246].

Эти изменения послужили средством перестройки муниципального уровня публичной власти, его обновления и упорядочения, приближения к населению. Их смысл состоял в том, чтобы повысить эффективность деятельности органов местного самоуправления в решении вопросов местного значения и осуществлении отдельных государственных полномочий, привести нормативную модель местного самоуправления в соответствие с реалиями времени. Необходимо отметить, что муниципальная реформа предусматривает серьезные преобразования и в системе органов местного самоуправления. Новый закон жестко определяет перечень основных органов местного самоуправления, а именно: представительный орган, глава муниципального образования, местная администрация и контрольный орган, причем первые три определяются как обязательные. С учетом названных нововведений федерального законодательства Устав муниципального образования – городской округ г. Рязань предусматривает следующую структуру органов местного самоуправления:

1) представительный орган города Рязани – Рязанская городская Дума (представительный орган предшествующих созывов именовался «Рязанский городской Совет»);

2) глава муниципального образования – председатель Рязанской городской Думы;

3) исполнительно-распорядительный орган – администрация города Рязани, возглавляемая главой администрации города Рязани;

4) контрольный орган – Контрольно-счетная палата города Рязани.

Представительный орган – Рязанская городская Дума – имеет как полномочия, установленные в соответствии с федеральными законами и законами Рязанской области, так и исключительные полномочия [16, с. 249]. К исключительным полномочиям представительного органа города Рязани относятся принятие Устава города Рязани, внесение в него изменений и дополнений, а также утверждение бюджета города Рязани и отчета о его исполнении, принятие планов и программ развития муниципалитета, утверждение отчетов об их исполнении, определение порядка материально-технического и организационного обеспечения деятельности органов местного самоуправления и др. Работу представительного органа города Рязани возглавляет и организует глава муниципального образования, который избирается представительным органом города Рязани тайным голосованием и является председателем Рязанской городской Думы. Кандидат считается избранным на должность главы муниципального образования, если за него проголосовало более половины от установленного числа депутатов представительного органа города Рязани [Там же, с. 234].

На первом заседании представительного органа местного самоуправления нового созыва, состоявшемся 20 марта 2008 г., депутаты в составе 22-х человек единогласно избрали Ф.И. Провоторова на должность главы муниципального образования, председателя Рязанской городской Думы¹. Согласно Уставу города Рязани, Глава муниципального образования подконтролен и подотчетен населению города и представительному органу, а также не реже одного раза в год представляет отчет о своей деятельности и деятельности представительного органа г. Рязани [Там же, с. 236]. Как высшее должностное лицо города глава муниципального образования представляет город Рязань в отношениях с органами местного самоуправления других муниципальных образований, органами государственной власти, гражданами и организациями. В обязанности главы муниципального образования входит издание в пределах своих полномочий нормативно-правовых актов, контроль за исполнением решений предста-

¹ 23 апреля 2012 г. Федор Провоторов обратился с заявлением в Рязанскую городскую Думу об освобождении с должности главы муниципального образования г. Рязани, которое было удовлетворено.

вительного органа г. Рязани и собственных правовых актов, заключение контракта с главой администрации г. Рязани, организация приема граждан, рассмотрение предложений, заявлений, жалоб и иных обращений населения муниципального образования и др.

Исполнительно-распорядительным органом местного самоуправления выступает администрация г. Рязани, возглавляемая главой администрации. Администрация города осуществляет исполнение полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения и отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления города федеральными законами и законами Рязанской области. Администрация города в своей деятельности подотчетна Рязанской городской Думе.

Исполнительно-распорядительным органом местного самоуправления руководит глава администрации города Рязани на принципах единоначалия. Глава администрации города Рязани назначается на должность по контракту, заключаемому по результатам конкурса на замещение указанной должности на срок полномочий представительного органа г. Рязани и отчитывается перед последним не реже одного раза в год о деятельности администрации города. Глава администрации города Рязани представляет проекты нормативных правовых актов, предусматривающих установление, изменение и отмену местных налогов и сборов, осуществление расходов из средств бюджета города, представляет администрацию города в отношениях с органами государственной власти, органами местного самоуправления, предприятиями, учреждениями, организациями, средствами массовой информации и гражданами, организует и контролирует в пределах своей компетенции выполнение решений представительного органа г. Рязани, правовых актов главы муниципального образования Рязани, содействует развитию системы органов территориального общественного самоуправления населения, рассматривает и учитывает в своей деятельности их предложения, сообщает им результаты рассмотрения и др. [19, с. 246]. Что касается контрольного органа местного самоуправления, то в настоящее время в администрации города функционирует контрольно-ревизионный отдел, подчиняющийся заместителю главы администрации по экономике и финансам. Так, депутаты комитета по бюджету, налогам и инвестициям городской Думы на своем очередном заседании рассмотрели окончательный проект положения о Контрольно-счетной палате города Рязани. В частности, члены комитета говорили об обеспечении гарантий руководителям контрольного органа и квалификационных требованиях, предъявляемых к ним.

В настоящее время главой муниципального образования г. Рязани является Лариса Максимова. Она была избрана на данную должность на внеочередном заседании Рязанской городской Думы 5 мая 2012 г. Решение о ее избрании было принято депутатами единогласно. По словам Л.И. Максимовой, необходимо повысить, прежде всего, авторитет Рязанской городской Думы, а также найти взаимопонимание с администрацией города, дабы избежать возможных конфликтов [14, с. 7]. Рязанские эксперты-политологи предполагают, что Лариса Максимова сможет выстроить ровные, деловые отношения с администрацией города и усилить контроль за ее деятельностью, поскольку у Максимовой уже накоплен серьезный опыт работы в представительном органе власти.

Детально изучив структуру органов местного самоуправления города Рязани, можно привести мнение С.Е. Чаннова о том, что возможности населения самостоятельно определять структуру органов местного самоуправления теперь ограничены [10, с. 28]. Действительно, Федеральный закон № 131-ФЗ закрепляет норму, по которой порядок формирования, полномочия, их срок, подотчетность, подконтрольность органов местного самоуправления, а также иные вопросы организации деятельности указанных органов определяются уставом соответствующего муниципального образования (в данном случае – Уставом города Рязани). Однако именно от организации системы органов местного самоуправления непосредственно зависит эффективность построения и функционирования местных органов власти.

Таким образом, подводя итог анализу рассматриваемой проблемы, можно сделать соответствующие выводы.

Реформа местного самоуправления стала важной политической инициативой, свидетельствующей о тенденциях децентрализации территориального управления, освобождение государства от функций, которые с успехом могут выполнять другие органы управления, например, территориальные сообщества. Принцип самостоятельности местного самоуправления, который включает в себя, в том числе и самостоятельное определение структуры органов местного самоуправления населением как единственным источником власти, является одной из концептуальных составляющих института местного самоуправления в Российской Федерации.

Современная политико-правовая модель местного самоуправления в г. Рязани полностью адаптирована к общей концепции развития публичной власти в Российской Федерации. Цель данной политической стратегии – установить баланс интересов не только между различными уровнями власти, но и между властью и обществом. Системе местного

самоуправления в процессе построения устойчивой и безопасной политической системы отводится важная роль аккумулятора и реализатора интересов общества. В частности, в муниципальном образовании г. Рязань произошел переход на двухуровневую систему территориального устройства, а также проходит процесс оптимизации системы компетенций органов местного самоуправления и органов государственной власти, образована сбалансированная система органов управления муниципальной власти [18, с. 116].

Местное самоуправление, как и вся российская политическая система, накапливает положительный опыт функционирования в качестве полноправного института, но, в то же время, требует дальнейшего развития и совершенствования. Неслучайно в Послании Федеральному Собранию Д.А. Медведев обозначил задачи по развитию институтов демократии, повышению уровня и качества народного представительства во власти и акцентировал те аспекты этой работы, которые непосредственно связаны с низовыми уровнями публичной власти [11]. Так, например, вопросы формирования структуры органов местного самоуправления являются частью проблемы, связанной с определением баланса между существующими процессами централизации и децентрализации в сфере функционирования местного самоуправления. Это позволяет говорить о том, что в систему организации властно-управленческих отношений на уровне муниципального образования г. Рязань привнесены элементы сдержек и противовесов, характерные для системы разделения властей на областном и федеральном уровнях государственной власти. Они направлены, с одной стороны, против характерного для современной практики чрезмерного усиления единоличной власти глав муниципальных образований, а с другой – против неоправданного вмешательства представительных органов в исполнительно-распорядительную деятельность. В дальнейшем все это должно оптимизировать разделение труда между органами власти, входящими в структуру органов местного самоуправления, повысить эффективность их деятельности по обеспечению устойчивого развития города Рязани. Серьезное влияние, создавшее дополнительные проблемы для реализации реформы, оказала сложившаяся культура местного самоуправления, которая во многом была сформирована советской политической традицией. Однако в итоге все же появилась (и это важное достижение реформы) двухуровневая система, созданся институциональный ограничитель вертикальности власти. Но появившиеся поселения оказались в условиях явного недостатка финансовых средств, инфраструктурных и кадровых ограничений. То же, только в другом масштабе, можно говорить и о городских округах.

Местному самоуправлению приходится бороться со стремлением вышестоящих уровней публичной власти сконцентрировать ресурсы наверху, а ответственность переложить вниз.

Итак, вследствие проведенного анализа, можно сделать заключение, что необходима дальнейшая оптимизация и совершенствование основных направлений реформы местного самоуправления.

Библиографический список

1. Авдонин В.С. Взаимодействие трех уровней власти в Рязанской области // Центр – регионы – местное самоуправление / Под ред. Г.М. Люхтерханд-Михалевой и С.И. Рыженкова. Вып. 4. М.; СПб., 2001.
2. Авдонин В.С. Рязанская область: реформа местного самоуправления в условиях раскола элиты // Реформа местного самоуправления в региональном измерении. М., 1999.
3. Авдонин В. Муниципальные выборы и референдумы в Рязанской области // Местное самоуправление в современной России: Политика, практика, право / Под ред. С.И. Рыженкова. М., 1998. С. 95–108.
4. Авдонин В.С. Муниципальные выборы и референдумы в Рязанской области // Местное самоуправление в современной России: политика, практика, право. М., 1998.
5. Акульшин П.В. Рязанские губернаторы: эпохи и люди // Власть и общество в России: традиция и современность (к 100-летию учреждения парламентаризма в России). Рязань, 2006.
6. Владимиров С. Рязанская область // Политический мониторинг ИГПИ. М., 1998.
7. Закон Рязанской области от 29.11.2004 г. № 129-ОЗ «О некоторых вопросах организации местного самоуправления в Рязанской области». URL: <http://www.msu.ryaz.ru/index.php?ns=100&id=119> (дата обращения: 09.03.2012).
8. Закон Рязанской области от 30 августа 2006 г. № 109-ОЗ «О признании утратившими силу законов Рязанской области о местном самоуправлении Рязанской области». URL: <http://www.ryazanlaws.ru/index.php?ds=781457> (дата обращения: 09.03.2012).
9. История Рязанской области: руководители Рязанского края 1778–2008 / Под ред. П.В. Акульшина. Рязань, 2008.
10. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Постатейный / Под ред. С.Е. Чаннова. М., 2008.
11. Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 5 ноября 2008 г. URL: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/11/208749.shtml> (дата обращения: 09.03.2012).
12. Петренко В. «Власть будет работать, но с минимальными полномочиями» // Вечерняя Рязань. 2005. 29 сентября. С. 4–5.
13. Реформа местного самоуправления в региональном измерении / Под ред. С.И. Рыженкова и Н.А. Винника. М., 1999.

14. Трубушкина О. Впереди – работа // Рязанские ведомости. 2012. 6 мая. № 81.
15. Устав города Рязани от 3 июня 1996 г. № 23. URL: <http://www.xolopov.narod.ru/gorod/ustav.txt> (дата обращения: 09.03.2012).
16. Холопов В.А. Город Рязань. Местное самоуправление: становление, современная модель, стратегия развития. Рязань, 2008.
17. Холопов В.А. Государственное и муниципальное управление: Учебное пособие. Ростов-н/Д., 2010.
18. Холопов В.А. Государство и местное самоуправление: основные аспекты стратегического взаимодействия. Рязань, 2007.
19. Холопов В.А. Территориальное общественное самоуправление как стратегическая основа развития гражданского общества в России. Рязань, 2008.

А.Г. Масалов

Теоретические подходы к определению сущности молодежи

Рассматриваются социально-психологический, субкультурный, стратификационный и интеграционный теоретико-методологические подходы к определению сущности молодежи.

Ключевые слова: молодежь, социализация молодежи, субкультура молодежи, социально-психологический, субкультурный, стратификационный и интеграционный теоретико-методологические подходы.

О повышенном внимании общества к молодежи указывает тот факт, что более трети всех социологических исследований в нашей стране затрагивают интересы молодого поколения [10, с. 7]. В науке сформировались различные парадигмы определения сущности молодежи, а государственная молодежная политика привлекает внимание общества к необходимости разрешения чрезвычайно широкого спектра проблем молодого поколения, вследствие чего происходит распыление государственных и общественных ресурсов, не позволяющее концентрировать их на наиболее важных, «прорывных», «ключевых» направлениях. Указанные гносеологические причины актуализируют теоретико-методологические задачи

определения сущности молодежи, критериев ее идентификации и выделения в структуре общества. По этому поводу известный исследователь молодежи И.М. Ильинский писал: «Молодежь – понятие конкретно-историческое, зависящее от характера и уровня развития общества. Определенного, раз и на все времена, всеми приемлемого понятия “молодежь” в мире никогда не было, нет и быть не может» [7, с. 24]. Социологи, например, рассматривают молодежь как специфическую социокультурную группу, психологи – как группу с присущими ей психофизическими особенностями социализации личности, политологи – как инновационный ресурс развития государства и т.д. В таком случае, очевидно, сближению понятийного аппарата, используемого различными парадигмами определения сущности молодежи, может служить изучение и распространение в научном и общественном сознании знаний о сущностных сходствах и отличиях парадигм определения сущности молодежи.

В 20–30-х гг. XX в. сформировались теоретико-методологические основы классических теорий, своеобразно определяющих сущность молодежи. Систематизировав их, профессор В.А. Луков выделил три принципиально различающихся подхода к определению сущности молодежи: социально-психологический, субкультурный и стратификационный [8, с. 19], которые обнаруживаются и в современных научных работах, политических и правовых документах.

Так, *социально-психологический* подход представляет молодежь социальной группой, выделяемой в структуре общества по периоду возрастных гормональных перестроек организмов большинства людей, которые сопровождаются повышением их активности и социальной мобильности, стремлением к повышению социального статуса. При этом особое внимание уделяется психологическому состоянию человека, которое особым образом сказывается на его социальном поведении. Указанные личностные качества у большинства людей проявляются в возрасте от 14 до 30 лет и могут выступать в качестве группообразующих признаков молодежи. Теоретическую основу такого подхода создали труды Г. Стэнли Холла, К. Грооса, Ш. Бюлера, А. Фрейда, В. Райха, Э. Фромма, Э. Эриксона и других социальных психологов.

Этот подход нашел широкое применение и в российской ювенологии, которая признает, что нижняя возрастная граница молодежи – 14 лет – может определяться усредненным возрастом наступления половой зрелости, а верхняя граница определяется в широком возрастном диапазоне в зависимости от многих качеств индивида, достижением его экономической самостоятельности, вступлением в семейно-брачные отношения и т.п. конкретных условий социализации.

Использование социально-психологического подхода к определению сущности молодежи позволило авторам некоторых социологических энциклопедических словарей определять молодежь как социально-демографическую группу, переживающую период становления социальной и психо-физиологической зрелости, адаптации к исполнению социальных ролей взрослых, вследствие чего «возрастные границы молодежи размыты и подвижны, как правило, к молодежи причисляют в возрасте 14–30 лет» [4]. По этому поводу И.В. Бестужев-Лада, С.Н. Иконникова и некоторые другие российские ювенологи указывали, что социализация молодежи, приобретение ею свойств социального субъекта должно осуществляться в «свое время» и продолжение молодости не может увеличиваться беспредельно за счет сокращения других периодов жизнедеятельности социального субъекта, вследствие чего значительные социально отклонения возрастных «периодов взросления» считаются аномальными [1, с. 6–20].

Субкультурный подход выделяет молодежь в обществе как социокультурную группу со специфическим образом жизни, стилем поведения, культурными нормами, ценностями. В работах Э. Шпрангера, М. Мида, Т. Парсонса, Т. Розака, Ч. Рейча и других ученых молодежь рассматривается через совокупность присущих ей культурных свойств и функций.

Субкультурные особенности молодого поколения указывают на то, что она может успешно сочетаться с традиционной культурой общества, носителями и хранителями которой являются старшие поколения. Но при неблагоприятном развитии взаимоотношений между поколениями может возникать конфликт молодежной и традиционной культур, последствиями которого может стать перерождение молодежной субкультуры в контркультуру, провоцирующую «молодежные бунты», подобные движению хиппи или другим протестным молодежным движениям.

Стратификационный подход основан на демографических принципах условного деления общества на возрастные группы и представляет молодежь хронологически ограниченной возрастом социально-демографической группой, которая имеет специфичные социальные позиции, статус и роли, является объектом и субъектом процесса смены поколений. Т.к. наиболее четкая периодизация поколений – 25 лет – обусловлена средним возрастом вступления людей в семейно-брачные отношения и рождения детей, то молодежь является активным участником процесса смены поколений.

Примечательно, что российская статистика использовала семилетнюю периодизацию начальных этапов жизни человека: детство (до 7 лет), отрочество (с 7 до 14 лет), юность (с 14 лет до 21 года), молодость (с 21 года

до 28 лет). Последующий период – зрелость – начинался в 28 лет. Эта традиция была учтена организаторами Российского коммунистического союза молодежи в 1918 г., которые внесли в устав РКСМ положения о возрасте членов этой молодежной организации – 14–28 лет. Таким образом, государство, РКСМ, а в последствие и ВЛКСМ, до конца 1980-х гг. к молодежи причисляли не только статистически определенную возрастом (21–28 лет) группу, но и людей юношеского возраста (14–21 год), которые имели много общих проблем с молодежью. В дальнейшем, для удобства социально-демографических анализов, верхняя граница молодежного возраста расширялась до 30 лет, что нашло отражение в уставе Российского Союза молодежи.

Такие возрастные определения молодежи не являются общепринятыми. Так, в 1960-х г. ООН определила границы молодежного возраста в интервале от 15 до 24 лет.

Проблемы стратификации обусловлены трудностями определения точных критериев идентификации молодежи, выделения ее по формализованным признакам. Так, В.Т. Лисовский, определявший молодежь как поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции», указывал, что в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет [5].

Вместе с тем, при определении границ молодежного возраста приходится учитывать возрастные социально-психологические и социальные особенности человека, а именно: начало молодости связано с активными физиологическими и психическими процессами в организме человека, его половой зрелостью (интервал от 12 до 16 лет), а конец молодости обусловлен повышением социального статуса человека, прекращением его зависимости от родителей, наступлением его полной ответственности за себя. Т.к. эти критерии в конкретных условиях и для конкретных индивидов имеют существенные отличия, то ни начало, ни окончание молодости не имеет четких возрастных определений и может варьировать в широком диапазоне. В то же время, степень «взросления» может определяться следующими качественными признаками:

- отсутствие родительской опеки, экономическая независимость, личная ответственность за приобретение необходимых для собственного существования средств и способность создавать их, распоряжаться такими средствами по собственному усмотрению;
- личная самостоятельность в принятии и осуществлении собственных решений, полная ответственность перед обществом за свои дела;

– создание собственной семьи и ее полное обеспечение, принятие ответственности за членов своей семьи, их экономическое и иное обеспечение, способность к их защите.

Эти условия являются необходимыми, но только в совокупности они являются достаточными для приобретения качеств «взрослого» человека молодыми людьми. Практика показывает, что каждое из этих условий может достигаться индивидами в разном, порой довольно раннем возрасте. Большинство молодых людей вступает в семейно-брачные отношения в 22–23 года, становится экономически самостоятельными – к 25 годам, достигает социально-политической и трудовой стабильности только к 30 годам. Поэтому средняя нижняя возрастная граница молодежи в России определена в 14 лет, а верхняя – 30 лет включительно. Такие усредненные возрастные критерии определения молодежной социальной группы необходимы органам государственной власти и местного самоуправления для разработки адресной государственной молодежной политики. Они закреплены в политико-правовых документах. Так, в Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1760-р, возраст молодежи определяется периодом 14–30 лет и сообщается, что, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. в России насчитывалось 39,4 млн человек (27% от общей численности населения страны) такого возраста. Но молодежная социально-демографическая группа неоднородна. Очевидно, поэтому трудности статистического анализа привели к тому, что в документе также приводятся данные с указанием другого возрастного интервала при определении социально-демографических тенденций и указывается, что при их сохранении до 2015 г. численность молодых людей в возрасте 15–25 лет в России может сократиться с 29 до 18 млн человек [11].

Стратификационный подход используется государством для определения периода вступления граждан в возраст правовой ответственности. Так, российское законодательство определяет 14-летним возрастом начальную границу трудоспособности и правовой ответственности граждан. В 14 лет россияне получают паспорт, удостоверяющий их гражданские права.

В середине 80-х гг. XX в. В.И. Чупров обосновал концепцию, связывающую сущность молодежи с ее ролью в общественном воспроизводстве [13]. Сторонники такой концепции молодежи утверждают, что «развитие молодежи как социальной группы непосредственно связано с ее ролью и местом в общественном воспроизводстве. В результате смены поколений осуществляется простое или расширенное социальной структуры,

в ходе которого раскрывается социальная сущность молодежи, выявляются ее основные социальные функции» [2, с. 7].

Перечисленные выше теоретико-методологические подходы не исчерпывают все многообразие определений сущности молодежи, поэтому предпринимались попытки их объединения. Они привели к разработке *интеграционного подхода*, который предполагает многоаспектность молодежи как предмета познания и необходимость изучения совокупности социологических, психологических, биологических, правовых, культурологических и других факторов жизнедеятельности людей в конкретных исторических условиях места и времени для определения социальной группы, проходящей переход от социального статуса «детской несамостоятельности» к статусу «взрослой полной самостоятельности».

По этому поводу И.С. Кон писал: «Становясь старше, ребенок разрывает пуповину своих прежних отношений, основанных на зависимости от старших, переоценивает и перестраивает их, включаясь в новую, более сложную систему, в которой он занимает самостоятельную и даже центральную роль» [4, с. 305]. М.Х. Титма и Э.А. Саар указывали, что «при включении в общественную жизнь молодое поколение субъективирует общественные отношения и институты, находящиеся на конкретном уровне развития» [12, с. 3–4].

В работе «Диагноз нашего времени» Манхейм писал, что у каждого поколения есть свое пространственно-временное измерение и для изучения особенностей поколений необходимо учитывать их «историко-культурное пространство». Поэтому Манхейм, называвший молодежь одним из скрытых ресурсов, которые имеются в каждом обществе и от мобилизации которых зависит его жизнеспособность, придавал большое значение определению социальной функции молодежи и утверждал, что значение молодежи в обществе не стабильно и вопрос ее использования зависит каждый раз от характера и социальной структуры общества, его культуры [6].

Действительно, молодой человек, неполно включенный в общественную жизнь и ищущий свое место в обществе, стремится к повышению собственного социального статуса, выступает в качестве источника общественного развития. Молодежь ни прогрессивна, ни консервативна по своей природе, она потенция, готовая к любому начинанию. При этом молодежь, вступающая в общественную жизнь, проявляет инновационный потенциал, стремление к приспособлению общества к потребностям молодого поколения.

Идеи представления молодежи социальным ресурсом общественного развития рассматривались И.М. Ильинским, который доказывал, что

молодежь – это главная общественная ценность особого рода; это не только понятие демографическое, но также экономическое, социальное, политическое; это объективное общественное явление, выступающее всегда как большая специфическая возрастная подгруппа, являющаяся носителем огромного интеллектуального потенциала, особых способностей к творчеству, а социальный статус молодежи во всех конкретных обществах и во все времена в главном одинаков: молодежь одновременно объект и субъект социализации [7].

В то же время, социологи рассматривают молодежь как *интегрированную многокомпонентную социальную группу*. В частности, Ю.А. Зубок доказывал, что под социальной интеграцией молодежи понимается, во-первых, характер связей между обществом как целым и молодежью как его частью, возникающих в процессе включения этой социально-демографической группы в социальную структуру, направленных на поддержание и воспроизводство устойчивых общественных отношений и целостности общества; во-вторых, совокупность процессов, определяющих различные формы внутригруппового единства молодежи [2, с. 14–15].

Объединение социологических и психологических подходов к определению сущности молодежи позволило И.С. Кону дать следующие определения молодежи и молодости: «Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств. Молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации» [3]. Данные дефиниции в отечественной ювенологии признаются классическими и активно используются при определении сущности молодежи и молодежного возрастного периода. Например, в Социологическом словаре дается два определения сущности молодежи: в широком смысле, молодежь – это обширная совокупность групповых общностей, образующихся на основе возрастных признаков и связанных с ними основных видов деятельности, а в узком – социально-демографическая группа, выделяемая на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения молодых людей, их места в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей [9].

Признавая зависимость изменений возрастных границ молодости от многих факторов, отметим, что специфические проблемы молодежи всег-

да связаны с ее нестабильным социальным положением, переходом от «детскости» (детской несамостоятельности, неполной правовой и иной ответственности, неполной трудоспособности, зависимости от старших) к «взрослости», «зрелости» (полной экономической и политической независимости от старших поколений, полной правовой ответственности, трудоспособности, семейно-брачным отношениям). Именно в молодости человек переходит от подражания старшим к самостоятельному творчеству во всех сферах общественной жизни, активно решает проблемы собственного социального статуса. При этом молодые люди неизбежно вступают в социальные конфликты с представителями старших поколений по поводу традиционных ценностей общества, социальной иерархии и по другим жизненно важным вопросам. Естественное отмирание старших поколений обеспечивает безусловную победу «молодому поколению», которое к тому времени частично или полностью замещает поколение родителей и, стараясь защищать ценности своего поколения от «новой» молодежи, неизбежно вступает в борьбу с его представителями – поколением детей по поводу «новых» молодежных запросов. Следовательно, *постоянное воспроизводство и обновление интересов молодого поколения обнаруживает инновационные способности молодежи, а стремление к их реализации превращает молодежь в постоянно генерируемую обществом движущую силу социального развития.* Мотивами активного инновационного поведения молодежи являются нестабильность ее социального положения и неопределенность последствий ее социальной мобильности при переходе от детской несамостоятельности к «взрослости», устойчивой определенности социального статуса и функций; неустойчиво-переходное положение в ролевом выполнении социальных функций, видов деятельности, обретаемых и утрачиваемых по мере физического, половозрастного, психического созревания; экономическая и административная зависимость от старших поколений.

Таким образом, при определении сущности молодежи наиболее часто используются социально-психологический, субкультурный, стратификационный и интеграционный теоретико-методологические подходы. Но они не исчерпывают многообразие определений сущности молодежи, поэтому выделим в качестве общепринятого основного признака молодежи мобильность ее социального положения в структуре общества, обусловленную переходом от детской несамостоятельности, неполной ответственности за свои поступки к взрослости – самоопределению в обществе, экономической независимости от родителей, полной правовой ответственности за собственное поведение. На основании вышеизложенного представляется возможным давать следующее определение

молодежи: молодежь – это социально-демографическая группа, имеющая усредненные возрастные границы 14–30 лет, обусловленные существенными гормональными перестройками организма, а также социальной мобильностью, связанной с переходом индивида от детской несамостоятельности к личностному самоопределению в обществе, от экономической и иной независимости от родителей к полной правовой ответственности за собственное поведение.

Библиографический список

1. Бестужев-Лада И.В. Молодость и зрелость. М., 1984.
2. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: опыт исследования молодежи. М., 2007.
3. Кон И.С. Молодежь // Большая советская энциклопедия (БСЭ). 3-е изд. М., 1974. Т. 16.
4. Кон И.С. Открытие «Я». М., 1978, с. 305.
5. Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб., 2000.
6. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
7. Молодежь планеты: глобальная ситуация в 90-х годах, тенденции и перспективы / Ильинский И.М. и др. М., 1999.
8. Практикум по социологии молодежи / Вишневский Ю.Р., Ковалева А.И., Луков В.А. и др. М., 2000.
9. Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М., 2008.
10. Социология молодежи / Волков Ю.Г. Добренчиков В.И., Кадария Ф.Д. и др. Ростов-н/Д, 2001.
11. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1760-р. URL: http://karera59.ru/strategy_molodezh.html (дата обращения: 01.02.2012).
12. Титма М.Х., Саар Э.А. Молодое поколение. М., 1986.
13. Чупров В.И. Развитие молодежи: концептуальные понятия // Молодежь России: социальное развитие. М., 1992.

Л.М. Родионова

Содержание и формы социальной функции государства в современной России

Статья описывает содержание и формы социальной функции государства. Особое внимание обращено на проблемы социального регулирования.

Ключевые слова: социальная политика, социальное регулирование, политика заработной платы, система социального обеспечения, политика занятости.

Функции государства – это основные направления деятельности государства по решению стоящих перед ним целей и задач. Именно в функциях проявляется сущность конкретного государства, его природа и социальное назначение. Функции призваны отражать ту деятельность государства, которую оно должно осуществлять, чтобы решать поставленные перед ним задачи. Одна из таких функций государства – социальная, представляющая собой социальную политику государства.

Социальная политика – одно из важнейших направлений, составная часть внутренней политики государства. Она призвана обеспечить расширенное воспроизводство населения, гармонизацию общественных отношений, политическую стабильность, гражданское согласие и реализуется через государственные решения, социальные мероприятия и программы. Именно она обеспечивает взаимодействие всех сфер жизнедеятельности общества в решении социальных проблем, проявляя свои свойства: универсальности (всеохватывающий характер воздействия социальной политики на все стороны социального воспроизводства людей); включенности (возможность проникать во все сферы жизнедеятельности) и атрибутивности (способность сочетаться с любыми общественными отношениями, общественными феноменами и сферами).

Реальная социальная политика определяется свойствами, сложившимися в истории, конкретными условиями эпохи, особенностями экономического, политического и культурного развития общества, вероятностными и информационными факторами ее формирования.

С течением времени социальная политика расширяла как объекты своего влияния, так и их содержание. Росли масштабы государственного вмешательства в общественные процессы. Теперь она не ограничивается отдельными категориями населения.

Прямым объектом социальной политики выступают жизненные условия практически всех социальных и демографических групп. Она все больше стремится не просто корректировать негативные социальные последствия экономического развития, но предотвращать их, сосредоточивая свое внимание на выполнении конструктивной функции, связанной с социальной профилактикой и позитивным совершенствованием отдельных элементов и всей господствующей системы. При этом политические силы стремятся, в интересах достижения своих целей, маневрировать, поддерживая баланс между желаемым и возможным.

Основные способы осуществления реальной социальной политики состоят в использовании нормативно-правовых, экономических, финансовых, социально-психологических, организационно-технических и информационных средств и рычагов для обеспечения гражданам минимальных социальных гарантий, предупреждения социальных взрывов, смягчения возможных негативных последствий реформ различных сфер жизнедеятельности людей, проводимых действующей властью.

Не умоляя значения реальной социальной политики, следует признать, что подобный подход не позволяет выстраивать государственные институты управления, приоритетно нацеленные на профилактику, упреждение кризисных ситуаций, социальных рисков, свершение которых приводит к необходимости масштабной социальной помощи, поддержки и защиты. В этой связи для России и отдельных ее регионов должно стать актуальным стратегическое планирование – процесс выбора целей и решений, необходимых для их достижения в отдаленном пространственно-временном измерении. В этом процессе ведущую роль приобретают социальные программы долгосрочного действия.

Для стратегического планирования существенное значение имеет четкость трактовки понятий «социальная программа» и «социальная проблема».

В российской практике социальные программы подразделяются на следующие виды: доходов и цен; занятости и социально-трудовых отношений; охраны здоровья населения и развития здравоохранения; социальной защиты населения и его отдельных групп (инвалидов, пожилых, бывших военнослужащих и членов их семей и т.п.); образования; семьи, материнства и детства; дети России и др. Субъектами социальной политики являются государство и структуры формирующегося гражданского общества (общественные объединения, организации, предприятия, фирмы).

Центральное место в социальном регулировании принадлежит государству в лице его представительных и исполнительных органов, действующих на федеральном, региональном и местном уровнях. Они формули-

руют общую концепцию, определяют основные направления социальной политики, ее стратегию, тактику, обеспечивают законодательную, правовую основу, реализуют конкретные положения на местах.

Важное значение в решении социальных проблем отдельных категорий населения приобретают социальная деятельность, осуществляемая в рамках предприятий, фирм; активность политических, профсоюзных и общественных объединений, благотворительных и добровольных организаций. Они реализуют социальную политику в сравнительно узких пределах, соответствующих их компетенции. Взаимодополнение социального государственного регулирования реализацией программ предприятий, фирм, других институтов гражданского общества повышает эффективность социальной политики, ее целенаправленность, адресность, гибкость. Таким образом, механизм социальной политики предстает как разнообразие субъектов, программ, их финансовой основы, методов и средств реализации при ведущей роли государства и государственного социального регулирования.

Целью социальной политики является повышение благосостояния населения, обеспечение высокого уровня и качества жизни, характеризующихся следующими показателями: доход как материальный источник существования, занятость, здоровье, жилье, образование, культура, экология. Поэтому социальная политика связана с распределением доходов, товаров, услуг, материальных и социальных условий воспроизводства населения. Она нацелена на ограничение масштабности абсолютной бедности и неравенства, обеспечение материальных источников существования тем, кто по независящим от них причинам ими не обладает, предоставление медицинских и образовательных услуг, расширение сети и улучшение качества транспортных услуг, оздоровление окружающей среды. Социальная политика исходит из того, что неперенным условием поддержания благосостояния каждого человека должно быть его посильное участие в этом. Общество законодательным путем гарантирует минимум всех благ, необходимых для жизни человека, семьи. Он определяется из особенностей страны: территория, климат, величина населения, характер общественной системы, идеология и практическая деятельность правящих групп, политическая ситуация, уровень экономического развития, национальная специфика, сложившиеся культурные стереотипы поведения.

Социальная политика оказывает влияние на денежные доходы населения, а также на производство благ и услуг в достаточном количестве, адекватном спросу, объему и структуре потребностей населения. Основными ее направлениями являются: регулирование заработной платы,

доходов, занятости, совершенствование трудовых качеств работников, поддержание здоровья, культурного и образовательного уровня, развитие социальной инфраструктуры, социальное обеспечение.

Денежные доходы трудоспособных граждан регулируются посредством политики заработной платы путем установления минимальной заработной платы или основных параметров оплаты труда на государственных предприятиях. Покупая блага и услуги на товарном рынке, социальная политика косвенно (для частных предприятий) и прямо (для государственных) участвует в первичном распределении вновь созданной стоимости.

Денежные доходы нетрудоспособных групп населения прямо определяются социальной политикой. И здесь решающее значение приобретает ее участие во вторичном перераспределении первичных доходов. Механизм перераспределения заключается в изымании государством доли первичных доходов в виде различного рода налогов, а также принудительных страховых взносов и финансировании социальных программ. Налогообложение и социальные выплаты осуществляются дифференцированно, в зависимости от величины первичного дохода. При этом в основе налогообложения лежит принцип прогрессивности. Чем больше размер дохода, тем выше размер налогов. В основе социальных выплат – обратная зависимость.

В центре общественного механизма поддержки денежных доходов нетрудоспособных граждан находится система социального обеспечения. Она состоит из двух подсистем: социальное страхование и общественное вспомоществование. Они различаются между собой по объектам, размерам социальных выплат и источникам финансирования.

Обязательное социальное страхование предназначено для возмещения материальных потерь, вызванных временным или постоянным прекращением работы в связи с возрастом, болезнью, производственной травмой (выплата пенсий, оплата больничных, пособий по безработице и т.п.). Основу социального страхования образуют специально предназначенные для этой цели взносы. Они выплачиваются работодателями и самими работающими, представляют собой часть заработанных средств, выделенных для социального страхования. Это проявление самопомощи.

Система государственного вспомоществования предусматривает регулярные денежные выплаты, разнообразную натуральную помощь и индивидуальные социальные услуги. Ее объектами являются экономически неактивное население и участники общественного производства, не имеющие достаточного с точки зрения общепринятого стандарта дохода. Основу финансирования общественного вспомоществования составляют поступления из государственного бюджета.

Эти обе подсистемы действуют на основе принципа солидарности, суть которого заключается в перераспределении доходов одних социально-демографических групп другим. Финансовым источником социального обеспечения являются текущие доходы участников общественного производства, изымаемые по каналам налогообложения (подходный налог, налоги предприятий и т.п.) и целевых взносов (взносы предприятий и самих застрахованных). Эти налоги и взносы образуют общественные фонды – финансовую основу социальных пособий.

Деятельность государства не ограничивается только перераспределением денежных доходов. Она включает в себя также формирование общественных фондов и финансирование отраслей социальных услуг, удовлетворяющих потребности населения в получении общего и профессионального образования, поддержании здоровья, в жилье, здоровой окружающей среде, транспорте. Социальная политика отвечает за доступность минимума (на данном этапе развития общества) услуг всем слоям населения.

Политика занятости способствует трудоустройству всех, кто готов приступить к работе и ищет ее, достижению максимальной продуктивности, обеспечению каждому потенциальному работнику свободы выбора занятости, возможности получить специальную подготовку, использовать свои навыки и способности для выполнения того вида труда, к которому он пригоден в наибольшей степени. Политика занятости имеет краткосрочные и долгосрочные задачи. К краткосрочным относится смягчение или нейтрализация негативных последствий экономических спадов, реформ. К долгосрочным – установление благоприятного для общественного развития соотношения категорий трудящихся по отраслям, профессиям и квалификации; поддержание уровня использования трудового потенциала; приведение в соответствие с такими потребностями величины и состава рабочей силы; позитивная адаптация занятых к экономическим преобразованиям; опережающее технический прогресс повышение качества рабочей силы.

Библиографический список

1. Родионова О.В. Социальные функции государства: Дис. ... д-ра юридич. наук. М., 2007.
2. Кочеткова Л.Н. Социальное государство. Опыт философского исследования. М., 2009.
3. Кочеткова Л.Н. Философские и аксиологические основания социальной политики // Основы социальной политики / Под ред. В.И. Жукова. М., 2010.

Агапов Михаил Геннадьевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры новой истории и международных отношений, Тюменский государственный университет. E-mail: magapov74@gmail.com.

Закиров Ринат Саярович – соискатель кафедры отечественной истории МГГУ им. М.А. Шолохова; инженер РОНЦ им. Н.Н. Блохина РАМН. E-mail: rinatz1978@gmail.com.

Запорожец Владимир Михайлович – кандидат исторических наук, доцент; профессор кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ. E-mail: vmzaporozhets@gmail.com.

Калмыков Виталий Сергеевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры всеобщей истории и теологии МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: newlofty@mail.ru.

Локшина Ксения Николаевна – ассистент кафедры теории, истории государства и права и политологии факультета юриспруденции и политологии, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина. E-mail: leona8484@mail.ru.

Сопленков Сергей Владимирович – кандидат исторических наук; учитель истории и обществознания, средняя общеобразовательная школа № 391 г. Москвы. E-mail: slenkoff@gmail.com.

Титов Игорь Валентинович – соискатель кафедры отечественной истории МГГУ им. М.А. Шолохова; генеральный директор ООО «РегионСтройСервис». E-mail: Titovi1971@yandex.ru.

Хаустова Татьяна Юрьевна – аспирант кафедры отечественной истории МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: tu.zatravkina@gmail.com.

Эпштейн Алек (Александр) Давидович – доктор социологических наук; преподаватель отделения социологии, политологии и средств массовых коммуникаций, Открытый университет Израиля; преподаватель факультета социологии и политологии, Московская высшая школа социально-экономических наук. E-mail: alekdep@gmail.com.

Fadeev M.K.

The political system in Russia
under the conditions of destabilization
and the abolition of the political regime
of the Third of June

The article covers the relationships between the authorities and the society as represented by the political forces presented in the State Duma of the last years of existing of the Emperor Russia. The author tries to analyze the main problems of these relationships and the tendency to the development of the political system under the conditions of growth of society opposition, connected with the unaffected politics of the tsar's administration and delay of solving principal social, economic and political problems.

Key words: the Third of June political system, III State Duma of the Russian Empire, Progressive block of the IV State Duma, Stolypin's government.

Go Man

Migration
of the population from Russia to China:
historical experience of naturalization
and identity maintenance
(the end of XVII – XX centuries)

The article is focused on the study of life and activity conditions of the Russian Diaspora in China from the end of XVII to the end of XX centuries. The attention is paid to the migration of that part of the population, their work and interaction between local people and newcomers. In conclusion the author presents data on China government policy on the Chinese citizens of the Russian origin.

Key words: Russian Diaspora in China, Russians as nation in China, Russian immigrants in China, policy of national equality.

O. Karpovich

Social-class structure
of the 1830–1831 revolt participants
in Minsk province

The article presents an attempt of complex investigation of the structure of revolt participants in Minsk province on the basis of materials of the National Historical Archive of Belorussia in Minsk.

Key words: peasant revolt of 1830–1831, social structure of the Polish revolt of 1830–1831, rebellious units in Minsk province, Polish revolt of 1831, country rebellious committees, Minsk province.

E. Kovalenko

Historical aspects of the male death rate problem:
XX century

The article is dedicated to the analysis of demographic tendencies in XX century Russia. Special attention is given to the burning issues of the 1990th demographic crisis that was characterized by the rise of natural death rate, short lifespan and considerable gap between female and male life spans, high death incidence among men, especially of the working ages.

Key words: demographic tendencies of the XX century, demographic crisis of the XX century, male death, natural population reduction, lifespan .

K. Kourkov

Tragic destiny of the nobles-entrepreneur's meetings
in Russia at the beginning of the XX century:
princes Golitsyns and their estates

The present article is devoted to the role of noblemen entrepreneurship, mainly one of the lines of the Golitsyn princes (Golitsyn-Prozorovsky) in national culture at the beginning of the XX century. Their business activity facilitated not only the development of classical Russian culture and collecting works of art, but also general charity even with respect to former serf peasants, that unfortunately could not prevent the loss of their estate and various unique monuments.

Key words: the Golitsyns, the Prozorovsky-Golitsyns, Zubrilovka estate of Balashov county of Saratov province, noblemen-entrepreneurs, patronage, charity, historical and cultural monuments, culture and charity centre, revolutionary vandalism.

K.N. Lokshina

Local self-government in Ryazan:
features of formation, current trends
and development prospects.

The article is devoted to the study of local government in Ryazan. The author carries out the historical review of local government formation in Ryazan. The article also considers in detail the structure and powers of Ryazan. It is the organization of the local government system that the efficiency of local authorities directly depends on. The article stresses that independent definition of local government structure by the population as the unique source of power is one of the conceptual components of the institute of local government in Russia.

Key words: modern history of local self-government in Ryazan, municipal reform, a municipal government, structure of local self-government.

A. Masalov

Theoretical approaches to definition of essence of the youth.

Socially-psychological, subcultural, stratification and integration theory-methodological approaches to definition of essence of the youth are considered in the article.

Key words: the youth; youth socialization; subculture of the youth; socially-psychological, subcultural, stratification and integration theory-methodological approaches.

Yu. Mukhina

The characterization of the condition of the peasants
and kholops in the second half of 16th – early 17th century Russia

The article describes the condition of the peasants and kholops in the second half of 16th - early 17th century Russia on the basis of analysis of letters, cadastres books and onerous books. The author addresses the issue of differentiation of the peasants and also traced the changes in the condition of such category of peasants as polovniki. Considerable attention is paid to the changes in life of various kholops. The author compares processes of complete extinction of “dokladny” kholops and reduction of the number of “starinny” kholops with the growth of cabala kholops and voluntary service.

Key-words: peasants, polovniki, complete kholops, “dokladny” kholops, cabala kholops, cadastres books, onerous books, voluntary service, letters.

Patrikeeva O.

The Girl-student or the External Student:
The Alternative of the Russian Women
in the Beginning of XX Century

The article answers the question: why the Russian women preferred the University to the Women's Higher Courses. The work is written mainly on the basis of the new archival documents, statistical materials, publications.

Key words: women's higher education in Russia, women's higher courses, girl-student, external student, co-education.

L. Rodionova

Content and form of social function of government in modern Russia

The article depicts content and form of the social function of government. Special attention is given to the issues of social regulation.

Key words: social policy, social regulation, wages policy, system of social support, employment policy.

M. V. Strelets

The political portrait of Matthias Erzberger

The topic under consideration is key aspects of political profiling of a prominent German statesman Matthias Erzberger in the interior of realities of Kaiserreich and the First German Republic.

Keywords: Weimar Germany, Kaiserreich, tax reform, Centre Party, Matthias Erzberger.

R. Subkhankulov

Main aspects of the development of national historiography
of USSR's participation in wars and war conflicts
in the second half of the 1930th

The article describes the process of development of scientific views and the analysis of national historiography literature on the USSR's participation in wars and was conflicts in 1936–1940th. Main tendencies that are still open to question in modern historiography are underlined by the author.

Key words: national historiography, Soviet-Finland war of 1939–1940, civil war in Spain, armed conflict near lake Khasan, armed conflict near the river Khalkin Gol.

A. Tkalich

Formation of interethnic relations
in the Extreme Northeast of Siberia
and an indigenous population christening
During the period of XVII – XX centuries

The article is devoted to the issue of strengthening of interethnic relations and influences of Russia in the Extreme Northeast during the period of XVII – XX centuries, and features advancement of Russian Cossacks-trailblazers, and also the problems of formation of mutual relations connected with this process with the radical people in the region. The judgment of acceptance of Christianity and the influence of Christian ideas on indigenous population of the Extreme Northeast during the specified historical period is rather important. The author relies both on the traditional points of view and a modern view on the processes promoting formation of historical and cultural space in region during the period of XVII – the beginning of XX centuries.

Key words: Russian Cossacks, the radical people of the Extreme Northeast, orthodox missionaries.

Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов) в формате Word.

На первой странице указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание (если имеются); место учебы или соискательства (полное название в именительном падеже); должность; место работы; контактный телефон (мобильный, в журнале не публикуется, необходим для связи редакции с автором); E-mail.

Затем следует заглавие, аннотация статьи (8–10 строк) и ключевые слова (не более 10).

Резюме на английском языке должно включать: название статьи; фамилию, инициалы автора(ов); аннотацию, ключевые слова.

Объем статей не должен превышать 30 000 знаков, включая пробелы (т.е. 16 типовых машинописных страниц), а объем рецензии или отзыва на книгу – 3 страниц. Помимо бумажного, необходимо представить электронный вариант:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- чертежи, графики, диаграммы, схемы должны быть выполнены с учетом возможностей черно-белой печати (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов);
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – не менее 2,5 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывать;
- абзацный отступ – 1,25 см;

- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в квадратных скобках, при цитировании необходимо указывать номер страницы;
- библиографический список располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала идет литература на русском языке, затем – на иностранном).

К предлагаемым для публикации статьям прилагается отзыв научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование.

Автор гарантирует соответствие содержания файла на электронном носителе бумажному варианту.

Контактная информация

Редакция расположена по адресу:
109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18, комн. 223.

Тел.: (495) 647-4477, доб. 11-351 – главный редактор РИЦ Алексеева Алла Александровна, редактор Козаренко Лика Александровна.

E-mail: izdat_mgou@mail.ru.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
А. А. Алексеева
Обложка, макет,
компьютерная
верстка
М. В. Кантакузен

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «История и политология»
2012.2

Электронная версия журнала: www.mgoru.ru

Сдано в набор 01.06.2012 г.
Подписано в печать 08.06.2012 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.